

Мария Герус

Крылья

никея Fantasy

Никея-фэнтэзи

Мария Герус

Крылья

«Никея»

2021

УДК 82-34
ББК 84

Герус М. В.

Крылья / М. В. Герус — «Никея», 2021 — (Никея-фэнтези)

ISBN 978-5-907457-10-2

Пятеро подростков и их учитель по прозвищу Крыса, которого все ненавидят, оказываются в странной, драматичной и, похоже, безвыходной ситуации. И здесь все по-настоящему – боль, смерть, ненависть и любовь. И сказка о прекрасных мудрых крайнах вдруг оказывается вовсе не сказкой... Эту книгу читают не отрываясь и подростки, и взрослые интеллектуалы. Психологи дают ее детям, нуждающимся в помощи. Родители видят в ней чудо взросления. Повествование «Крыльев» объемно и кинематографично, это мир фэнтезийный и одновременно очень реальный. Мир, где безысходность имеет выход. И где каждый найдет себя.

УДК 82-34

ББК 84

ISBN 978-5-907457-10-2

© Герус М. В., 2021
© Никея, 2021

Содержание

Часть 1. Падение	6
Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	41
Глава 7	44
Глава 8	52
Глава 9	56
Глава 10	62
Глава 11	70
Глава 12	76
Глава 13	79
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Мария Герус Крылья

© Герус М.В., 2021

© ООО ТД «Никея», 2021

* * *

Мне часто снится, будто я птица...

Часть 1. Падение

Глава 1

Его прозвали Королем крыс. Или просто Крысой. Хотя на крысу он совсем не похож. Долговязый, тощий, прямой, как столб. При такой худобе одежда должна болтаться как на вешалке, но куртка, серая не то от пыли, не то от перхоти, и бриджи, заправленные в узкие остроносые сапоги, сидят на нем плотно, как вторая кожа. Казенную алую мантию он просто набрасывает на плечи, и каждому ясно, какое все это старое, засаленное и потертое. Есть у него под курткой рубашка или нет? Должно быть, нет. Волосы гладко зачесаны назад и завязаны туго-натуго, аж кожа на лбу натянута. Вместо щек – ямы, глаз не видно под тяжелыми веками, подбородок выпирает, скулы торчат.

Скелет. Мертвая голова. Самое подходящее для него прозвище, если бы не прическа. Хвост длиннее, чем у городских щеголей. Те тоже сейчас норовят отрастить хвосты ниже пояса. Ничего не поделаешь, мода. Но щеголи свои волосы хотя бы иногда моют. Моют, расчесывают, завивают, подвешивают на концах локонов драгоценные бирюльки. А наш Крыса? Чем у него хвост завязан? Бархатной лентой со стразами? Шелковым шарфом с вышивкой? Кожаным ремешком с изящным тиснением? Не-ет... Шнурком от ботинка. Скрученным таким шнурочком с торчащими на концах нитками. Из-под шнура топорщится нечто вроде перьев мокрой вороны. Сивые лохмы лежат на плечах неопрятной мочалкой. Мочалка постепенно сужается книзу, так, что ниже пояса мотается одинокая сальная прядь, как две капли воды похожая на скользкий крысиный хвост.

Варка как-то окунул этот хвостик в чернильницу. Уж очень соблазнительно тот болтался. Но что последовало потом... До этого они не знали, что может сотворить с человеком Крыса. При одном воспоминании Ланка зажмурилась. Кры-ы-ыса. Его Величество Король крыс.

– Илана Град, встаньте.

Ланка дернулась так, что чуть не опрокинула чернильницу. Хорошо, Варка подхватил. Пришлось встать. Кажется, она слишком долго пялилась на несказанную красоту Крысеныша. Он заметил, но не оценил.

– Илана Град, будьте добры, покажите ваши записи.

Ах, записи? Да пожалуйста, сколько угодно. Портретов прапорщика Алекса она в этой тетради больше не рисует, переписку с Варкой не ведет. Наоборот. Там даже написано кое-что. Тема урока и всякое такое.

– Илана Град, что такое анафора?

Ланка обреченно уставилась в тетрадь. Никакой афонары, или как ее там, в тетради, конечно, не было. Варка, застыв как памятник и глядя строго перед собой, пытался что-то подсказать углом рта. Разобрать было ничего нельзя, но смелость Ланке понравилась. Варка вообще человек отчаянный. Знает, что Крыса его терпеть не может, а не боится.

– Хелена Фам, встаньте и повторите, что я говорил об анафоре.

Щуплая востроносая Фамка вскочила и пропищала как по писаному:

– Анафора есть единоначалие или повторение начальных отрезков речи, состоящих из двух и более слов, дабы придать тексту связность и ритм.

– Хелена Фам, Илана Град. Садитесь. Ваши успехи будут отмечены в матрикуле.

Илана с облегчением села. Пусть отмечает, что хочет. На Фамку она почти не сердилась. Фамка – нищета убогая, и деваться ей некуда. Не будет учить – живо вылетит из лицеума.

– Итак, анафору используют для того, чтобы... – забубнил Крыса, удаляясь в сторону восточного окна.

– Плюнь и забудь, – прошептал Варка, – щас мы ему устроим.

«А кто бросит? – застрочила в тетради Илана, изображая крайнее прилежание, – ты?»

– Не, Илка. Про розмарин помнишь?

Илана кивнула и осторожно покосилась на Илку. Пользуясь тем, что Крыса был далеко и, здрав подбородок, тарачился в восточное окно, Илка широко улыбнулся и многозначительно похлопал по плотно закупоренному кругленькому горшочку.

Горшочек отозвался тихим гулом. Илка осторожно засунул его поглубже в торбу. Крыса отвернулся от окна и с отвращением уставился на класс. Впрочем, он всегда смотрел на учеников как на скопище дохлых мух.

Илана поспешно склонилась над тетрадью. Толстая коса сползла с плеча. Золотистые локоны вились по щекам и стройной смуглой шее, сияли под осенним солнцем, как сверкающая корона. Илка зацепился взглядом за утонувшее в золотом тумане нежно-розовое ушко и принялся страдать. Вникать в бормотание Крысы о роли анафоры это не мешало.

Скрипя пером и тяжело вздыхая, он размышлял о своей несчастной доле и прекрасной, но, как оказалось, на редкость тупой Ланке. Такая же дура, как все бабы. Все, как козы, в Варку влюблены. А он и рад. Котяра весенний. Чего они в нем находят? Мужчина должен быть крепким, солидным, основательным. Илка повел пухлыми плечами, плотно обтянутыми черной саржей, незаметно согнул левую руку. На руке явственно обозначились мускулы. Даже под курткой видно. И отец у него гораздо богаче, чем у Варки. Городской старшина его отец. Это вам не кошкин хвост. А Варкин – всего лишь старшина цеха травников. Но Ланочка с этого года все к Варке липнет. Ах, высокий! Ах, стройный! Ах, белокурый!

Илка с ненавистью покосился на Варкину спину, покрытую плащом прямых, очень светлых, почти белых волос. Ага-ага, страсть как красиво. Вон какие лохмы отрастил. И не придерешься, все по правилам, точно на ладонь ниже линии плеч.

Илка почесал свою собственную шевелюру, которая никак не желала изящно спадать на плечи, а почему-то все время норовила притвориться копной сена. Во как, у кого-то копна, а у кого-то не волосы, а русалочьи локоны, не глаза, а синие очи, нос прямой, щеки загорелые и, как назло, ни единого прыща. Мать ему, должно быть, настой от прыщей варит. Губы розовым бантиком, на левой скуле родинка... Девка, как есть девка.

Будто прочтя его мысли, Варка, не оборачиваясь, показал кулак. Кулак был не очень крупный, исцарапанный, в цыпках, но в его крепости и силе удара Илка убедился самолично. В прошлом году они то и дело дрались. Дрались по любому поводу, из-за Ланки, из-за Петкиной Светанки и просто так. Побить Варку было трудно, а в одиночку почти невозможно. В драке синеглазый красавчик зверел. Он никогда не убегал, никогда не орал: «Нечестно, трое на одного!» Да он и на четверых как-то раз бросился с боевым воплем. Во дурак-то. Отметели его тогда как следует, целую неделю потом дома провалялся. Ему еще повезло, что отец у него травник.

Но это не помогло. Ланка все равно к нему липнет. И Светанка... И Фионка... И прочие курицы. Дружкам Илки надоело ходить в синяках, они начали роптать, и Илке пришлось прекратить военные действия. Теперь они сохраняли вооруженное перемирие, но Илка чувствовал, что долго не выдержит.

Впрочем, нынешний акт возмездия, последний отчаянный шаг в борьбе с ненавистным Крысой был задуман совместно. Как бы то ни было, а от Крысы они сегодня избавятся. Хотя бы на время. План Илка придумал сам. Хороший план, почти безупречный. Варка, который лазит как ящерица, раздобыл начинку для горшка. Розмарином от него потом несло как от городского франта перед Купальским балом. Но без розмарина ничего бы не вышло.

А Илка вызвался бросить. Во-первых, затем, чтобы показать Ланке, что он ничуть не хуже Варки. А во-вторых, он все-таки сын городского старшины, из лицеума его все равно не выкинут. Он же не Фамка какая-нибудь убогая.

* * *

Лицеистку Хелену Фам мутило от голода. Мутило так, что наполненные бледным светом высокие окна медленно плыли перед глазами, а белый купол потолка плавно вращался, тихо затягивая в беспмятство. Так уже бывало. Но дома, в Норах. Здесь в обморок падать никак нельзя... Хуже всего было то, что из Илкиной торбы нестерпимо пахло пирогами. Маслом пахло, капустой, луком, тушенкой с домашними специями. Да еще этот горшочек с круглыми аппетитными боками. Что в нем? Обычно в таких держат сметану. Или домашние сливки. Или розовое желе из трав и ягод. Рот медленно заполняла жгучая голодная слюна. Последний раз Фамка ела позавчера. Обедала, если можно назвать обедом полфунта черных бобов, сваренных почти без соли и очень скудно сдобренных конопляным маслом. На этом еда в доме кончилась.

В Норах голодали уже давно. Пару недель назад с Рынка-на-Болоте окончательно исчезли соль, масло, мука с половой и даже лежащая дешевая репа. Говорили – нет подвоза. Говорили – дороги перекрыты. Кем перекрыты и почему – никто не знал. Слухи в Норах ходили самые дикие. Будто бы самозванец наголову разбил королевские войска под Белой Криницей и через три дня будет в городе. Будто бы объявился еще один самозванец, будто бы он настоящий король и есть. Города берет – как орехи шелкает, и если какой город возьмет, сразу же в богатые кварталы, всех там вешает, а имущество раздает бедным. Будто бы король поссорился с наместником и намерен наместника казнить. Наместник же, не будь дураком, собирает войско, так что не миновать новой осады. Будто бы кто-то разбудил псов войны, и теперь будет голод и страшный мор. Все умрут, потому что страна навеки проклята.

Фамка слухам не верила, не пугалась и не удивлялась. Война началась еще до ее рождения, то подступая к самому городу, то откатываясь в такие края, о которых в Норах никто даже не слышал. Фамка на своем коротком веку успела пережить два успешных штурма и одну осаду. Во время штурмов она была еще маленькая и ничего не запомнила, кроме большого пожара в порту. Потом жители Нор долго бродили на пепелище, надеясь чем-нибудь поживиться. Во время осады, которая случилась пять лет назад, в Норах тоже не произошло ничего особенного, кроме голода и поветрия черной горячки. Но город самозванцу не сдался, по реке худо-бедно подвозили продовольствие, через месяц подоспели королевские войска, а от горячки почти никто не помер. Это болезнь легкая, не смертельная. Фамка два раза болела, и ничего.

Теперешний голод был куда страшнее. Порт опустел, река как будто вымерла. Денег на разносолы в хороших лавках Гнезд у них не было, потому что они с матерью никогда ничего не могли откладывать, разве что самую малость. Что заработают, то и потратят. Нет работы, нет и денег. Мать плела корзины на заказ, какие угодно, от высоких и жестких, из желтых ильмовых прутьев, до маленьких, изящных и легких, из светлого речного тростника. Из-за них Фамка и угодила в лицеум. Корзиночки всегда заказывала Марилла, Варкина мать. В такие корзиночки в их знаменитой на весь город лавке упаковывали лекарства.

Фамка вечно торчала на реке – то, сидя на дереве, срезала прутья, то по колено в воде собирала тростник, а по вечерам таскала готовый товар заказчикам. Варкина мать ее привечала, непременно кормила, а потом давала поглядеть раскрашенные картинки, между делом показывала буквы. Как-то незаметно для самой себя Фамка научилась читать, и оказалось, что ей это очень даже нравится. Между прочитанными историями возникают связи, одно противоречит другому, противоречия требуют разрешения, рождаются вопросы. Спросить было не у кого, кроме как у той же Мариллы. После одного из таких вопросов Марилла вдруг изменилась в лице, приказала в следующий раз непременно прийти с матерью, мать поворчала, но пришла, а потом долго плакала. Оказалось, что у Фамки мозги набекрень. Вовсе тронутая. Впрочем, Марилла назвала это – «выдающиеся способности». Варкин отец ходил к городскому стар-

шине, городской старшина лично договорился с Главным мастером Королевского лицеума, и Фамку взяли в этот самый лицей совершенно бесплатно. Поношенную форму подарила одна из богатых подруг Варкиной матери, две дочери которой уже выучились и благополучно вышли замуж. Зачем для этого надо было столько учиться, Фамка не понимала. Но у богатых свои причуды. Стопу книг, тетрадей и письменные принадлежности Фамке вручил лично Главный мастер. При этом он произнес речь. Из речи следовало, что в знак признательности за все эти благодеяния Хелена Фам должна учиться по меньшей мере блестяще и строго соблюдать лицейские правила.

Учиться и соблюдать Фамке было нетрудно. Вставать в пять утра и пешком тащиться из родимых Нор аж к самым Садам было гораздо труднее, особенно на голодный желудок. Самым трудным поначалу были ежедневные встречи с дорогими одноклассницами, со всеми этими Иланами, Светанами и Любавами. Ей припомнили и поношенную форму, и самовязанные толстые чулки, и материнские парадные башмаки на два размера больше, и красные, расцарапанные, распухшие от воды руки, и грязь под ногтями. От грязи Фамка избавиться не могла. Она по-прежнему работала, теперь уже вечерами. Ответить, как полагалось отвечать на Болоте или в сырых тупиках Нор, не смела. Единственной возможностью выбраться из Нор и вытащить оттуда мать был лицей. Так что Фамка терпела все.

Впрочем, прекрасная Ланочка и ее прихлебатели отстали на удивление быстро, примерно месяца через два. Наверное, Варка вступился. Девчонками он вертел как хотел, а Фамке вроде как покровительствовал. Должно быть, мать велела. Надеяться, что Варка питает к ней какие-то нежные чувства, было смешно и глупо. Умная Фамка и не надеялась. Поэтому, когда перед уроком он вручил ей веточку розмарина, она удивилась до остолбенения.

– До конца урока не выкидывай, – приказал он мрачным шепотом, и Фамке сразу полегчало. Просто-напросто в классе затевалось очередное развлечение. Опять, наверное, Крысу травить будут. Ишь, чего захотела – цветы от Варки. Он и Ланке-то цветов не дарит.

Варка был принц из другого мира. Из мира, где водятся распрекрасные Иланы, где носят шелковые чулки, надушенные нижние юбки, обувь по ноге и обедают каждый день.

Про обеды Фамка вспомнила зря. Желудок свернулся в тугой ком боли, пришлось положить перо и скрючиться над столом, ожидая, пока пройдет приступ.

– Фам, вы не слушаете! – прозвучало над самым ухом. На тощем плече Фамки сомкнулись костлявые пальцы.

Фамка вздрогнула всем телом. Крысу она боялась до умопомрачения. Придерется к чему-нибудь, нажалуется Главному мастеру – и все. Прощай, Королевский лицей. Рожденные в Норах пусть сидят в Норах. А придирается Крыса умел. И наказывать умел. Недаром на его уроках всегда было тихо, как в могиле. От ужаса Фамке даже есть расхотелось. Как ножом отрезало. Сжавшись, она смотрела в стол и пыталась приготовиться к самому худшему.

– Не отвлекайтесь, Фам! – прошипел Крыса и, наконец оставив в покое ее плечо, двинулся дальше, туда, где сидел Варка и его курицы. – В качестве примера удачного применения анафоры можно использовать...

* * *

Варка склонился над тетрадью, усердно делая вид, что пишет. Его просто распирало от ярости. Ах ты, Крыса... Чего тебе от несчастной Фамки понадобилось? Выжить ее хочешь, не иначе. Уже вторую неделю: «Фам – то, Фам – это». Фамка и так всего боится, и зубрит все подряд, только бы не выгнали. Вон бледная какая, того и гляди в обморок грохнется. Навязался на нашу голову, Крысеныш длиннохвостый!

Крыса свалился на их бедные головы в начале года. До него мастерство версификации вел милейший Арктус Грим. Арктус был поэтом и как-то в молодости даже выиграл состязание

бардов в Белой Кринице. Две-три его баллады распевали на улицах. Так что его можно было считать знаменитым поэтом. Сам он, во всяком случае, так и считал. Глаза его вдохновенно горели, седая шевелюра и лицейская мантия вдохновенно развевались, и речи он произносил исключительно вдохновенные.

Теорию Арктус не знал и знать не хотел, никакие анафоры и синекдохи его не волновали. Требовать он никогда ничего не требовал, на уроках мило беседовал с кучкой избранных любителей поэзии, мудро предоставляя остальным заниматься своими делами, в хорошие деньки, вроде сегодняшнего, обожал проводить занятия в Садах наместника, откуда практичному человеку ничего не стоило сбежать.

Но Варка сбежал редко. Ему нравился Арктус, нравилось слушать его напевное чтение, нравилось даже выполнять всякие хитрые задания, сочинять сонеты по заданным рифмам или баллады на какую-нибудь возвышенную тему. Арктус его хвалил и предрекал великое будущее. Впрочем, будущее Варку не очень волновало.

И вот этот симпатичнейший Арктус сам, своими руками привел в класс Крысу. Пожелал, видите ли, по примеру поэтов древности удалиться на покой, в деревню, а Крыса был должен его заменить. И Главный мастер не воспротивился, стоял рядом, благодушно кивал, но косился на Крысу как-то странно. Как будто боялся, что ли. Илка сразу предположил, что Крыса представлен от наместника, а может, и от самого короля наблюдать за направлением мыслей в знаменитом на всю страну лицеуме. Скорее всего, так оно и было.

Варка тут же почувствовал, что теперь неприятностей не оберешься. И, как всегда, оказался прав. На первом же уроке Крыса поднял Ланку. Вначале Варка не удивился. Мастера, в общем-то, тоже люди, а Ланка красавица, четырнадцать лет ей ни за что не дашь, не у всякой взрослой девицы такая фигура.

В первый день она явилась в лицеум с роскошной прической. Прошлой весной в город проникла новая мода. Городские щеголи все как один принялись завивать локоны и прикреплять к их концам разные маленькие штучки в виде бабочек, цветочков и прочих насекомых. Штучки делались обычно из тончайшей золотой или серебряной проволоки, крохотных драгоценных камешков и кусочков шелка. Впрочем, иногда дорогой оправы устаивались и настоящие бабочки, засушенные и покрытые особым лаком.

Золота и драгоценностей у Варки не было, но зато он умел лазить по заборам. Каменная стена Садов наместника никогда не казалась ему серьезным препятствием. В Садах водились изумительные бабочки, яркие, блестящие, менявшие цвет при каждом движении. Варка подошел к делу основательно, и не только от желания порадовать Ланку. Гоняться по клумбам за бабочками, в то время как за тобой гонятся разъяренные сторожа, оказалось чрезвычайно забавно. Варка развлекался все лето, наловил и засушил кучу бабочек, полную корзиночку подарил Ланке, а остальное раздал Светанке, Любке, Фионке и прочим курицам. Узнав, что курицы тоже получили свою долю, Ланка почему-то надулась, но Варка редко обращал внимание на Ланкино настроение.

Разумеется, в первый день учебного года Ланка соорудила на голове нечто вроде пышного пирога из переплетенных прядей. С пирога свисали многочисленные локоны, и на кончике каждого дрожала прекрасная бабочка. Курицы тоже украсились как могли, но до Ланки им было далеко. И вот Крыса приказал Ланке встать, приблизился вплотную, некоторое время молча разглядывал замысловатую прическу, а потом протянул свою немытую клешню и брезгливо, двумя пальцами с обломанными желтоватыми ногтями принялся обирать украшения. На миг все ошалело до полной немоты. Слышно было только, как с сухим стуком падают на парту бабочки. Потом курицы дружно ахнули.

– Что вы делаете?! – протестующе пискнула Ланка.

– Привожу вашу голову в соответствие с Уставом Королевского лицеума, – равнодушно проскрипел Крыса. – Устав предписывает ученикам носить прямые волосы без украшений на

ладонь длиннее линии плеч, ученицам – волосы без украшений, гладко зачесанные, заплетенные в косу. Еще вопросы есть? Или вы желаете побеседовать на эту тему с Главным мастером?

Вопросов ни у кого не было. Протестовать тоже почему-то никто не решился. И это в их буйном классе, в котором, кроме Варки, имеется еще придурок Илка с компанией прихлебателей и великовозрастные Витус с Андресом, которые вообще никого не боятся. Ланка стояла вся красная. Курицы под шумок торопливо сдирали с себя остатки былой красоты. Крыса сгреб в ладонь плоды Варкиных летних трудов, неспешно направился к открытому окну и вытряхнул пестрый сор. Бабочек унесло ветром, они падали медленно, как живые. Варка проводил их взглядом, покосился на тихо шипевшую от ярости Ланку. В глазах у нее дрожали злые слезы. Варка стиснул зубы и принялся вынашивать план страшной мести.

Пока месть медленно зрела, Крыса успел навести в классе свои порядки. В полукруглом зале для упражнений в искусстве версификации воцарилось сплошное благонаравие. Никто больше не болтал, не играл в чет-нечет, не чертил потихоньку построений для Мастера счислений. У всех завелись пухлые тетради, а в тетрадях весьма подробные записи. Смываться с версификации тоже больше никто не пытался. Да и что им оставалось делать?

Мастер счислений лупил виноватых по рукам длинной деревянной линейкой, Мастер-травник щедро раздавал подзатыльники. Главный мастер чуть что, принимался истошно орать. Крыса же никогда никого и пальцем не тронул, всегда был тих и вежлив, в ответ на грубость и неповиновение только брезгливо морщился. Но за любую провинность оставлял после занятий и требовал ни больше ни меньше как сочинить оду в честь Его Ныне Царствующего Единственно Подлинного Величества Анастасия Заступника, строк эдак тридцать, а то и все пятьдесят.

Даже туповатый Витус с первого раза понял, что отказ выполнить подобное задание при нынешнем наместнике легко можно приравнять к государственной измене. Ученикам-то по малолетству ничего не будет, а вот родителям... Нынешний наместник измену выискивал рьяно и искоренял ее люто, по законам военного времени.

Поэтому Варка решил мстить тайно. Так в один прекрасный день в шкатулке оказался спик. Спика Варкин отец держал в лавке для привлечения покупателей. Очень это было хорошо и таинственно. Полумрак, приятно пахнет мятой и душистой геранькой, повсюду пышные пучки трав, а под потолком толстая рогатая змея в плетеной клетке. Спик выглядел страшненько, хотя и был совершенно безвреден. Но зубы у него были отменные, нрав сварливый, и кусался он очень больно.

В шкатулке Мастер версификации обычно держал листы со своими зубодробительными заданиями. Варка с наслаждением предвкушал, как Крыса захочет в очередной раз обрадовать всех предложением сочинить какой-нибудь акростих в десять строк и непременно с парными рифмами, поле-е-езет в шкатулочку... а шкатулочка-то с сюрпризом!

Но, видно, то был несчастный день для военных действий. Именно в этот день Его Истинное Величество потерпел сокрушительное поражение под Маремами.

Крыса открыл шкатулочку, не глядя сунул в нее руку... Затем, по плану, он должен был разразиться дикими воплями и запрыгать по всему классу, пытаясь стряхнуть с руки намертво вцепившегося разъяренного спика.

Но когда рука вынырнула из шкатулки, намертво зажат в длинных безжалостных пальцах оказался именно спик. Кусаться он не имел никакой возможности, хотя и очень старался. Крыса держал его умело, за голову, как раз под рогами. Класс ахнул, но тихо, сдержанно. По опыту всем было известно, что за громкие вопли можно немедленно схлопотать наказание.

– Прелестно, – сказал Крыса, – просто изумительно.

Спик был, видимо, с ним не согласен. По встопорщенной чешуе проходили алые волны ярости, острые рога угрожающе шевелились, туловище сокращалось, пытаясь достать Крысу

хотя бы кончиком зазубренного хвоста. Но Варка уже знал: по-настоящему достать Крысу довольно трудно. Беспомощному змею это было явно не по силам.

Улыбаясь, как оскаленный череп, и держа спика в вытянутой руке, Крыса медленно пошел по классу. Змей извивался в опасной близости от лиц насмерть перепуганных одноклассников. Тут уж и страх наказания не помог. Девчонки визжали и норовили нырнуть под стол. Парни отшатывались и пытались закрыться руками. Илка крепился до последнего, но все-таки зажмурился. Его ближайший друг и соратник Петка внезапно посерел и обмяк. По-видимому, отбыл в обморок. Варка и не знал, что он такой впечатлительный.

Тут спик оказался прямо перед Варкой. Варка спокойно смотрел в лицо Крысе, сияя честнейшими, невиннейшими синими глазами. Все-таки это был его собственный, с детства знакомый спик. Так что визжать и падать в обморок он не стал. И как оказалось, зря.

– Прелестно, – повторил Крыса, остановившись перед ним с несчастным змеем в руке. – Ивар Ясень принес в класс любимое домашнее животное. Я надеюсь, все желающие с ним уже познакомились. А теперь меня томит желание познакомиться с другими домочадцами лицеиста Ясеня. Например, с его родителями. Или, может быть, они предпочтут беседовать сразу с Главным мастером?

– Нет, – твердо ответил Варка, – не предпочтут.

Беседа с Главным мастером, как правило, означала отчисление из лицеума.

Отцу Варка ничего не сказал. Отец под горячую руку мог и прибить. Причем на этот раз Варке влетело бы дважды. За вынесенного из дома спика – отдельно, за безобразие на уроке – отдельно. Так что знакомиться с Крысой пошла мать. Если бы Варка знал, что из этого выйдет, то сразу сдался бы на милость отца.

Беседа происходила в пустом в этот вечерний час Зале для упражнений в версификации. Мать вошла туда одна, Варку оставила ждать за дверью. Варка подумал, подумал и прижался ухом к дверной щели. Предполагалось, что мать будет извиняться и оправдываться, но пока что бубнил один Крыса. Бубнил, бубнил, а потом вдруг начал орать. Тут до слуха Варки стали наконец долетать отдельные слова, как и следовало ожидать, не слишком приятные. «Немыслимо! – вопил Крыса. – Как он посмел! Никто и никогда раньше...» Варке стало неинтересно. Все и так ясно, никто и никогда раньше не смел, а Варка посмел... И это немыслимо... И Варку теперь следует самое малое казнить на главной площади, чтоб другим неповадно было.

Мать вышла через полчаса и, ни слова не говоря, потянула Варку к выходу. Варка заглянул ей в лицо и остолбенел. Она плакала. Его спокойная терпеливая мать, встречавшая легкой улыбкой любые, самые бурные вспышки отца, плакала и даже не пыталась этого скрыть. Ее трясло. До дому она добралась только потому, что опиралась на Варкино плечо.

– Гад, – кратко высказался Варка уже на пороге. – Я его выживу.

– Нет. Его нужно пожалеть, – тихо ответила мать. Такое могла сказать только его мать, которая жалела даже мышей. Больше они об этом не говорили. Однако Варка не собирался сдаваться. Война и только война!

Война продолжалась, но успехи Варки были такими же сомнительными, как успехи королевских войск. Самым большим его достижением была жирная крыса, подвешенная за хвост у восточного окна зала. Правда, крысу раздобыл Илка. Варка всего лишь забрался на крышу Белой башни и привязал верхний конец веревки к водосточному желобу.

Весь урок ученики хихикали и переглядывались. Дохлая крыса покачивалась под ударами злого осеннего ветра и медленно намочала под дождем. Добраться до нее из класса было невозможно. Варка тихо радовался. Огорчало только, что Крысеныш не прервал урок и не побежал жаловаться Главному мастеру. Тихий и смирный, как объевшийся дракон, он спокойно расхаживал по залу, как всегда глядя поверх голов.

Ответный удар он нанес в конце урока, когда все уже расслабились и решили, что проделка сойдет с рук. Всем и каждому, даже ни в чем не повинной Фамке, был вручен список

новой поэмы Варавия Верноподданного, известного придворного версификатора. Поэма называлась «Песнь о великой победе Его Истинного и Непреложного Величества Анастасия над гнусным самозванцем в битве при Закопанье» и содержала восемьдесят строф по двадцать строк каждая. Крыса внимательно, словно впервые заметив, рассмотрел болтавшуюся за окном мокрую дохлую тезку, а потом сообщил, что новое творение гения, воспевающее подвиги нашего великого короля, надлежит выучить наизусть. Сегодня. Кто выучит – может идти домой. Но не раньше. Класс взвыл. В ответ Крыса поинтересовался, кто их не устраивает: преданный Двору поэт или... – но такое даже вымолвить страшно –... неужели кому-то не нравится Его Истинное Величество? После такого заявления все замолчали. Не любить Истинное Величество было опасно для жизни. Разошлись они уже в полной темноте, под жестоким ледяным дождем, зверски голодные и совершенно обалдевшие от знакомства с творчеством гениального Варавия.

После этого Витус с Андресом позвали взрослых приятелей с Рынка-на-Болоте, подкараулили Илку с компанией и как следует отлупили, чтоб неповадно было злить Крысу. Варку тоже пытались подловить, но не вышло. Варка очень быстро бегал.

С тех пор Крыса вошел во вкус и уже не искал виноватых, а наказывал всех скопом. Справедливость его не интересовала. В лучшем случае к каторжным работам после уроков приговаривались только признанные. Фраза «Все свободны и могут идти домой. Ивар Ясень, Илия Илм, Витус Вейник – останьтесь» звучала чуть ли не каждый день. Варка сделался большим знатоком творчества Верноподданного Варавия. Мать снова плакала, отец дознался и пару раз всыпал сынку-неслуху по первое число, а оды царствующему дому Варка выучился писать так, что впору самому подаваться в придворные версификаторы.

* * *

Ну, ничего, сегодня Крыса заплатит за все. Сейчас, еще минуточку. Пусть только начнет опрос. Что-то он сегодня все у окна торчит. Ну, конечно, за этим окном Сады, вид красивый, особенно осенью. Ишь, мечтает. Интересно, о чем может мечтать Крыса? А если не ждать опроса? Уж очень он хорошо стоит. Ага, вот и совсем отвернулся. Точно, пора!

Варка взглянул на Илку, одними губами прошептал «давай!» и выхватил из кармана пригоршню смятых листьев розмарина. Илка неторопливо кивнул, провел по лицу рукой, из которой тоже торчали узкие листья, и вдруг резко, без замаха швырнул вперед круглый глиняный горшок. Илка всегда был метким. Горшок врезался точно в середину учительской кафедры и с треском развалился на части. Пустотелая кафедра отозвалась гулким грохотом.

Фамка охнула, вскочила с места и бросилась к двери, на ходу растирая в ладонях подаренную Варкой веточку. В горшке оказалось вовсе не розовое желе. Из распавшихся осколков вывалились сено, труха, серые полоски сухих вощинок. Весь этот сор шевелился как живой. Из-под обломков раздавленных гнезд шустро выползали шершни. Крупные, рыжие, мохнатые. Раздутые брюшки в жирных черных полосах ходили ходуном, то втягивая, то выставляя длинные хвостовые жала. Запахло перекишим медом.

Варка удовлетворенно хмыкнул. Выходит, не зря он полночи проползал по ненадежным развалинам Вороньей башни с фонарем в зубах и с горшком на шее. Хорошие шершни попались, злобные. Один за другим они взлетали, усаживались на кафедре, с легким щелчком плюхались на стол, устремлялись к окнам или принимались деловито кружить по залу, выбирая первую жертву. Зал наполнился угрожающим жужжанием.

Те, кто был заранее предупрежден: компания Илки, два-три приятеля Варки, Ланка и прочие курицы ринулись к выходу, второпях натираясь розмарином, Витус и его дуботолки, которых мстительный Илка решил не предупреждать, рванули вслед за ними, роняя стулья и расшвыривая попавшиеся на пути торбы. Руки они спрятали в рукава, куртки натянули на

головы, но зала была большой, и Варка понадеялся, что Витуса с Андресом укусят хотя бы раз или два.

Основной заряд, как и было задумано, достался Крысе. Крыса, привлеченный грохотом, отвернулся от окна, шагнул вперед и оказался в самой середине облака донельзя обозленных насекомых. Пара месяцев в королевской лечебнице – не меньше. А может, и все три.

Варка понял, что пора сматываться. Розмарин – это хорошо, но шершни есть шершни. Он бросился к дверям вслед за остальными и неожиданно поймал взгляд Фамки. Прижавшись спиной к притолоке и вытаращив глаза, она уставилась на что-то за его спиной. Варка оглянулся на бегу и, споткнувшись, сел прямо на пол.

Что делает человек, когда на него набрасываются разъяренные шершни? Правильно, бежит, отмахивается и орет.

Крыса стоял совершенно неподвижно. Спина прямая, лицо сонное, длинные руки вытянуты вперед и сложены ковшиком, будто ему захотелось набрать воды. Но вместо воды в это странное вместилище, составленное из плотно сомкнутых худых пальцев, стекались шершни. Умиротворенно гудя, они слетались со всего зала. Оставляя за собой влажные полоски яда, ползли по рукавам потрепанной куртки, по пегим волосам, по спокойному лицу и собирались в большой шевелящийся рыжий ком в гостеприимно подставленной пригоршне.

Паническое бегство прекратилось в самом начале. Из зала никто так и не вышел. Все сбились в кучу недалеко от двери, не в силах оторвать глаз от невозможного зрелища.

– Окно! – повелительно бросил Крыса. Светанка и Фионка сорвались с места. Когда окно было распахнуто, Крыса плавно шагнул к нему, уверенным движением вышвырнул наружу живой шар и тут же захлопнул створки.

Класс обалдело молчал. Как реагировать на такое, никто не знал. «Внушение, – в смятении подумал начитанный Илка, – животный магнетизм. Он их... того... намагнетизировал. Хотя поддаются ли шершни внушению – это еще вопрос».

«Надо проснуться, – с ужасом думала Ланка, – я заснула на уроке. Надо проснуться, пока не заметил Крыса». Варка ничего не думал. Не мог. Сидел на полу и хлопал длинными девичьими ресницами.

– Все свободны и могут идти домой, – как ни в чем не бывало проскрипел Крыса, – Ивар Ясень, Илия Илм, Илана Град и, – он удивленно приподнял брови, – Хелена Фам, останьтесь.

«Фамка-то тут при чем? – поразился Варка. – И как он нас вычислил?»

Потом до него дошло. Из всех только они четверо успели как следует перемазаться розмарином. Трое виновных и невезучая Фамка, которую подвели быстрый ум и немалый жизненный опыт.

«Вляпались, – обреченно подумал Илка, – интересно, что он с нами сделает? Живьем сожрет, не иначе. Или намагнетизирует и заставит лизать ему сапоги. Или напишет донос. Обвинит в сочувствии самозванцу, и все. Повяжут нас вместе с семьями. А что, такие случаи бывали. Сколько угодно».

– Что же теперь будет? – прошептала Фамка.

И тут в украшенную позолотой белую дверь с грохотом ворвалось будущее.

Глава 2

Вначале грохот раздался в длинном светлом коридоре, упиравшемся в Белую башню, которая, как считалось, более всего подходила для поэтических штудий. Грохот производили подкованные сапоги, безжалостно попиравшие блестящий паркет. Захлопали отворяемые двери, загалдели возбужденные детские голоса, кто-то отчаянно завизжал и вдруг глухо охнул, подавившись собственным визгом.

– Пошли отсюда, – рявкнули совсем рядом. – Чё, не видишь, эти совсем желторотые. С ними хлопот не оберешься. Давай здесь позырим!

Двери распахнулись так резко, что обе высокие элегантные створки с хрустом врезались в стену. В зал, оскальзываясь на паркете и нарочито громко топая, ввалилось человек десять такого вида, что все немедленно забыли о загадочной истории с насекомыми. «Стража, что ли?» – удивился Варка. Но нет, кирасы стражников с тисненым гербом наместника были напялены на грубые полотняные рубахи с высоко закатанными рукавами, а то и на голое тело. Тела были потные, а рубахи грязные и рваные. Кто-то и вовсе без кирасы. Широко распахнутая на волосатой груди куртка или просторный кожаный балахон, каждая складка которого давно и надежно пропахла рыбой. Зато все, как один, при оружии. На запястьях медные щитки с шипами, на правой руке почти у каждого отменный кастет, в руках наготове длинные рыбацкие ножи или, того хуже, заряженные пищали. Дула пищалей немедленно уставились на застывшего у окна Крысу. Крыса схватился за подоконник, точно собираясь выскочить, но тут же одумался. Видать, вспомнил, какой высоты Белая башня.

– Это чего? – громко спросил Витус.

«Чего-чего? – подумала Фамка. – Вооруженный грабеж. Хотя нет. Кого тут грабить-то? Значит, похищение. Выкуп будут требовать. За Илку. Или за Ланку с Фионкой. Или за всех сразу». Двоих из ворвавшейся толпы она прекрасно знала. Да что там, в Норах или на реке их знали решительно все. Братья Бобры работали в Замостье, у северных ворот, и редкую ночь оставались без добычи.

– О, эти годятся! – весело рявкнул один из них. – То что надо.

Вперед протолкался высокий юноша в поцарапанной кирасе. В боевом доспехе он болтался как пестик в ступке. Из-под кирасы торчали широкие рукава тончайшей рубахи яркого шелка и золотистое кружево пышного жабо. Лицо юноши горело, глаза прямо-таки металы искры.

– Именем Его Величества Иеронима Народного Избранника приказываю вам следовать за нами.

– Какого еще величества? – тупо переспросил Илка. Кроме Его Истинного Величества Анастасия Заступника имелся самозванец, нагло именовавший себя Афанасием Защитником. Ни о каких Иеронимах никто и слыхом не слыхивал.

Ворвавшиеся грозно загудели.

– Его Величество Иероним Избранник, единственный настоящий король, нынче утром изволил освободить Липовец-на-Либаве от жестокого гнета узурпатора Анастасия, – вздернув подбородок, сообщил юноша, – весь город ликует. Но, – жестко добавил он, вглядываясь в растерянные лица, на которых не было заметно никакого ликования, – как я слышал, здесь дети приближенных наместника, малолетние пособники узурпатора.

– Мы не пособники! – весело заявил Варка, с глубоким интересом рассматривая пищали. Видеть эту штуку так близко ему еще не приходилось.

– Лично я в полном восторге, – внезапно подал голос Крыса, – городу давно нужна твердая рука.

Это сообщение сопровождалось такой драконьей улыбкой, что не привыкшие к доброму Мастеру версификации прищельцы дрогнули. Пищали слегка опустились, и даже восторженный юноша подался назад.

– Стало быть, – надменно спросил он, – вы проследите, чтобы ваши подопечные последовали за нами добровольно? Это в интересах города.

– Безусловно, – с полной готовностью отозвался Крыса и одарил класс своим коронным взглядом поверх голов. Головы покорно опустились.

Ланке вдруг стало страшно. Так страшно, что ноги прилипли к полу. В позвоночник тут же уперся твердый палец Крысы и чувствительно подтолкнул вперед. Пришлось двигаться. Утешением могло служить только то, что в дверях замешкавшийся Крыса сам получил по узкой прямой спине, только уже не пальчиком, а прикладом.

* * *

Они побрели по Белому коридору, по белоснежному мраморному полу, мимо беленых стен и глубоких арочных окон, полных мягкого сияния. Все было как всегда, но спереди шли солдаты и солдаты дышали в спину. Потом они долго спускались по белейшей мраморной лестнице парадного входа. Лестница славилась отличными перилами, скользкими и широкими. Съезжать с них было категорически запрещено лично Главным мастером.

Внизу, у выхода, обнаружился и сам Главный мастер. Он стоял, прислонившись к могучим дверным створкам, сплошь покрытым золоченой резьбой. Стоял так, будто рассчитывал остановить эту вооруженную толпу. Великолепные седины, украшенные пышным хвостом средней длины, съехали на сторону, так что все желающие могли наконец убедиться – это действительно парик. Парик был испачкан кровью, по лицу Главного мастера, заливая глаза, тянулись красные струйки.

– Не надо... – беспомощно всхлипнув, выговорил он, слепо вытянув вперед пухлые слабые руки, – не надо. Разве вы не видите... Это же дети...

– Государственные интересы требуют... – набрав в грудь побольше воздуха, начал было восторженный юноша, но в этот момент один из его соратников, не вступая в долгие споры, просто двинул Главного мастера локтем в грудь. Тот отлетел в сторону, удержался на ногах, схватившись за перила, и осел вниз, жалобно, по-заячьи вскрикнув: «Лунь, вы же обещали... помните, вы...» Что именно обещал ему Мастер версификации господин Лунь по прозвищу Крыса, так и осталось невыясненным.

Снаружи царила золотая пора середины октября. Ясное ярко-синее небо накрыло город сияющим куполом. Крепко пригревало полуденное солнце. Прохладный ветерок приятно щекотал кожу. По ветру медленно плыли пушинки чертополоха и тонкая осенняя паутина.

На теплых ступеньках парадного входа на солнышке грелись еще шестеро вооруженных людей и две крупные, гладкие, голенастые собаки. Фамка пригляделась к ним, и ее пробрал озноб. Прежде она такого не видела, но слухов в Норах ходило достаточно. Верхним чутьем обитателя трущоб Хелена Фам поняла: надо срочно спасаться.

Окруженный ухмыляющимися конвоирами класс двинулся по неровному зеленоватому булыжнику Цыплячьей улицы. Фамка ловко проскользнула за спинами одноклассников и пристроилась рядом с младшим Бобром.

– Яник, – тихонько позвала она, глядя под ноги.

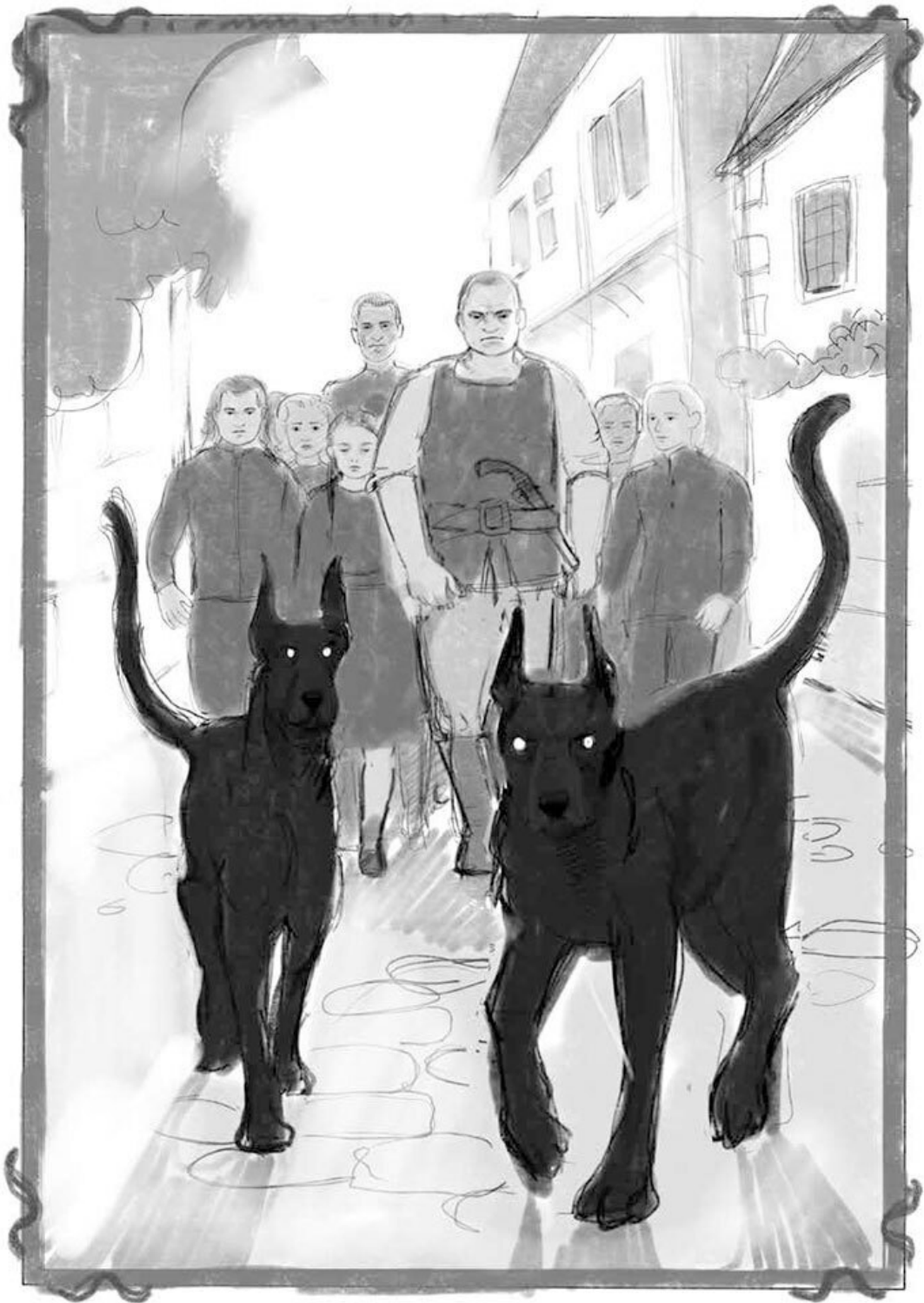
– Чего тебе, мелкая? – так же тихо отозвался здоровенный Яник. Голова Фамки пришлась где-то на уровне его локтя.

– Отпусти меня.

– Ишь чего захотела. Мелкая, а наглая.

– Ты же знаешь, с нас взять нечего.

- Эт точно. Если и есть голь перекатная, так это ты и мамашка твоя.
- Ну так отпусти. Я вам отработаю. Продать там чего... или на стреме постоять...
- Не, с этим все, – тихо, но решительно сообщил Яник, – теперь мы того... королевская гвардия.
- Платят, что ли, много? – удивилась Фамка.

- Не столько платят, сколько сами берем, – хмыкнув, разъяснил Яник.

– А-а-а, – понимающе протянула Фамка, – так отпустишь?

– Не, не могу.

– Мать с ума сойдет, если я к вечеру не вернусь.

– Авось обойдется. Я к тебе, мелкая, всей душой. Я ж тебя с детства знаю. Но не могу.

Государственные интересы, сечешь?

– Нет.

– Пришьют меня, если приказ нарушу, – почти неслышно зашептал Яник. – Круговая порука у нас, сечешь? Собачкам отдадут и все дела. Хорошо, если мертвого, а не живого. У Его Величества таких собачек штук десять, не меньше.

– Почему они его слушаются? Чем он им платит? – совсем тихо прошептала Фамка. – Ведь это же...

В ответ Яник многозначительно надулся и ускорил шаг, давая понять, что разговор окончен. Фамка съежилась, нырнула поглубже в толпу одноклассников и спряталась за широкую Илкину спину. Илка шагал уверенно, дурные предчувствия его не тревожили. Пусть другие трясутся. А ему бояться нечего. Отец наверняка все устроит. Здесь явное недоразумение. А если деньги нужны – так отец достанет. Заплатит этому отребью сколько надо. Так что трястись нечего, пускай убогая Фамка трясется. За нее-то и гроша ломаного никто не даст. А пищали у них хороши. Никогда раньше таких не видел. Из Загорья привезли, не иначе. Заряжаются, конечно, с дула. Ага, а вон туда сыплем порох. Эх, стрельнуть бы...

«Эх, стрельнуть бы из такой, – азартно размышлял Варка, – далеко бьет, наверное. Во-он тот флюгер наверняка достанет... Или вон ту ворону. Ишь, разоралась. Ахнуть бы сейчас... Заткнулась бы как миленькая...»

Ворона гуляла по карнизу Синего дома. Потом они миновали Дом с Кошками, дымоходы которого сверху прикрывали жестяные черные кошки. За ним – Дом с Ракушками с рядом белых раковин по веселенькому желтому фасаду. За ним виднелась блестящая новая крыша и розовый голубок на высоком фронте дома, в котором обитал Ланкин отец, командир городской гвардии полковник Град со своим семейством.

Варка мог не глядя перечислить все дома на Цыплячьей улице, красивейшей и приятнейшей улице Гнезд – самой уважаемой части города. Его собственный дом находился тут же, в Гнездах, в пяти минутах ходьбы, в Садовом тупике, который и вправду упирался в стену Садов. Но к Садам наместника вели почти все здешние улицы. Вот и на Цыплячьей дома с правой стороны внезапно заканчивались.

Улица плавно огибала крутой склон, покрытый боярышником и ежевикой, буйно разросшимися под стеной Садов. Все это было ярким: красные ягоды, желтые резные листья, лиловые кусты ежевики. На припеке мирно трещали кузнечики. Через стену перевешивались золотистые ветки деревьев и длинные плети мелких осенних роз. Нагретые солнцем, они пахли просто упоительно.

Тут Варка стал подумывать о побеге. Не то чтобы он испугался. Просто случай был уж очень подходящий. Нырнуть под руку ближайшего конвоира и добежать до стены проще простого. Они и опомниться не успеют. Правда, могут подстрелить на стене. Она высокая, одним прыжком не перемахнешь. Но Варка знал подходящее место. Там стена поворачивала, на углу был маленький выступ, должно быть, ниша для калитки. Калитку давно замуровали, но как раз в этом углублении стена была немного ниже.

Как выяснилось, про это место знал и Витус. И немудрено, ведь его отец был главой садовников. Недолго думая, Витус ринулся сквозь ежевику, резво перепрыгивая через колючие плети. Прежде чем охрана опомнилась, он был уже в двух шагах от стены.

И тут за ним рванули собаки. Рванули сами, без команды, в полном молчании. Сквозь колючие заросли они летели как сквозь туман.

«Они больше, чем на самом деле. Они не только здесь», – додумав эту странную, как будто чужую мысль, Ланка крепко зажмурилась и вцепилась в первую попавшуюся мужскую руку. Как на грех, это оказалась жилистая рука Крысы. Но Ланке было уже все равно. Рядом пискнула Светанка. Над гладкими мускулистыми собачьими спинами реяли, струились, неторопливо перетекали громадные, почти неразличимые тени. И это были не собаки.

Тень накрыла Витуса, тот споткнулся и полетел лицом в ежевику. Тут же в его ногу впились тяжелые челюсти. Вторая псина вцепилась в выставленную в попытке защититься руку, мешавшую добраться до горла. Ланка услышала, как напрягся и тихо, но совершенно непристойно выругался обычно невозмутимый Крыса. Девчонки сбились в тесный визжащий клубок.

– Молчать! – рявкнул юноша в кирасе.

В этот миг Витусу удалось как-то вывернуться. Нечеловеческим усилием отшвырнув от себя собак, он, волоча окровавленную ногу, одолел-таки последние два шага до заветной ниши и вскарабкался на стену, цепляясь здоровой рукой, коленями, животом, а кое-где и зубами. Оставляя за собой кровавый след, он неловко перевалился на другую сторону и тут же исчез из виду. Должно быть, просто упал. «Ушел», – с облегчением подумал Варка. Витуса он терпеть не мог. Но два-три шершня за пазуху – это одно, а такие вот собачки – совершенно другое. Тем временем странные собачки дружно прыгнули вперед и поползли вверх по стене как ящерицы, отвратительно виляя задом. Минута – и они тоже исчезли из виду.

– Не уйдет, – в ответ на Варкины мысли буркнул кто-то из солдат, – дурак.

За стеной раздался отчаянный вопль.

– Кто-нибудь еще хочет нас покинуть? – поинтересовался вдохновенный предводитель.

Желающих не оказалось. Светанка всхлипывала. Ланка, не понимая, что делает, продолжала цепляться за мрачного, как осенний вечер, Крысу. Фамку била мелкая дрожь. Впрочем, конвоиры теперь выглядели такими же угрюмыми и перепуганными, как и пленники.

Однако солнечный день не померк, и золотая осень продолжала расточать свои краски. Цыплячья улица, Королевский бульвар, прямая как стрела Либавская. Илка наконец понял, куда их ведут. Прямоком в замок наместника. Главные ворота (ажурное чугунное литье, серебряные гербы на щитах и позолота) оказались распахнуты настежь. Никакого дворцового караула. Напротив, туда и сюда шныряли вооруженные до зубов персоны самого странного вида. Безжалостно взрывая копытами по ниточке выровненную подъездную дорогу, пронеслись всадники. Въезжали накрытые дерюгой гремящие телеги.

За всей этой суетой с интересом наблюдало замурзанное существо. Очень грязные босые ноги уверенно расставлены. Руки засунуты в глубокие карманы немислимого наряда: три совершенно рваных разноцветных юбки надеты одна на другую; сверху болтается огромная мужская рубаха с оборванным подолом; непомерно широкий ворот кокетливо затянут обрывком яркого шарфика; вместо пояса подвязан розовый дамский чулок. Круглые от любопытства глаза немедленно уставились на странную процессию. Еще бы! Колонна аккуратно причесанных лицеистов в тщательно отглаженной черной форме под охраной потрепанных завсегдатаев Болота и портовых грузчиков. Такое не часто увидишь.

Фамка заметила девчонку, и сердце ее радостно дрогнуло. Жданку хорошо знали и в Норах, и на Болоте. Фамка сама частенько подкармливала ее, когда еще были деньги. Жданка была сиротой. Вроде бы имелась у нее какая-то бабка, имелась и каморка в Мокром тупике. Но обычно она обитала ночью под Большим Каменным мостом, а днем – на Болоте, не стеснялась захаживать и в Гнезда, хотя побираться в Гнездах и на Горе было запрещено. Так что последнее время ей жилось сытнее, чем Фамке.

– Жданка! – крикнула Фамка, привстав на цыпочки, чтобы ее стало видно за широкими мужскими спинами. – Беги к нам, скажи матери...

На голову Фамки тут же обрушилась здоровенная затрещина, но дело того стоило.

Жданка бодро кивнула, почесала правой ногой левую и подобрала юбки, намереваясь немедленно бежать.

– Куда?! – гаркнул ближайший солдат и, ухватив Жданку за волосы, одним движением втащил в толпу пленников. – Во, для ровного счета, – ухмыляясь, заметил он. Остальные охранники дружно заржали, явно радуясь возможности заглушить воспоминание о милых собачках, которые, к счастью, до сих пор не вернулись.

Жданку подобные превратности судьбы не расстроили. Во-первых, за волосы ее таскали очень часто. Во-вторых, толпу лицеистов вели во дворец, в котором она всегда мечтала побывать. В-третьих, здесь оказался Варка. В пестром, бестолковом, неизменно грязном, а порой и опасном Жданкином мире Варка был Белым рыцарем. Рыцарем он стал под Каменным мостом под грохот и вой общей стихийной драки на Болоте и всхлипывания самой Жданки. Варка, зачем-то отиравшийся в то утро на рынке, чудом вытащил Жданку из самой гущи событий. Он поплатился за это расквашенным носом и вдоль по шву разорванными штанами, но приобрел вечную Жданкину преданность. Никаких Ланок и Фионок Жданка в упор не видела. Варка был ее рыцарь, и точка.

* * *

Варка очень удивился, когда их привели прямо к широким малахитовым ступеням парадного входа. Парадный вход открывали только для короля. В остальное время на девственно гладкий малахит запрещалось садиться даже мухам. Но теперь все бодро протопали по ступеням цвета свежей травы и оказались в обширном холле. Холл был отделан с военной простотой, что служило напоминанием о великих победах Его Истинного Величества. Высокие своды, поддерживаемые шестигранными колоннами из серого известняка, нарочито грубо обработанные стены. На стенах громадные, обильно позолоченные щиты с гербами городской знати. В центре, прямо над широченной лестницей, ведущей во внутренние покои, боевое знамя Его Величества. Это было красиво, все в точности как рассказывал отец, только вряд ли знамя должно быть таким дырявым. Похоже, в него долго и упорно стреляли из столь понравившихся Варке пищалей. Дырки действительно получались здоровенные. В холле до сих пор ощутимо пахло порохом.

Залюбовавшись дырками, Варка не сразу заметил, что по лестнице спускается целая толпа. Четыре бугая, с головы до ног в темно-коричневой замше, какая по закону позволялась только придворным егермейстерам. Хвосты по-солдатски короткие, за поясом ножны для двух длинных ножей. При каждом бугае по собаке, при виде которых Варку снова начало тихо мутить. Между бугаями затесался совершенно неприметный человечек: среднего роста, серенько одетый, мешочки под глазами, зальсины, реденький хвостик. Тоже при ноже, но оружие ему явно мешают. Заметив эту компанию, юноша с горящими глазами принялся проталкиваться вперед.

– Заложники доставлены, Ваше Величество! – звонко выкрикнул он.

«Ну и где тут Величество?» – завертел кудлатой головой Илка.

– Спасибо, Стефан, – благодушно отозвался серенький тип, – спасибо, мальчик. Как всегда вовремя.

– Рады стараться, Ваше Величество, – нестройно пробубнили переминавшиеся с ноги на ногу конвоиры.

– Ведите их вниз. Вы мне нужны в городе.

– Внизу все забито, – флегматично сообщил один из бугаев.

– Ну, тогда наверх, повыше куда-нибудь. Замок большой, пустых покоев много. Не пугайтесь, дети, – скупо улынувшись, добавил он, – это ненадолго.

Ланке сразу стало полегче. Ну конечно, ничего страшного не происходит. Подержат и отпустят. Но тут ее резко отодвинули в сторону. Незаметным змеиным движением избежав нового удара прикладом, за цепь конвоиров прорвался Крыса.

– Я хотел бы сообщить Вашему Величеству нечто важное, – проскрипел он.

– Поговорите со Стефаном, – отмахнулся Его Величество и двинулся к выходу.

– Боюсь, Стефану это будет не столь интересно. А вот Ваше Величество наверняка заинтересуется, – очень настойчиво, будто вдалбливая очередное правило тупому ученику, произнес Крыса. Ослушаться Крысу было почти невозможно. Новоявленный король приостановился, полуобернувшись.

– Так что же вы хотите мне сообщить? Я надеюсь, сведения будут достаточно ценными. Очень надеюсь. Ради вашей же пользы.

– Я бы предпочел говорить об этом с глазу на глаз, – утомленно вздохнул Крыса. – Но если вы настаиваете... Ваше Величество, я – крайн.

Стало очень тихо.

Ланка вытаращила глаза. Белый полог. Розовые кружева. Светлое пятно ночника и голос няни. «И тогда прекрасный крайн женился на принцессе и унес ее в свой заоблачный замок». Крайн! Ну надо же такое ляпнуть. Назвался бы лучше домовым или, скажем, русалкой.

«Спи, – вспомнилось Фамке. – Не будешь спать – придет ночной крайн, заберет твою душу...»

В Варкиной голове тоже завертелись слова любимой сказки: «И была та страна разорена войной, и охвачена чумой, и проклята во веки веков. Но сжалились прекрасные мудрые крайны, спустились со своих гор, облетели всю страну от края до края и сняли проклятие». Жаль, что это всего лишь сказка. Сейчас бы очень пригодился кто-нибудь прекрасный и мудрый.

«Свихнулся Крыса, – подумал Илка, – точно, свихнулся от страха».

Кривая улыбка на лице Иеронима Избранника свидетельствовала о том, что в детстве ему тоже рассказывали сказки.

– Крайнов не бывает! – звонко, на весь зал, сообщила Жданка.

В тот же миг ее сбило с ног сильным ударом ветра. Оборвалось и рухнуло на ступени простреленное знамя. Закачались, загрохотали о стены щиты с гербами. Истошно, с привизгом взвыли собаки.

Крылья были огромны. Крыльям было тесно в дворцовом холле. Стены давили, мешая развернуться, терявшийся в высоте потолок вдруг оказался до смешного низким.

Крыльям было неловко на земле. Мощные маховые перья яростно бились об пол, царапая камень.

Крылья жили своей, отдельной жизнью. Каждое перо дрожало, дышало, переливалось, становясь то темно-серым, почти черным, то вспыхивая стальным синеватым блеском.

Маленький человек, осененный крыльями, казался жалким, ненужным, лишним. Но именно он был сердцем этого урагана.

– Я Рарог Лунь Ар-Морран-ап-Керриг, – медленно, будто припоминая, выговорил он, – крайн из серых крайнов Пригорья. Мое время – вечер, мои владенья – туман и ветер, мои крылья служат мне, пока я им верен.

– Стреляйте, – дурным голосом завопил кто-то. Но тут все кончилось. Остался только всем давно надоевший Крыса. Серые от перхоти плечи. Волосы, перевязанные шнурком от ботинка. Сальный кончик болтается как крысиный хвост.

– Я был достаточно убедителен? – тихо спросил он.

– Да уж, – отвечивал Его Величество, косясь на трехсаженную дверную створку. Створка все еще качалась и никак не могла остановиться.

– Я не совсем понимаю, отчего вы усомнились в моих словах. Мне казалось, вы человек широких взглядов.

– Почему вы так решили? – поинтересовался король, рискнувший наконец приблизиться.

– Вам служат мантикоры. – Крыса коротко дернул подбородком в сторону собак.

– Вы тоже желаете поступить ко мне на службу? – вкрадчиво осведомился король. В его цепких глазах возник холодный азартный блеск.

– Крайны не служат никому, кроме своих крыльев.

Варка видел его со спины, но был уверен, что Крыса смотрит поверх королевской головы одним из своих коронных брезгливых взглядов.

– Однако, – веско добавил господин Лунь, – я хотел бы предложить вам сотрудничество.

– Вот как?

– Как вы, вероятно, догадываетесь, я обладаю определенными возможностями. Например, управлять мантикорами я могу гораздо лучше, чем ваш Стефан. Не далее как сегодня, когда он утратил власть над ними, именно мне удалось принудить их довершить начатое. Так что, молодые люди, натравливать их на меня бессмысленно.

Бугаи в коричневой замше дружно хмыкнули.

«Выходит, это он добил Витуса», – похолодел Варка.

«Ну и гад», – пихнув Петку локтем в бок, прошипел Илка.

– Прочее я предпочел бы обсуждать с глазу на глаз.

– Безусловно, нам необходимо побеседовать, – согласился король. Ну, еще бы. Пять минут общения с Крысой, и кто угодно станет как шелковый.

– Как вы оказались в этом городе? – светским тоном поинтересовался Его Величество, увлекая Крысу к лестнице. Охрана бдительно топала следом.

– Печальные обстоятельства. Я путешествовал по личным делам и оказался отрезан от Пригорья. Довольно затруднительно передвигаться по воюющей стране, особенно когда между тобой и целью твоего путешествия стоят лагерем не то три, не то четыре враждующих армии.

– Но вы же могли... – затрудняясь подобрать правильное слово, король изобразил ладонями что-то вроде машущих крыльев.

– Увы, Ваше Величество. Лететь, когда внизу полно вооруженных людей, – удовольствие маленькое. Вы не поверите, сколько среди них любителей охоты. Стреляют во все, что движется. Убить крайна не так уж трудно. К сожалению, мы вовсе не бессмертны, – Крыса вздохнул, – и нам тоже надо что-то есть. Итак, я был вынужден здесь задержаться, вынужден искать средства к существованию.

– И все, что вам предложили прежние власти, – это жалкую должность учителя?

– Что делать. У меня не было выбора. Но, я надеюсь, вы, Ваше Величество, намерены сотрудничать со мной на более выгодных условиях.

– О да. Учитывая ваши особые возможности...

Глава 3

Их заперли на самом верху, в покоях Безумной Анны. Согласно легенде, лет триста назад именно здесь держали высланную из столицы за чрезмерное увлечение убийствами с помощью ядов вдовствующую королеву Анну.

Покои находились в некоем подобии башни, торчавшем из здания дворца как гриб из гнилого пня, но были довольно просторны. Роскошная спальня, при ней темная гардеробная, будуар, гостиная. В гостиной – веяние новой моды – целая стена выгнута эркером и застеклена от пола до потолка. За стеклом – обширная терраса, огражденная перилами с резьбой из цветов и листьев.

Едва за конвоирами захлопнулись двустворчатые двери, Варка кинулся на террасу. Он мгновенно сообразил, что оттуда должен быть виден весь город. И правда, весь не весь, но порядочный кусок просматривался отлично. Золотые осенние Сады, извилистая линия садовой ограды, за ней Гора, где над красно-желтыми кронами там и сям возвышались вычурные башенки и шпили дворцов городской знати, южная часть Гнезд, в которой среди путаницы ярких крыш Варка легко отыскал зеленую крышу своего дома, еще ниже сливались в одно грязно-серое пятно низкие домики Слободки, за ними – городская стена, широкая светлая полоса, хорошо освещенная солнцем, за стеной – подгородные огороды, черные, потому что все уже убрано, за огородами в голубой дымке дальние поля и блестящая линия Либавы. На вид все совершенно спокойно. Догадаться, что происходит в городе, никак нельзя. На стене тоже ничего особенного. Отсюда видно целых три башни. Вот они: Воронья, Долгий Макс и Толстуха Берта. Вороньей никто, кроме ворон, уже сто лет не пользовался. Высоченный Макс, казавшийся отсюда не толще пальца, испокон веков служил сторожевой башней. В подвалах круглой толстостенной Берты, к которой вплотную примыкали казармы, хранились городские запасы пороха. Не успел Варка подумать об этом, как кругленький бочоночек Берты исчез в симпатичных пухлых облачках белого дыма. Из дыма вырвался острый язычок огня, во все стороны полетели какие-то темные точки, и только потом пришел звук. Варка упал, зажимая уши. За его спиной дрогнули и одно за другим посыпались стекла.

Это оказалось последней каплей. Первой зарыдала Светанка. За ней Ланка. Истерика распространялась как пожар. Через минуту двадцать пять лицеистов выли, кидались на дверь или просто царапали стену. Успокаивать их никто не собирался. Ясное сознание в этой толпе сохранил только Илка, хотя ему было хуже, чем остальным. Он отчетливо запомнил слово «заложники» и хорошо понимал, что оно означает.

Фамка не слышала ни криков, ни жуткого грохота. Пока все стояли в шикарном покоях, растерянно озираясь, она тихонько, по стеночке, побрела прочь, надеясь, точно больное животное, найти какой-нибудь темный безопасный угол. Нашла, забилась поглубже, закуталась в какие-то мягкие тряпки и наконец позволила себе потерять сознание.

Очнулась она оттого, что кто-то зверски тер ее уши. Это оказалась Жданка.

– Ну вот, а я думала, ты померла! У нас под мостом тоже один вот так: лег спать, а утром смотрим – он уже холодный.

– Чем это пахнет? – еле ворочая языком, спросила Фамка.

– Так я тебе поесть принесла, – Жданка сунула ей в лицо глубокий черепок, до краев наполненный мутной жижой. В жиге плавали какие-то размокшие кусочки. Из всего этого торчало единственное личное имущество Жданки – обкусанная по краю деревянная ложка.

– Спасибо, – прошептала Фамка и ухватила ложку дрожащими от жадности пальцами. К несчастью, еда очень быстро кончилась.

– Ты сколько дней не ела? – деловито поинтересовалась Жданка. – Три? Четыре?

– Два.

– Тогда пошли. Там эти целый котел притащили. А маменькины детки нос воротят. Говорят – объедки. Я на неделю налопалась. Больше не влазит.

– Пошли, – решительно сказала Фамка. И медленно встала на колени.

– Ты поосторожней, сразу не наваливайся, – напомнила Жданка.

Выбравшись из королевской гардеробной, Фамка увидела, что уже наступил вечер. По восточной стене спальни, потухая в складках вытертого гобелена, скользили бледные отсветы заката. Наплакавшиеся курицы забились под пыльный балдахин роскошного королевского ложа, всхлипывали и тихо шушукались. Котел стоял в гостиной, на полу у самой двери. Вооружившись Жданкиной посудой: ложкой и черепком – осколком какой-то старинной вазы, Фамка торопливо наскребла вторую порцию аппетитного месива и принялась жадно есть, чавкая и постанывая. Она старалась не спешить, но ничего не получалось. Приканчивая третью миску, она обнаружила, что рядом сидит Варка и смотрит на нее круглыми глазами. На секунду Фамка расстроилась, но потом решила, что ей наплевать.

– Чё пялишься? – спросила она, наплевав заодно и на лицейскую вежливость.

– Да ничё, – ответил поднаторевший в уличных разборках Варка. – Вы там у себя в Норах чё, голодаете?

Фамка дернула плечом, чтоб отвязался. Четвертую порцию она есть не стала, хотя очень хотелось. И так, наверное, тошнить будет.

– Что ж ты мне не сказала, – не унимался Варка, – или матери? Ты же знаешь мою мать. Разве она для тебя куска пожалела бы?

– Отлипни от меня, – зевнула Фамка. Подумала и, чтоб он точно отвязался, добавила пару выражений, принятых в избранных кругах Рынка-на-Болоте.

Варка растерялся. Такого девушки ему еще не говорили. Пока он раздумывал, что бы ответить, Фамка прислонилась к стене и заснула.

– А у вас в Гнездах разве не голодают? – спросила пристроившаяся рядом Жданка. Варка помотал головой. Конечно, мать уже тыщу лет не пекла столь любимые Варкой пирожки с яйцами. Исчезла рыба. В последние дни, кажется, не было масла. Так что Варка частенько вставал из-за стола недовольный. Но не голодный. Еды-то в общем хватало. Сейчас, оставшись без обеда и ужина, он был, конечно, голоден, но не до такой степени, чтобы, как Фамка и Жданка, набрасываться на подозрительно пахнущие помои.

Тем временем Фамка сползла на пол и свернулась под стеной жалким комочком.

– Надо бы ее уложить как следует, – деловито заметила Жданка.

– Тебя тоже надо куда-нибудь уложить. Детям давно спать пора. – Варка подхватил Фамку и понес в облюбованный ею угол гардеробной, удивляясь по дороге, какая она тощая и легкая.

Ланка, даже до крайности расстроенная и напуганная, заметила Варкино галантное поведение и решила, что надо срочно вмешаться. Убогая Фамка, конечно, не соперница, но все-таки...

– Ивар, – позвала она жалобно, – иди к нам. Нам страшно.

– Чего ж тут страшного, – вздохнул Варка. – Небось, нас охраняют. Вон прямо за дверью солдат с пищалью и собака.

– Они тоже на ручки хотят, – злобно бросил из соседней комнаты Илка.

– Ты им пеленочки смени... – подхватили его дружки, – сказочку расскажи... колыбельную спой...

– И правда, спой, – обрадовалась Ланка. Илкина ревность доставляла ей огромное удовольствие.

– Да, – заныли оживившиеся курицы. – Спой, Варка... Ну что тебе, жалко, что ли.

Илка чуть не плюнул от злости. Это была еще одна вопиющая несправедливость. Он знал: можно похудеть, вывести прыщи, привести в порядок волосы. Все можно, кроме одного. Петь

как Варка... Утешало Илку только одно – скоро голос у них у всех начнет ломаться, и хоть этому безобразию придет конец.

– Чего спеть-то? – насмешливо протянул Варка. – Правда, колыбельную?

– Да ну тебя, – обиделась Ланка.

Но Варка уже уселся на пороге спальни, оперся спиной о притолоку.

*Баю-баю-баиньки,
Спи, галчонок маленький...*

Петь для него было так же легко, как дышать. В детстве он искренне изумлялся, почему взрослые просто разговаривают. Ведь петь гораздо удобнее. Он пел, глядя на темнеющее вечернее небо за разбитым окном гостиной. Оно казалось расчерченным на квадраты. Те, где уцелели стекла, – плоские и темные, те, что без стекол, – светлее и глубже. В королевских покоях было уже совсем темно, но ни ламп, ни свечей сюда приносить, как видно, никто не собирался.

*Баю-баю-баюшки,
Спи, мой белый зайчик...*

Варка всегда был беспокойным ребенком. Мать, бывало, по часу сидела, пытаясь его унять. Он пел и думал: вечер, над столом зажгли лампу, сели ужинать. Белые миски на гладкой желтой столешнице, свежие булочки горкой. Пар из чайника. Мать волнуется, что Варки нет. Отец тоже волнуется, но не подает виду.

*Баю-баю-баюшки,
Не ложись на краюшке...*

Незаметно подползла Жданка, пристроилась под боком и подхватила мелодию. Жданке жилось сытнее прочих подмостных жителей именно из-за песен. Слух у нее был точный, а голос хрустальной чистоты. Варка улыбнулся, глядя на проступившие за окном первые звезды. Вдвоем у них со Жданкой получалось красиво. Такое только под звездами и петь.

Внезапно звезды исчезли. Громадная черная тень закрыла окно. Тень распростертых трепещущих крыльев. Варке даже показалось, что он видит смутное бледное пятно, лицо человека, стоящего на перилах террасы и пытающегося разглядеть, что происходит за разбитыми стеклами.

Варка забыл вдохнуть и поперхнулся. Жданка удивленно взглянула на него, потом на окно, но звезды уже мирно сияли на своих местах.

* * *

Прошло три дня. Фамка просыпалась, только чтобы поесть, и была совершенно счастлива. С нее не требовали работы, не нужно было подниматься в несусветную рань, никто не спрашивал ее про всякие анафоры или триангуляционные построения, да при этом еще и кормили.

Илка, которому перед пленением не пришлось голодать, счастливым себя не чувствовал. Все это время он настойчиво искал выход. Слово «заложники» продолжало жечь его как огонь. Раз они взяты как заложники, выкупить их не позволят. Прошло уже три дня, а ничего об этом не слышно. Наверняка отец пытался что-то сделать, но у него ничего не получилось. Заложников берут, чтобы убить, если что-то пойдет не так. Сама мысль, что его будут убивать,

у Илки в голове не укладывалась. Следовало бежать. Одному или всем вместе, Илка пока не решил.

Пока он искал выход. Сначала – вторую дверь. Но покои Безумной Анны с самого начала строились как тюрьма. Лестница в башню была одна, и дверь, соответственно, тоже одна. Та самая, где солдат с пищалью и собакой, которая на самом деле, оказывается, вовсе не собака, а мантикора.

Потом он принялся простукивать стены в надежде обнаружить потайной ход, прижимался щекой ко всем щелям, стараясь ощутить легкое дуновение. Он очень живо представлял себе это – узкий, темный и пыльный колодец в толще стены, такой узкий, что еле-еле можно протиснуться. В колодце винтовая лестница, крутая и неудобная, а в конце – замаскированный выход в Сады и свобода. Но через три дня поисков эта надежда сильно полиняла. Тогда он понял: придется все-таки договариваться с Варкой.

Варка обнаружился на балконе. Надо сказать, он все время там торчал, смотрел на город, на дотлевающие развалины Толстухи Берты, на Сады, на крышу своего дома. Боялся увидеть дым. Но все было тихо, солнце по-прежнему заливало зеленую крышу мягким осенним светом. Варка немного успокоился, прибрался на террасе, собрал все разбитые стекла и с удовольствием покидал их вниз. Правда, в этом деле у него нашлось много добровольных помощников. Стекла замечательно грохались о крутой каменистый склон и расшибались в мелкие дребезги.

Сейчас он сидел на полу, прислонившись спиной к парапету, и, задрвав голову, смотрел в небо. Над крышей замка медленно, но неотвратно поднимались огромные клубы дыма. На этот раз дым несло откуда-то с севера. Несло давно, еще с ночи. Но что горит – с балкона видно не было. «Наверное, снова порт сожгли», – лениво думал Варка. При каждом штурме или осаде обязательно жгли и грабили речной порт. Кто грабил, свои или чужие, городские власти предпочитали не выяснять.

К величайшему огорчению Илки, рядом с Варкой сидела Ланка. Голубки. Врезать бы сейчас по этой смазливой роже. Темную ему, что ли, устроить? Тут желающих много найдется.

Ланка молча рассматривала запрокинутый к небу безупречный профиль своего общепризнанного поклонника. Все правильно. Раз он самый красивый парень во всем лицее, значит, первая красавица лицеума должна быть его девушкой. И все-таки он еще цыпленок, плечи острые, шея тонкая. Все они в этом возрасте еще дети. Руки у Варки были грязные, лицо чумазое, куртку он, пригревшись на солнышке, снял, и на тонкой нижней рубашке, три дня назад белоснежной и тщательно отглаженной, виднелась трогательная аккуратная штопка, сделанная руками матери. Штопка эта, напоминавшая, что с Варкой до сих пор нянчатся, почему-то особенно раздражала Ланку. Был бы на его месте кто-нибудь вроде прапорщика Алекса или подпоручика Теодора, он сумел бы защитить ее, нашел бы выход, в конце концов, пожертвовал бы ради нее жизнью.

– Ивар, ты меня любишь? – требовательно спросила она.

– Ну, – отозвался Варка.

Прапорщик Алекс ни за что бы так не ответил.

– А умереть ради меня сможешь? – не отставала Ланка.

– Это как? – не отрывая глаз от тяжело ворочавшегося в небе дыма, поинтересовался Варка.

– Ну, скажем, спрыгнуть отсюда, если надо будет?

Извернувшись как ящерица, Варка одним движением ухитрился подняться на ноги и перегнуться через перила. Светлые прямые волосы свесились вниз. Некоторое время он рассматривал основание стены, упиравшееся в каменистый склон, обрыв под ним и казавшийся тонкой ниточкой ручеек на дне рва.

– Не, – решительно ответил он, – чё я, дурак?

– Дурак, – злобно согласилась Ланка.

В этот момент в трогательное объяснение вклинился Илка.

– Слышь, красавчик, – спросил он, становясь рядом и тоже глядя вниз, – ты мог бы отсюда...

– Спрыгнуть? – ухмыльнулся Варка. – Вы чё, сговорились, что ли?

Илка поглядел на него озадаченно. Все-таки этот Варка тронутый.

– Да не прыгнуть, – терпеливо объяснил он, – слезть. Ты вон даже на Воронью башню ночью не побоялся...

– Не знаю. Отсюда стену не видно. Балкон закрывает. А зачем?

– Тебе что, здесь нравится? Или ты не знаешь, как поступают с заложниками?

– Ничего нам не сделают, – рассудительно заметила Ланка, – король же обещал – подержат немного и отпустят.

Илка тяжело вздохнул и глянул на Ланку так, что она немедленно обиделась.

– Щас, – сказал Варка.

Никто и ахнуть не успел, как он, подтянувшись, оказался по ту сторону перил, скользнул вниз, цепляясь за резные розетки, на секунду повис на руках, слегка раскачался и исчез из виду.

Ланка взвизгнула. На такое прапорщик Алекс точно способен не был. Не говоря уже о подпоручике Теодоре.

– Во дает! – хмыкнул Илка.

– Куда он делся?!

– Да никуда. Балкон деревянный, правильно? Правильно. На чем-то он держится? Держится. Скорее всего, на таких здоровенных балках. В Гнездах же куча домов так построена.

– Ну и что?

– Ничего. Сидит твой красавчик сейчас верхом на ближайшей балке. Удобно и безопасно.

– Скажешь тоже, безопасно! – Ланка с ужасом покосилась на огромное пустое пространство за перилами.

– Ва... – Истошный вопль не удался. Илка без всяких церемоний зажал ей рот.

– Тихо! Ты что, забыла? Мы же побег готовим. Заметит кто его там – и все. Ему конец, и нас по головке не погладят.

– Какой побег? Я туда не полезу.

– Полезешь как миленькая.

– Я вам не муха. Я не умею по стенкам ползать.

– Не надо по стенкам. Сделаем веревку с узлами. Варка щас все осмотрит, а потом полезет первым, закрепит ее где надо и внизу подстрахует, чтоб она не болталась.

– Вы оба тронутые. Что ты, что Варка. Я не полезу. А вы убьетесь и больше ничего.

За перилами послышался слабый свист. Перегнувшись, Илка и Ланка обнаружили высунувшуюся из-под балкона исцарапанную руку. Рука слепо шарила, пытаясь за что-нибудь уцепиться.

Илка первый понял – что-то неладно. Навалившись животом на перила, он свесился вниз насколько хватило храбрости и ухватил блуждающую руку за запястье. Из-под балкона показалась вторая рука, в которую, к удивлению Илки, по-кошачьи ловко вцепилась Ланка. Вдвоем они кое-как втащили наверх бледного взлохмаченного Варку и усадили спиной к стене. Он давился, как будто что-то мешало ему дышать, и был даже не бледный, а какой-то зеленоватый.

– Ну, что там? – спросил Илка.

– Щас, – прохрипел Варка, – водички бы. Лан, принеси, а?

Ланка кивнула и отправилась в гостиную. Маленький бочонок с водой ставили раз в сутки. Этого едва хватало, чтобы все могли напиться. Так что об умывании пришлось забыть.

Проводив ее взглядом, Варка вцепился в Илкино плечо и, дотянувшись до его уха, торопливо зашептал:

– Спуститься без веревки – никак. Стена гладкая, нигде ни водостоков, ни украшений. С веревкой – тоже никак. Там ниже – три ряда окон. И везде народу полно. Голоса слышно. Скинем веревку – сразу заметят. Да и высоко очень. Стена, а потом еще ров. Нам такую веревку не сделать. Только... – он задохнулся, – ты прав. Все равно надо бежать. Там... я съехал по балке... А там окно открыто... прямо под нами... они говорили... король... говорил с этим козлом Стефаном... – Тут Варка замолчал и уставился прямо перед собой, будто снова увидел живого крайна.

– Ну?! – без всякой жалости встряхнул его Илка.

– Нас убьют, – сообщил Варка обычным спокойным голосом. – Не выпустят они нас. Только если горожане взбунтуются, они убьют нас сразу, всех и очень быстро. А если нет – то... все равно убьют.

– Почему? – быстро спросил Илка.

– Потому! – четко ответил Варка, и тут его вырвало. – Мы не заложники. Мы – собачий корм, понял? – разъяснил он, отплеываясь и вытирая рот рукавом.

– Чего-чего?

– Манतिकоры – псы войны. Ум человека, сила льва, яд тысячи скорпионов. Псы войны жрут людей. Всяких. Живых или мертвых, им наплевать.

– А нас-то зачем хватать? Ты же слышал, у них в подвалах и так чуть ли не полгорода.

– Нами он расплатится в самом конце. Любимое лакомство манतिकор – невинные дети. Живые дети.

– Так разве ж мы дети?

– А ты чего думал, ты взрослый, что ли? Не говори никому, – заторопился он, завидев Ланку с мокрой луженой кружкой, – курицам не говори... опять заведутся... орать начнут.

Илка кивнул. С этим он был согласен. Пока Варка жадно пил, а Ланка смотрела на это и жалостливо вздыхала, лучший ученик лицеума напряженно думал.

– Слышь, красавчик, а если через верх?

– Наверх? На крышу? Можно, наверное. А что толку... Это же башня.

– Правильно. Башня, пристроенная к главному зданию. Там с другой стороны до крыши дворца рукой подать. И окон там точно нет.

– Хорошо. Залезем мы на крышу дворца. А потом? Спускаться где-то все равно надо.

– А мы не будем спускаться. Крыша-то черепичная. А под черепицей настил из досок. Между досками щели. Взрослый, может, и не пролезет, а мы – запросто. Черепицу разберем и на чердак. И черепицу на место положим, как будто так и было. А может, слуховое окно найдем. Это еще проще. Чердак большой, лестниц должно быть много. Можно разделиться и разбежаться поодиночке.

– Вы тронутые, – простонала Ланка.

– Годится, – сказал Варка, глядя вверх, на украшенную фигурным карнизом верхушку башни, – щас я передохну и... – Тут он осекся и замолчал. Илка проследил за его взглядом и невольно присел.

Балкон накрыла огромная тень. Сквозь клубы дыма они увидели размытый контур распавшихся крыльев... Крылья шевельнулись в медленном ленивом взмахе. Тень стремительно унесло с балкона. Было видно, как она, скользя по верхушкам деревьев, бесшумно несется к городу.

– Ой, мамочки! – пискнула Ланка.

– Вечером, – сказал Варка. – А лучше ночью.

– А ты сумеешь ночью? – усомнился Илка.

– Придется суметь.

– Сорвешься.

– Страховать будете. А потом по этой же веревке все и ползете.

– Все, кто сможет, – пробормотал Илка. Варка промолчал. Он знал, найдутся такие, кто не сможет.

* * *

Остаток дня Варка провел в полной праздности. Лежа на спине, он внимательнейшим образом разглядывал каждую пядь нависавшей над ним стены. Ночи сейчас безлунные, фонаря нет, а если бы был, все равно фонарем пользоваться нельзя. Так что лезть придется ощупью. Впрочем, задача не казалась ему особенно трудной. Встать у стены на перила балкона, уцепиться за резное украшение, что тянется вокруг всего окна. Хорошо, что в эпоху Безумной Анны так любили резьбу по камню. Удобная штука эта резьба. А вот дальше пять – семь саженей совершенно гладкой стены. Ну, положим, не очень гладкой, если цепляться за щели между блоками кладки. Трудно, но одолеть можно. Стало быть, лезть придется босиком. А дальше опять удобно, под самой крышей пояс из высеченных из камня розеток, таких же, как на перилах балкона.

Все прочие в это время трудились не покладая рук. Работал даже Андрес, которому всегда было на всех плевать. В ход пошли ветхие покрывала из спальни, насквозь пропылившийся балдахин, какие-то древние плащи из гардеробной. Парни раздирали их на полосы, а девчонки вязали веревку. Дело спорилось плохо, разнородные куски полуистлевшей ткани просто распадались под руками. Но потом от шума в гардеробной проснулась Фамка. Разобравшись, в чем дело, она вежливейшим голосом примерной лицеистки в пух и прах раскритиковала работу Ланки и прочих куриц. Оказалось, что узлы вяжутся совсем не так, а то, что они навязали, расплзется от одного прикосновения. Полосы ветхой ткани следует сначала сплести друг с другом, по три, а то и по четыре, для большей надежности. Ланка злилась, фыркала, но вынуждена была со всем согласиться. Невооруженным глазом было видно, что Фамка права. Теперь курицы сплетали полосы, а Фамка привычными пальцами вязала узлы. Когда не было работы, они с матерью частенько ходили в порт чинить рыбацкие сети.

Глава 4

Наступил серый вечер без единого закатного проблеска. Небо затянуло не то дымом, не то облачной пеленой. Обвязавшись веревкой крест-накрест и вокруг талии, Варка терпеливо ждал, а на башню Безумной Анны наваливалась густая, вязкая тьма. Ни единого огонька в городе, ни одной звезды над крышами. Только редкая цепочка рыжих факельных огней, обозначающих далекую линию городской стены. Варку, в глубине души рассчитывавшего на неверный звездный свет, это расстроило, но не слишком.

Закрыв глаза, чтобы не отвлекаться, высматривая невесть что в полной темноте, он принялся осуществлять придуманный днем план. Стена башни, хорошо изученная при свете, стояла перед глазами как настоящая. Впрочем, ничем особенным он не рисковал. Илка поклялся, что веревку они удержат при любых обстоятельствах.

Перила балкона. Резьба по камню вдоль оконницы. Это Варка преодолел легко и быстро, как по ступенькам. Четыре сажени гладкой стены дались труднее. Он содрал в кровь ступни и колени, обломал ногти на руках. Ладони саднило, будто по ним прошлись точильным камнем. Спасало только то, что еще днем он хорошо запомнил все щели и поперечные трещины. Наконец макушка уперлась во что-то твердое. Варка осторожно отлепил от стены правую руку, лизнул, чтобы облегчить боль, и вытянул вверх, ощупывая дорогу. Так и есть, очередное творение древних зодчих, каменный карниз с цветочным узором.

Карниз оказался ужасно неудобным. Снизу он выглядел изящным кружевом, цепляться за которое – одно удовольствие. Но вблизи, на ощупь, изысканные линии оказались широчеными округлыми полосами. Старые мастера не поскупились на крупные украшения, чтобы снизу их работу было видно во всех подробностях, да и отполировали узор на славу. Триста лет прошло, а каждый изгиб до сих пор был гладким и, увы, чрезвычайно скользким.

Извиваясь как червяк, Варка каким-то чудом заполз в узкое углубление, должно быть, лепесток одной из цветочных розеток, но на этом его успехи закончились. Полукруглая ниша, изображавшая сердцевину цветка, в которой, глядя снизу, он рассчитывал отдохнуть, оказалась неглубокой и такой покатой, что закрепиться в ней никак не получалось. Кроме того, цветы оказались наклонены чуть вперед. Должно быть, чтоб снизу было получше видно. Варка вдруг осознал, что висит над бездной и собственная спина, внезапно ставшая тяжелым грузом, неодолимо тянет его вниз. Конечно, его обещали страховать. Но Илка же только делает вид, что все знает, все умеет. А сам – маменькин сыночек, лопух лопухом. Не, не дурак, конечно. Но лопух – это точно.

Варка спиной уперся в левый край лепестка, ногами – в правый и попытался подумать. Думать было трудно. Как только спина, прикрытая лишь тонкой рубашкой, соприкоснулась с шершавым ледяным камнем, все тело пробрала дрожь, да такая, что зубы застучали. Оказалось, что на дворе уже глубокая осень, и ночь эта – из глухих осенних ночей, черных ночей предзимья. Очень быстро босые ноги стали неметь и терять чувствительность.

Варка попытался пошевелить пальцами и, утратив шаткое равновесие, немедленно поехал вниз, немилосердно расцарапав спину. Вновь закрепиться удалось, только до боли напрягая мышцы, которым и так уже здорово досталось. Испугаться он, конечно, испугался, но головы не потерял. Кое-как размяв костенеющие руки, принялся выбирать страховку. План был простой: захлестнуть петлю за верхний лепесток и спокойно ползти наверх по веревке.

Стараясь не выпасть из лепестка, с которым почти сроднился, Варка раскрутил сложенную вдвое веревку, размахнулся, прикидывая направление, так как по-прежнему ничего не видел... и в этот миг плечи пронзила дикая боль. Его оторвало от стены, как сухой листок. Болтаясь в темной пустоте, он заорал, но не от страха, а от боли, которая продолжала терзать предплечья.

Не задумываясь Варка поступил как в уличной драке: принялся лягаться, целя неведомому противнику по колену или по голени. Кажется, попал, потому что голая пятка врезалась в нечто твердое, над ухом раздалось короткое ругательство, и Варку швырнуло вниз.

Каким-то чудом он не только попал на балкон, но и влетел головой вперед прямо в широкую балконную дверь, по пути сбив с ног Илку, Петку и прочих сочувствующих, которые для надежности травили веревку все вместе. Так что упал он на мягкое и почти не ушибся, хотя плечи по-прежнему ломило.

Раздался скрип, в противоположной стене обозначилась светлая арка двери. В дверь просунулся охранник с масляной лампой, привлеченный грохотом и приглушенными воплями.

– В чем дело? – рявкнул он.

– Опять мальчишки подрались, – ясным голосом ответила из темноты Жданка, – уймите их, дяденька, а то они спать мешают.

Глянув на кучу-малу на полу у балкона, охранник сплюнул и захлопнул дверь.

– Я же говорил, сорвешься, – пропыхтел Илка откуда-то снизу. – Ну-ка, быстро слезли все с меня.

– А еще выламывался, козел, – мрачно поддержал Андрес.

– Варочка, ты где? Ты не ушибся? – жалобно спросила Ланка.

– Он не ушибся, – сдавленно просипел Петка, – это мы ушиблись. А он, котяра, всегда на четыре лапы падает.

– Веревка цела? – деловито поинтересовалась Фамка.

Варка, хорошо понимая важность вопроса, сполз с помятых одноклассников, с трудом разогнулся, сел и потянул за все еще привязанную к поясу веревку. Тянуть пришлось не слишком долго.

Все остальное удалось обнаружить только утром.

Оказалось, что веревка порвалась в трех местах. Узлы выдержали, но древнее тряпье с годами явно не стало крепче. Ненадежная вышла веревочка, гнилая. Никуда бы они по ней не залезли.

Впрочем, Варка с запоздалым удовлетворением подумал, что петлю на верхний лепесток ему забросить все-таки удалось. Там она и осталась, аккуратненько затянутая. Снизу жалко болтался коротенький обрывок. Второй кусок валялся на дне рва, а третий каким-то образом перелетел через ров и гирляндой праздничных флажков трепетал на полубогаженных ветвях деревьев Сада наместника.

Тем же утром Варка, обозленный разговорами о том, что он, мол, сорвался, велел выгнать из будуара, служившего мужской спальней, любопытных девчонок и разделся до пояса, так что все желающие могли полюбоваться его синяками. Пять багровых пятен на правом предплечье. Пять таких же пятен на левом.

– Чуть руки не оторвал, – скупно пояснил он.

– Выходит, крайны видят в темноте, – внимательно осмотрев его кожу, сообщил Илка.

– И стерегут. Днем и ночью.

Илка вяло кивнул, покосился на Варкину грудь, тощую, но с ясно выступающими мышцами, и отвернулся. Его собственные мышцы покрывал порядочный слой жира. Но тут ему пришло в голову, что все это уже не важно. Псам все равно, какое мясо, жирное или жилистое. Они все сожрут.

А ведь Варка почти смог... Но теперь веревка потеряна. И снаружи проклятый крайн. А внутри, во дворце, мантикоры. Ум человека, сила льва, яд тысячи скорпионов. Ах да, там еще и охраны полно. Но это уже пустяки, мелочи жизни. Впору героическую балладу писать. Дети против чудовищ.

* * *

Потянулись серые, скользкие, до тошноты бессмысленные дни. Илка считал их, просто чтобы не свихнуться. В покоях Безумной Анны воняло все хуже и хуже, потому что древний нужник, многие годы верно служивший безумной королеве, явно не справлялся с потребностями двадцати пяти лицеистов, несмотря на то что кормили их очень скудно. Содержимое жбана, который ближе к вечеру приносили два охранника, уже никому не казалось помоями. Ели торопливо и жадно, скорчившись над самодельной посудой, чтобы не отобрали. Сначала руками вытаскивали твердые кусочки, потом выпивали остальное. Ложка была только у Жданки с Фамкой.

Примерно на пятый день Андрес в компании с Петрусом и косоглазым Вильмом присвоили себе право делить похлебку. Спорить никто не посмел. Андрес был самым здоровым и самым старшим в классе, а Петрус немногим ему уступал.

На седьмой день случилась драка. Причина была обычная – Варка и его девчонки. Андрее отогнал от жбана Жданку и Фамку, присовокупив при этом, что не собирается кормить всякое охвостье, живущее в Норах. Варка вступился, не столько от большой любви к Фамке, сколько из ненависти к обнаглевшему Андресу. Конечно, он тут же схлопотал и от Андреса, и от Петруса, и от Вильма, но, как всегда, уперся и попытался отмахаться от всех троих. С ног его сбили довольно быстро, и Илке стало ясно, что дело кончится плохо.

Глаза у Андреса побелели от ярости, левое веко мелко подергивалось, голос сорвался на визг. Илка вдруг понял, что у Андреса не все дома. Все-таки погибший Витус был его другом.

Вступаться за Варку умный Илка не собирался. Не полудурок же он, в самом деле, в открытую лезть к Андресу. Да и какая разница, днем раньше, днем позже – для них уже все равно. Смотреть на то, как под истошный визг девчонок будут добивать Варку, ему не хотелось. Но он все же смотрел, не мог отвести взгляд.

Из-под локтя озверевшего Андреса вынырнула мелкая Жданка. Вынырнула и оказалась между кашлявшим на полу Варкой и разъяренной троицей.

– Со всеми не справлюсь, – запрокинув голову, проорала она прямо в лицо Андресу, – но одного точно порежу!

В руке она держала заточку. Очень хорошую заточку. Не слишком длинную, не слишком короткую, с удобной наборной рукояткой. Такие заточки можно было добыть только в порту, и стоили они недешево. Жданка держала ее правильно, свободно и ловко.

– А я второго, – скупно улыбаясь, сообщила возникшая рядом с ней Фамка. В ее небрежно опущенной руке, конечно, тоже была заточка. Ну еще бы, на Горе барышни не гуляют без лакея, а в Норах – без ножа.

Варка, пока они орали друг на друга, поднялся на ноги, разогнулся и качнулся в сторону Андреса, но тут в него вцепились Ланка и Светанка, что позволило ему отступить, не теряя лица. Так что на этот раз разошлись мирно, только жбан в суматохе опрокинули. Лужу никто не убирал, и она долго кисла на полу, добавив свой неповторимый аромат к могучей вони нужника, запаху немых тел и грязной одежды.

Варку курицы утащили к себе и с охами и вздохами устроили на роскошной королевской кровати. Варка не сопротивлялся. Во-первых, все болело, а во-вторых, он хорошо понимал, что обозленный Андрес может попробовать добраться до него и ночью. Врезать Варка ему все-таки успел. Крепко врезать. Так что лучше побыть немного раненым героем, хотя курицы раскудахтались невыносимо.

Фамка хотела взглянуть на Варку поближе. В последствиях уличных драк она разбиралась гораздо лучше, чем все курицы, вместе взятые. Но ее сразу же оттеснили в сторону. Разу-

меется, врачевать раны прекрасного принца она была недостойна. Пожав плечами, она убралась в свой угол.

– Здорово мы их, – прошептала поджидавшая ее Жданка.

– Ага, – вздохнула Фамка, – теперь не будет нам покоя.

– Зола все это, – легко отмахнулась Жданка, – отобьемся. А я и не знала, что у тебя тоже заточка есть.

Усмехнувшись, Фамка разжала стиснутый кулак. В кулаке оказалась Жданкина обгрызенная ложка.

– Умная ты, – хихикнула Жданка.

– То-то и оно, – вздохнула Фамка, – была бы дура, сидела бы сейчас дома, в Норах.

Ночью Варка почти не спал, хотя курицы и обложили его со всех сторон затхлыми сырватыми подушками, принадлежавшими, похоже, еще Безумной Анне. После полуночи он стал склоняться к мысли, что в драке ему повредили что-то важное. Он бы стонал, но где-то в недрах огромной кровати за подушечными укреплениями сопели курицы. Так что от стонов Варка старался воздерживаться. Оставалось только лежать и прислушиваться к отдаленным звукам. Тоже полезное занятие. Андрес со товарищи мог заявиться и в девчачью спальню.

Страшно ему было, когда отец вломился домой совершенно пьяный и оттого неукротимо буйный. Варке было тогда лет пять. Сейчас бояться было просто глупо. Уж лучше Андрес с дружками сегодня, чем мантикоры завтра. Но смертный страх перед мантикорами, висевший над ним все эти дни, как-то отступил, притупился. Остальным было проще. Они ничего не знали. Илка болтать не стал.

В соседней комнате раздался шорох, легкие приглушенные шаги и быстрый шепот. Варка похолодел. Придется драться, а драться он не мог. Дурак. Надо было попросить у Жданки заточку.

Шепот прекратился. Варка ждал шелеста отодвигаемой занавески, шагов у кровати, но вместо этого послышались мерные глухие удары и невнятное мычание. Так продолжалось довольно долго. Мычание перешло в редкие стоны, а потом и совсем заглохло. Варка, озадаченный, предпринял героические усилия, чтобы подняться и посмотреть. Но в темноте не увидел даже тяжелого парчового занавеса, прикрывавшего вход в будуар.

Должно быть, под утро он все-таки забылся, проснулся же оттого, что кто-то крепко стиснул его плечо. «Началось», – холодея, подумал Варка и попробовал открыть глаза. Глаз открылся только один, левый. Сквозь щель между распухшими веками Варка увидел широкую Илкину физиономию. Физиономия казалась до странности довольной.

– За тобой должок, красавец ты наш, – заявил Илка.

– С чего бы это? – строптиво прошептал Варка. Громкий разговор у него как-то не получался.

– А с того, что ты пока живой.

– Так это только пока. Он не отвяжется.

Смотреть на Илку было неинтересно, и глаз сам собой закрылся.

– Считай, уже отвязался, – довольно хмыкнул Илка.

– А-а-а, – протянул быстро соображавший Варка, – так, значит, это вы его ночью...

– Мы тут ни при чем, – ухмыльнулся Илка, – но, похоже, он сегодня не встанет. Пару дней будет отдыхать, не меньше. Так что жратву теперь раздает Петка. Но ты не бойсь. Твоих убогих мы не обидим.

– Темную, значит. Все на одного...

– Кто все-то? Никто ничего не видел.

Варка заворочался, разлепил оба глаза и посмотрел на Илку внимательно:

– Знаешь что...

– Знаю-знаю. Один против троих – подвиг, все на одного – подлость. Ты – герой. Я – подлец. Только от моей подлости польза, а от твоего подвига... – Хмыкнув еще раз, он окинул взглядом лежащего Варку и выплыл из поля зрения.

– Придурок, – прошептал Варка. Крыть ему было нечем. Он немного подумал и повторил: – Все равно придурок.

Глава 5

Пустые дни ползли по башне Безумной Анны вереницей тусклых слизняков, медленно и неостановимо. Илка сбился со счета. К голоду и тошнотворной вони добавился холод. Золотая осень кончилась. На захваченный Липовец пала жестокая пора предзимья. Одеты все были почти по-летнему, но топить в покоях Безумной Анны никто не собирался. Как видно, это считалось излишней роскошью, такой же, как лишняя кружка воды или свет длинными темными вечерами. Выход нашла практичная Фамка. В спальне и гостиной имелись огромные камины. Правда, тяги совсем не было, трубы оказались чем-то завалены. Но зато в гостиной было огромное окно с множеством разбитых стекол. Нижние дырки заткнули чем попало, а в верхние прекрасно вытягивало дым. Кресало нашлось у запасливого Петки. Топили сначала мебелью, потом в ход пошел старинный паркет. Вся жизнь сосредоточилась вокруг камина.

Почти две недели плена превратили их в тихих бессловесных животных. Поесть, пробраться поближе к огню, закутаться в старые тряпки и спать или цепенеть в полной бессмысленной неподвижности. Илке уже не было страшно, да и вообще стало на все наплевать. Шевелиться не хотелось, не хотелось даже есть, хотелось только, чтобы его оставили в покое.

С вялым недоумением он наблюдал, как еле различимый в вечернем полумраке Варка ковыряется, отдирая очередную паркетную плаху. В последнее время камин топили только Варка и Жданка. Как у них до сих пор хватает сил двигаться, Илка решительно не понимал. Серые смрадные сумерки висели в королевской гостиной. Серая стывшая мгла колыхалась за окнами. Ветер нашел какую-то щель и ныл в ней, будто у него разболелись зубы. От особенно резкого порыва задребезжали оставшиеся стекла. С грохотом распахнулась двустворчатая балконная дверь.

Илка лениво поднял глаза, и взгляд уперся в потертые бриджи, заправленные в обшарпанные остроносые сапоги. Сзади раздался стук. Варка выронил паркетные плашки. На перилах балкона стоял Крыса, прямой и тонкий, как восклицательный знак. Полуоткрытые крылья за плечами нетерпеливо трепетали, тянули хозяина вверх.

– Встаньте, – четко, как на уроке, произнес он.

Их подняло точно ветром. Встали все, даже вконец ослабевшая Светанка, даже Андрес, которого постоянно лихорадило.

– Подойдите сюда. – На них он, как всегда, не смотрел. Острый подбородок сверлил воздух высоко над их головами.

Все двинулись вперед покорным замороженным стадом. Никому и в голову не пришло послушаться или задать какой-то вопрос. Вяло толкаясь, проходили в широкую дверь, ежась от холода, выползали на балкон.

– Быстрее, – приказал Крыса. Крылья дрогнули, раскинулись, накрыли балкон огромным шатром.

Варка потянулся вслед за всеми. Но тут ему вспомнились рыжие шершни, покорно сползавшиеся в подставленные ладони. В груди шевельнулось нехорошее предчувствие. Ну нет. Никакой летучей нечисти он собой управлять не позволит. Варка сделал вид, что движется в общей толпе, но в последний миг нырнул вниз, под прикрытие заткнутых оконных квадратов, и шустро пополз в угол между стеной и широкой рамой, где Крыса никак не мог его видеть. За собой он решительно потянул мелкую Жданку, которая кстати попала ему на глаза.

– Ты чего, – упираясь, зашептала Жданка, – он же велел идти...

– А я велю остаться, – прошипел Варка, для верности покрепче прижав к себе ее голову, так чтобы закрыть глаза и заодно заткнуть уши.

– Все? – спросил Крыса.

– Все, – хрипло ответил Илка, считавший, что он тут вроде как за старшего.

Крыса медленно поднял и развел в стороны длинные тощие руки. Варка почему-то не мог отвести глаз от худых, хищно вытянутых пальцев. Руки резко опустились. Раздался громкий сухой треск, будто где-то рядом дали залп из пищалей. Доски вздыбились, и весь балкон со сгрудившимися на нем лицеистами с грохотом рухнул вниз.

Варка вдохнул, а выдохнуть позабыл. Так что крика не получилось. Жданка вывернулась из его объятий, не понимая, устала ли на Крысу, зависшего в воздухе над образовавшейся пустотой. Крылья дрожат, поднимая ветер, руки опущены, как после тяжелой работы, голова запрокинута. На тонких губах довольная улыбка сытого ящера.

Жданка с трудом перевела взгляд с Крысы на окаменевшего Варку. Но тот вдруг очнулся и торопливо втащил ее в пыльную щель между стеной и великолепным украшением вокруг камина. В распахнувшуюся дверь ворвался яростный Стефан во главе небольшого отряда из десятка солдат и четырех собак. Все они кинулись к тому, что осталось от балкона, и тоже устали на Крысу.

– Что ты наделал, ты, нелюдь крылатая! – диким срывающимся голосом заорал Стефан. Крыса приподнял левую бровь. Легкая улыбка сделалась шире и еще неприятнее.

– Исполнил приказ Его Величества об уничтожении заложников, – прямо-таки лоснясь от вежливости, разъяснил он.

Стефан схватился за голову.

– Может быть, я ослышался? Может быть, такого приказа не было? – с показной озабоченностью поинтересовался Крыса.

– Был! – рявкнул Стефан. – Но не ты... И не так... Они же теперь мертвы...

– Полагаю, да, – с глубоким удовлетворением подтвердил Крыса.

– А договор?! – взвизгнул Стефан. – Где мы теперь других найдем?! Теперь, когда все попрятались?!

Пока они пререкались, Варка обнаружил одно любопытное обстоятельство. Входная дверь осталась открытой. Очень тихо он потянул Жданку за руку и медленно, по шажочку двинулся вперед. Это была возможность спастись. Жалкая, слабенькая, но возможность. Варка хотел подойти к двери как можно ближе, а уж потом, не скрываясь, броситься со всех ног.

Когда он был на середине комнаты, то обнаружил, что на него смотрят собаки. В следующий миг они молча ринулись к нему. Жданка взвизгнула. Тут уж их заметили все. Даже Крыса снизошел до того, чтобы опустить взгляд.

С лязгом вылетели остатки стекол. В щепки разлетелись квадраты дубовых рам. Солдат разметало, прижало к стенам. Припав к полу, дико завывали собаки. Крайн ворвался в загаженную гостиную, сметая перед собой все, не щадя крыльев. Совсем близко Варка увидел искаженное яростью лицо с алыми следами свежих порезов, но тут его ухватили поперек живота как нашкодившего котенка.

Ухватили так крепко, что из легких вышибло весь воздух. Больше он ничего не видел. Кругом были крылья. Легкий сверкающий вихрь. Крылья тихонько гудели, как пчелы в огромном улье. От них пахло медом, укропом и чуть-чуть зелеными яблоками. Варка вдруг успокоился. Совсем. Хотя дышать по-прежнему было трудно.

Крылья торопились, спешили лететь, Варка летел вместе с ними, и это было настоящее счастье. Снаружи к нему пытались пробиться какие-то звуки, но они не имели никакого значения. Ни истошный крик «Руби его!», ни яростный вопль «Огонь!», ни противный свист и внезапный треск над самым ухом.

Они летели и вдруг начали падать. Варка почувствовал, что никто уже не мешает ему дышать, более того, падать тоже никто не мешает. Он заорал, попытался сам ухватиться за что-нибудь, под руку не попадалось ничего, кроме скользких перьев, а потом спина, плечо и затылок со всего маху врезались в нечто очень твердое.

* * *

В голове загудело, в спине хрустнуло, но сознание, как ни странно, осталось при нем. Варка сел, преодолевая головокружение. Было темно, потому что его по-прежнему окружали крылья, легкие, хрупкие, невесомые. Варка принялся торопливо раздвигать их. Упали... Вот это упали... Наверняка в ров. А может, и нет. Может, где-то в Садах грохнулись. Лучше бы в Садах. Из Садов сбежать проще.

Наконец голова и плечи выбрались на свободу. Варка чувствовал это, но по-прежнему ничего не видел. Вокруг висела глубокая тьма безлунной ночи. Он замер, озадаченный. Пять минут назад никакой ночи не было. Был вечер. Долгие осенние сумерки. Выходит, он все-таки потерял сознание и провалялся так несколько часов.

В темноте послышался плач. Плакали громко, отчаянно, с всхлипываниями и подвываниями.

– Эй, – осторожно позвал Варка. Далеко-далеко замаячило желтое пятно света. Оно росло, стремительно приближалось, превратилось в бледный дрожащий круг. В круге возникло белое лицо Ланки, окруженное светлыми распущенными волосами.

Варку пробила дрожь. «Выходит, я не сознание потерял, выходит, я просто помер. Ну еще бы, навернуться с такой высоты».

К рыданиям добавилась невнятная, неумелая ругань.

– Варочка, ты жив? – тонким голосом спросил дух любимой девушки. В руках дух держал самую обыкновенную масляную лампу, коптящую и давно не чищенную.

– Не знаю, – честно ответил Варка. – Где это мы?

– На кухне, – растерянно хлопая ресницами, сообщила Ланка.

– На какой еще кухне?

Ланка подняла лампу повыше. И вправду, грязноватая просторная кухня из тех, что еще сохранились в старых домах Гнезд. Слева плотно закрытое ставнями окно и заложенная засовом дверь черного хода. Справа холодный, давно не топленный очаг, два тяжелых табурета и широкий стол. На столе кувшин и какая-то снедь, прикрытая холстинкой. Кроме того, в кухне теснился весь его класс, двадцать три лицеиста в остатках школьной формы сидели и лежали на щербатых плитах кухонного пола. Светанка рыдала, свернувшись жалким комочком, Любава собиралась заняться тем же, Фионка валялась в обмороке, Андрес стоял на четвереньках и упорно ругался, Илка, сидя на корточках, с остервенением тер глаза.

– Песья кровь! – пробормотал Варка. – Как вы сюда попали?

– А-а-а, – задумчиво протянула Ланка, – все обрушилось...

– Ну да, я видел.

– И мы упали.

– Куда упали? – заорал выведенный из терпения Варка.

– Сюда, – разъяснила Ланка, – в кухню. Невысоко совсем. Все равно как со стула спрыгнуть.

– И давно вы здесь?

– Не-а. Я только заметила, что тебя нет, а тут как раз вы и свалились.

– Мы – это кто?

– Ну, ты и этот... который с крыльями.

– Откуда?

– Что откуда?

– Свалились откуда, горе мое?!

– Сверху, – сообщила Ланка и посмотрела на потолок.

Варка тоже уставился на потолок, ничего, кроме паутины, там не увидел и вдруг спохватился:

– Постой, а где Жданка? Со мной же Жданка была!

– Здесь я.

Из-под груды перьев на краю светового круга выбралась взъерошенная Жданка.

– Ай, – отшатнувшись, пискнула Ланка.

– Чего «ай», – проворчала Жданка, – я не кусаюсь.

– Да тебя саму вроде покусали. Ты же вся в крови.

Жданка подняла повыше подол рубахи. Пух и перья прилипли к кровавым пятнам на одежде, приклеились к пропитанным кровью волосам.

Варка, ахнув, вцепился в ее плечи, развернул к себе:

– Где болит?

– Нигде, – поразмыслив, ответила Жданка.

– А кровь откуда?

– Похоже, это его кровь, – заметил подошедший Илка.

Тут все зашевелились, подтянулись поближе, чтобы получше рассмотреть крайна. Это оказалось нелегко. Мешали крылья. Они громоздились почти до потолка черной беспорядочной грудой. Наконец, потянув за длинные маховые перья, Илке и Петке удалось оттащить в сторону какой-то кусок, и они увидели руку.

Длинная рука с костлявой кистью торчала среди сломанных перьев под немыслимым углом. Сразу стало ясно – живая рука так торчать не может. Потом открылось облепленное окровавленными волосами лицо. Изжелта-бледное, совершенно мертвое. Запрокинутая голова щекой прижималась к изгибу крыла. А тела не было. Казалось, там только кровь и приставшие к ней перья. Курицы дружно взвизгнули. Ланка вцепилась в подвернувшегося под руку Илку и едва не выронила лампу.

Лампу подхватила невозмутимая Фамка, и тут все увидели вторую руку. Выбравшись из-под остатков камзола, она медленно тянулась вверх, к горлу. Пальцы дрожали, стараясь нащупать нечто важное. Нащупали, сжались и вытащили из-под жесткого ворота круглый замшевый мешочек на потертом шнурке. Мертвое лицо дрогнуло, медленно поднялись тяжелые веки, и класс впервые увидел глаза ненавистного Крысы, прозрачные, почти слепые от боли. Растерянный взгляд скользнул по испуганным лицам и уперся в Варку. Рука дернула шнурок, тот оборвался, мешочек остался лежать на протянутой к Варке ладони.

– Все свободны и могут идти домой, – отчетливо выговорил Крыса, – Ивар Ясень, Илия Илм, Илана Град, Хелена Фам – оставайтесь.

Глаза потухли и закатились, рука упала, но Варка успел подхватить пухлый мешочек.

– Как это свободны? Куда домой?

Илка бросился к окну, припал к вырезанному в ставнях сердечку.

– Колокольный переулочек, – сообщил он, – прямо напротив – Птичий фонтан.

– Ну да, – вспомнила раздумавшая рыдать Светанка, – Крыса же живет в Колокольном. Я ему сюда как-то раз записку носила, от Главного мастера.

– Так это что же, мы правда можем идти домой? Вот так просто взять и идти? – заволновались слегка пришедшие в себя лицеисты.

Илка решительно шагнул к двери и, кряхтя, вытянул из пазов ржавый засов. Дверь приоткрылась. Косой Вильм выругался внезапно прорезавшимся глубоким басом.

– Вы как хотите, а я пошел, – заявил Андрес и действительно пошел к двери, цепляясь по пути за стены, стол и плечи одноклассников.

– Погодите, – Варка хотел крикнуть, но получилось что-то вроде хриплого шепота, – глядите, чего он мне дал! Фамка, свети сюда!

– Ну и чё?! – сунулся ближе Косой Вильм.

В раскрытом мешочке на Варкиной ладони лежали узкие продолговатые зернышки с маленькими раздвоенными хвостиками.

– Разрыв-трава, – благоговейно прошептал Варка, – у отца есть три семечка. Так он держит их под замком, в шкатулке с секретом, на особой подушечке.

– Семена разрыв-травы, – припомнил начитанный Илка, – даруют обладателю полную невидимость.

– Лучше, – отрезал Варка, – тебя все видят, но никто не замечает.

– Как это? – удивилась Жданка.

– Ну, не обращают внимания, что бы ты ни вытворял. Одно семечко за щеку, и полчаса можешь делать все что угодно. Кстати, запах они тоже отбивают. Ни одна собака твой след не возьмет. На, – пихнул он мешочек Илке, – раздай всем и дуйте по домам. Тут много, на всех хватит. Где он их раздобыл – ума не приложу.

– Выходит, он всех нас спас? – тонким голосом спросила Жданка.

Но Варка на глупые вопросы отвечать не стал. Бухнувшись на колени среди изломанных перьев, стараясь отгрести их от тела крайна, он лихорадочно бормотал себе под нос: «Кровь... первым делом унять кровь... его надо раздеть, а то здесь ничего не разберешь».

– Жданка, у тебя нож был? Иди сюда, режь все это к свиньям собачьим... камзол, рубашку, все, что на нем... и перья, перья как-нибудь уберите.

– Брось, – сказала Фамка, – не тревожь его... он или вот-вот помрет... или уже помер.

– Нет еще! – огрызнулся Варка. – Жданка, режь, шевелись давай! Я щас!

Он метнулся к дальней стене и, конечно, обнаружил маленькую дверь во внутренний дворик. На улице почти совсем стемнело, но колодец находился там, где ему полагалось быть во всех домах Гнезд. Почти разрушенная каменная ограда посреди двора под ветхим, покосившимся навесом. Варка закрутил ворот так, что сразу взмокла спина. Глаза застилала злые слезы. Девчонок не было, и он позволил себе пару раз всхлипнуть. Хитрый Крыса все продумал, все подготовил заранее. И все бы ему удалось, если бы не Варкино тупое упрямство. Сам весь изранен, а у Варки со Жданкой ни царапины. Все пули, предназначенные им, попали в крайна, в крайна и его крылья.

Ворвавшись в кухню с полным ведром, Варка обнаружил, что все уже ушли. Возле Крысы возились три курицы: Ланка, Фамка и мелкая Жданка.

– А вы чего остались? – Варка с маху поставил ведро так, что ледяная вода плеснула на башмаки. – Берите зерна и мотайте отсюда.

– Куда же я пойду? – беспечно возразила Жданка. – На Болото, под мостом ночевать? Здесь лучше. Все-таки крыша есть и затопить можно.

– Я без тебя боюсь, – заявила Ланка, – пойдем вместе, ладно?

– Вообще-то он велел остаться, – напомнила Фамка, – тебе, мне, ей и Илке. Мне показалось, он это серьезно.

– Ну, не знаю. Чего оставаться-то. Наверное, он бредил. А где Илка?

– Ушел, – разъяснила Ланка. – Сказал, что здесь не лицеум, чтобы всякая нечисть ему указывала. Меня с собой звал, но я не пошла.

– Всякая нечисть, – передразнил Варка, шмыгнув носом, и вновь опустил на колени.

Курицы справились, не постеснялись убрать одежду. Впрочем, в Норах стеснительных не бывает. Без залитой кровью одежды все выглядело не так страшно. Тощее жилистое тело Крысы уже не казалось сплошной раной. Варка сбросил куртку, содрал рубашку, цепляясь зубами, разорвал на полосы.

– Намочите все! – приказал он. – Фамка, свет пониже!

Фамка стала рядом на колени, опустила лампу.

– Что у него с рукой?

– С рукой – чепуха. Выбил из плеча, когда упал. Это вправить можно. И это чепуха. В мякоть, насквозь, – бормотал Варка, вода мокрым лоскутом, смывая кровь, – это вообще царапина, кровит только. А вот это хуже. Вот она, вся кровяница-то откуда! Но тоже навывлет. Жгут пока наложить... щас... – Он скручивал, прилаживал, затягивал, жалея, что у него нет третьей руки, то и дело пуская в ход зубы. Фамка, стиснув горячую лампу, следила, чтобы свет падал на его руки. Где-то сзади часто дышала Ланка.

Вдруг Варка съежился и со всего маху врезал себе кулаком по лбу:

– Дурак, болван, скотина упрямая!

– Чего там, Варка? – Ланка придвинулась, попыталась заглянуть через плечо.

– В живот, – тихонько ответила Фамка, – я же говорила, не надо его тревожить.

– погоди, может, еще обойдется. Ты же не знаешь, чего у него там, – встряла неунывающая Жданка.

– Кусок свинца у него там! – рявкнул Варка. – Разворочено все, и выходного отверстия нету.

– Лучше бы он сразу помер, – устало вздохнула Фамка. Покойников она навиделась достаточно. Многие из них выглядели куда лучше.

– Так, – сказал Варка, поднимаясь, – щас я побегу, отца приведу. Или мать. Не побоитесь с ним остаться?

– Куда же мы пойдем? – фыркнула Жданка. – Говорено уже...

– Тогда вот что. Очнется, будет просить пить – не давать ни в коем случае. На раны – холодные компрессы и все время меняйте. Холод запирает кровь. Если не вернусь через полчаса, жгуты придется снимать вам. Ясно?

– Ясно, – послушно ответила Фамка.

– Варка, да ты же плачешь! – ахнула Ланка.

– Иди ты знаешь куда... – всхлипнул Варка и, сдернув со стола мешочек с остатком разрыв-травы, выскочил за дверь.

Глава 6

Варка со всех ног летел по Колокольному переулку. Семечко разрыв-травы кололо изнутри щеку, но придавало уверенности. Довольно быстро он начал задыхаться. Многодневный голод не прошел даром. Ноги не слушались, как после долгой болезни. Счастье, что Колокольный переулок сбегал под гору. Когда Варку с разгону вынесло на длинную прямую Либавскую, которая плавно взбиралась на Дворцовый холм, он почти сразу выдохся. Пришлось остановиться, перейти на шаг. Не помогло. Наоборот, закружилась голова. Такого с ним сроду не бывало.

Варка вытер нос рукавом, огляделся... И понял: что-то не так. Собственно говоря, все было не так. Полная темнота. Хотя сейчас вечер, самое торговое время, а на Либавской, как известно, в каждом доме лавка, а то и две. Все двери заперты, все окна наглухо закрыты ставнями. Почему-то не горит ни один фонарь. Хорошо, хоть луна взошла, светит за облаками. Светлое небо. Черный ряд островерхих домов по одной стороне улицы, черный ряд домов по другой. А между ними Варка, одинокий пешеход, один на всей длиннющей Либавской. Пустота и тишина. Куда все подевались?

Скоро выяснилось, что куда-то подевались не только люди. На месте не оказалось дома на повороте в Пустой переулок. Куча мусора, от которой ощутимо тянуло гарью, домом, условно, считаться не могла. Дальше – и того хуже, Дом с Цепями, лучшая в городе ювелирная лавка, превратился в обгорелый остов с пустыми провалами окон, дома слева и справа – тоже.

Варка вдруг позабыл про головокружение и бросился бежать, как никогда в жизни не бегал. Узкая, тесная Стоокая улица промелькнула как в тумане. Он свернул в Садовый тупик, резко забиравший в гору, и выдохнул с облегчением.

Родной дом как ни в чем не бывало возвышался в конце тупика во всем великолепии своей шатровой крыши, фигурных водостоков, дюжины вертушек и флюгеров, четко выделявшихся на фоне бледного неба. Варка сразу ослабел и вновь перешел на шаг. Садовый тупик взбирался в гору очень круто, дважды мостовая переходила в каменную лестницу. Кое-как Варка дополз до родной калитки, без сил повис на ней. Калитка качнулась под его тяжестью и медленно отворилась.

Дом был темен и тих, как все дома в городе. Стучать и вообще поднимать шум Варке не хотелось. Существовал, правда, запасной путь: дерево – водосток – окно мансарды... Но мысль о том, что придется лезть на дерево, впервые в жизни не доставила Варке никакого удовольствия. Одолеть мощенную плиткой тропинку через палисадник и то оказалось трудно.

Варка добрал до порога и осторожно поскребся в дверь. Пожалуй, сам он больше никуда не пойдет. Скажет отцу адрес, а сам не пойдет. Отец и без него все сделает: раны перевяжет, пулю вытащит, куриц успокоит. Да мать теперь и не выпустит никуда. Начнет кормить, потом отправит мыться...

В доме по-прежнему было тихо. Не слышат, конечно. Варка поскребся сильнее, наудачу подергал ручку. Ручка была фигурная, в виде петушиной головы с пышным гребнем.

Петушиная голова повернулась. Дверь оказалась не заперта. В глубине дома, в лавке, коротко звякнул колокольчик. Варка возликовал и немедленно просочился внутрь. Мог бы и не стучать. Дверь у них вообще запирали редко. В дом травника могли прийти и днем, и ночью. Отец никому не отказывал. Впрочем, этого требовал устав цеха травников. Если отец слишком уставал, то к больным шла мать и всегда брала с собой Варку. Варка был до такой степени шустрым ребенком, что оставлять его одного никто не решался.

В просторной прихожей было совсем темно. Но Варке свет и не требовался. Налево – дверь в лавку, направо – коридорчик, ведущий в кухню.

– Мам! – заорал он, безошибочно нырнув в коридорчик. – Мам, вы где?

В кухне тоже оказалось темно. Спят они, что ли?

Варка шагнул к очагу, привычно нащупал лампу и кресало. Осветилась любимая кухня: стол с чистенькой скатерочкой, ряд блестящих кастрюль на полке, голубые салфетки с вышитыми рыжими колосьями, синие кружки на крючках, расписной шкафчик с провизией. Увидев шкафчик, Варка забыл и про черный город за стенами, и про перепуганных куриц, и про Крысу с пулей в животе. В шкафчике всегда хранились остатки предыдущей трапезы, а еще свежеспеченный хлеб, сыр на тарелочке под стеклянным колпаком, масло в коричневом горшочке. Варка решительно шагнул к шкафчику, дернул дверцу, разрисованную васильками. Схватил с верхней полки увесистую краюшку и жадно впился зубами.

Зубы с размаху врезались в твердое, рот наполнила затхлая горечь. Варка поперхнулся, сплюнул, поднес хлеб к лампе. Половинка каравая, некогда мягкая и покрытая аппетитной корочкой, давно закаменела и сверху покрылась бледной плесенью. Варка сунул лампу внутрь шкафчика. На тарелочке под стеклом обнаружился целый садик. Там плесень была зеленая. Горловину горшочка с маслом тоже окаймляла зеленая плесень. Варка хотел было открыть его, но передумал. Воняло и так достаточно мерзко. Надо же, с чего это мать развела такую грязь... Сердце сжалось, навывлет прошитое страшной догадкой.

– Мама! – заорал он, одним духом взлетев на второй этаж, к родительской спальне.

...Через пять минут он снова был на кухне. Сидел на любимом высоком табурете и, уткнувшись подбородком в сцепленные руки, смотрел на лампу. Лампа горела ровно, не чадила.

Дом пуст, но все в полном порядке. Не похоже, чтобы тут дрались. Отец не такой человек, чтобы спокойно позволить себя арестовать. Значит, он ушел сам. Куда? Ну, ясное дело, узнал, что город берут приступом, и побежал на стены. Он же травник. Спасать раненых – его долг. И мать, конечно, пошла с ним. Она такая, мать-то.

Но травники гибнут редко. Хороших травников берегут. Травников сманивают друг у друга, перекупают, в крайнем случае заставляют силой. Но не убивают.

Значит, или их взяли в плен и держат в замке, принуждая работать на этого гада Иеронима, или же им удалось бежать. Но в город они, ясное дело, вернуться не могут. В городе их каждая собака знает. Что ж, какое-то время он и один проживет, не маленький. А потом надо попробовать выбраться из города и идти их искать.

Додумав до этого места, Варка немного расслабился. Свет лампы заколебался, стал расплываться. Руки разжались, и он врезался лбом в стол с таким стуком, что эхо пошло по всей кухне. Встряхнулся, покрутил головой. Сам виноват. Нечего тут сидеть. Спать надо в своей постели. До позднего утра, а то и до обеда...

И тут на него навалилось все сразу. Это что же получается? В Колокольный-то идти некому. Они там сидят и ждут, а никто не придет. Не спасет, не успокоит, не перевяжет этих жутких ран...

Варка потер разбитый лоб, стараясь собрать в кучку обрывки мыслей. Почему-то вспомнилось, как пахли крылья: медом, укропом, зелеными яблоками...

Посидел немного и во второй раз стукнулся головой об стол, теперь уже нарочно. Переносицей врезался в край столешницы, на глазах выступили слезы, но в голове прояснилось. Тяжело вздохнув, он сполз с табурета.

* * *

Через четверть часа Варка брел по Либавской, волоча на спине большую отцовскую торбу. Торба была набита под завязку. Снизу лежал мешок сухарей, который он прихватил для голодных куриц, сверху – то, что набрал в лавке. Особо не разбираясь, он выгреб все из ларцов с пометкой «Раны», «Кровотечения», «Ушибы», «Боли». Поискал отцовский ларчик с

кривыми иглами и жутковатого вида ножами и ножницами, но не нашел. Видно, отец забрал его с собой. Да и к лучшему. Варка все равно не знал, как обращаться со всеми этими блестящими штуками. В лавке больше не пахло травами. Пахло падалью. В клетке под потолком лежал мертвый спик. Две недели без воды и пищи он не протянул.

Бежать с грузом не получалось. Слякки с настойками звякали, мешочки подозрительно шуршали, готовые развязаться. Варка смотрел под ноги, стараясь идти осторожнее. Случайно подняв глаза, он вдруг обнаружил, что навстречу тоже кто-то идет.

Неясная фигура двигалась прямо посреди улицы. Пьяный, что ли? Нет, не пьяный. Идет ровно, строго по прямой, не шатается. Варка знал, что увидеть его нельзя, но на всякий случай отступил поближе к стене. Нежданный встречный прошел мимо. Все-таки пьяный. Прохожий дергался как марионетка. Дважды упал на ровном месте, но, поднявшись, продолжал неуклонно двигаться точно посередине улицы. Варка остороженько обошел странного путника. До поворота в Колокольный переулок осталось всего ничего. На повороте Варка обернулся и только тут узнал эту широкую спину, пухлые плечи и неопрятную всклокоченную шевелюру.

Глава 7

Воют и воют, – с тоской протянула Илана, – никак не уймутся...

Надрывный вой раздавался прямо над домом Крысы, где-то на Горе или в дворцовых Садах.

– Нас ищут, – мрачно отозвалась Фамка. Сидя на корточках над телом Крысы, она деловито меняла примочки.

Наверху, на лестнице, затопали, и в кухню скатилась Жданка с ворохом тряпья в руках.

– Бедненько живет этот ваш учитель, – заметила она, – подушки нет, одеяло жиденькое, простыня всего одна, да и та от старости насквозь светится. В сундуке, кроме мышей, только запасные штаны да рубаха.

– Ну, штаны ему теперь долго не понадобятся, – пробормотала Фамка. – ...А одеяло давай сюда. Укроем его как-нибудь. А то его всего трясет.

– Это хорошо. Трясет – значит, живой.

– А ты, краса наша неописанная, не погнушайся ручки замарать, подбрось уголька, – приказала Фамка.

Илана фыркнула, выражая полное и окончательное презрение ко всяким убогим, но потянулась к ведерку, на дне которого болтались остатки угля. Она не могла понять, как получилось, что забитая грязнуля Фамка и нищенка с Болота принялись ловко распорядиться в этом темном запущенном доме, отодвинув в сторону ее, Илану, полковничью дочь, некоронованную королеву лицеума. Она и опомниться не успела, как затопили камин, в лампу долили масла, нагрели воды в закопченном котле, отыскали и честно, на троих, разделили оставленную на столе под холстинкой еду: несколько круглых лепешек из тех, что пекут в портовых кабаках. Черствых, из плохо просеянной муки да еще и смазанных каким-то подозрительным жиром. Раньше Ланка такие не стала бы и нюхать, но после двухнедельной голодовки ела так, что за ушами трещало. Ее не остановило даже подозрение, что они присвоили сегодняшний ужин Крысы. Наевшись, она нашла в себе силы разозлиться.

Эта тихоня и подлиза Фамка стала вдруг грубой и наглой. Более того, выяснилось, что Ланку она терпеть не может. Спрашивается, за что? Ничего плохого Ланка ей не сделала, разве что в самом начале поучила немного, объяснила, что в лицеуме неряхам делать нечего, указала дочке корзинщицы ее место.

Но выяснилось, что нахальной выскочке это место почему-то не понравилось. Впрочем, если бы не ее глупые и неуместные замечания, в кухне было бы даже уютно. Тепло, светло, безопасно. Крыса, укрытый одеялом, тихо лежал на своих крыльях и больше не смущал Ланку своим истерзанным видом. Все будет хорошо. Скоро придет господин Ясень. Ланка вздохнула. Варкин отец, знаменитый травник, был могучим мужчиной с огромной копной светлых волос, не таким красивым, как Варка, но ловким, решительным и совершенно бесстрашным. Он все устроит, и все закончится благополучно.

Вот только собаки не унимаются. Воют и воют.

– Чует мое сердце, найдут они нас, – пробормотала Фамка.

– Не-а, – бодро возразила Жданка, – ты послушай, они же до сих пор в Садах ищут. Как он нас оттуда вытащил – ума не приложу.

– Ну он же крайн, – устало прищурилась Фамка, – кто его знает, чего они могут, крайны-то.

– Крайны умеют строить колодцы, – проговорила Ланка, задумчиво глядя на огонь.

– Чего?! – на этот раз фыркнула Фамка.

– Сказка такая есть. У меня няня была родом из Пригорья, так она все время про крайнов рассказывала.

– Подумаешь, няня у нее была, – с невыразимым презрением пробормотала Фамка.

– Про что сказка-то? – азартно спросила Жданка. Она уселась рядом с Крысой и тихонько сжала его здоровую руку. Крыса, конечно же, на это никак не ответил.

Ланка снова вздохнула.

– В давние-давние времена один прекрасный и мудрый крайн влюбился в дочь князя. Юная княжна тоже полюбила прекрасного крайна. Князь же, желая выдать дочь по своему выбору, заточил ее в высокую башню, а крайна приказал схватить и бросить в подземелье, чтобы тот не смог улететь. Но крайн призвал силу своих крыльев, построил колодец из подземелья прямо на самый верх башни, где томилась юная княжна, и унес ее в свой небесный замок.

– Колодец из подземелья в башню? – фыркнула Фамка. – Снизу вверх, что ли?

Ланка пожалала плечами, пошуровала кочергой в камине.

– Так говорится в сказке.

– Ага, – принялась рассуждать Жданка, легко поглаживая руку крайна, – он построил для нас колодец. Только большой. И теперь они нас не найдут. Мы просто исчезли.

– Тихо! – вдруг сказала Фамка. Вой стал иным. Сейчас это было страстное поскуливание своры, бегущей по свежему следу. И в этот миг в дверь заколотили. Громко, по-хозяйски настойчиво.

От неожиданности Ланка взвизгнула. Фамка схватила заточку и бесшумно скользнула к двери.

– Открывайте, – хрипло сказали оттуда, – вы чё, заснули, что ли?

Варка ввалился в кухню, нагруженный, как вьючная лошадь, и потный, как мокрая мышь. Впереди себя он толкал Илку.

Ланка снова взвизгнула и бросилась к ним. Илка был какой-то странный. Варке пришлось тянуть и подталкивать его, как большую тряпичную куклу, бессмысленную и безвольную. Основательный пинок отправил его на середину кухни, где он и остановился, тихо покачиваясь.

– Илка, ты что? Ты дома-то был? – Ланка схватила его за плечи, встряхнула хорошенько. – Илечка, что с тобой?

Избавившись от Илки, которого пришлось тащить в гору вдоль всего Колокольного переулка, Варка целеустремленно двинулся к столу и принялся выкладывать из торбы баночки, скляночки, сверточки и мешочки.

– А где господин Ясень? – спросила не сводившая с него мрачных глаз Фамка.

– Нету, – разъяснил он.

Фамка скривилась и больше вопросов не задавала.

– Так, – бормотал Варка, – настой тысячелистника, отвар сушеницы болотной, настой подорожника – это наружное, для пластырей, настой водяного перца, настой пастушьей сумки – это внутрь, против кровотечения. Ну и как я ему это дам, если он глотать не может? Древесный уголь, мазь из живицы и пчелиного воска, крапива сушеная – это наружное, маковое молочко – обезболивающее, внутрь, принимать с осторожностью... толченые корни кровохлебки... это сейчас не годится, это настаивать надо... Он как, живой? – Варка поднял на Фамку измученные глаза.

Фамка кивнула.

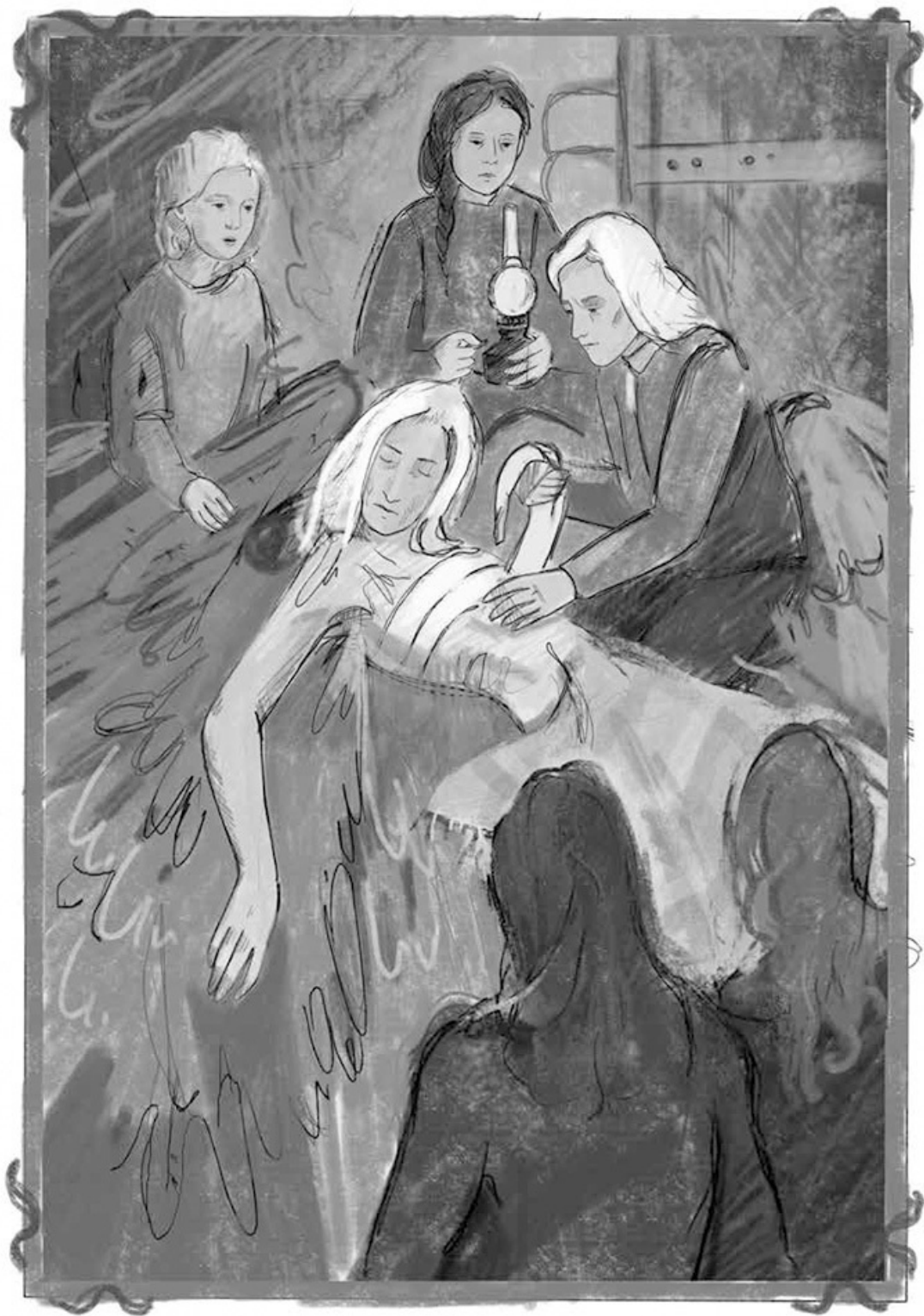
– Дышит, – подтвердила Жданка, по-прежнему сжимавшая безвольную руку крайна.

Варка с ужасом глядел на стол, уставленный лекарствами. Сию минуту ему предстояло лечить смертельно раненного, а он не знал – как. То есть кое-что он, конечно, знал, но это была такая малость... Может, лучше послушаться Фамку и оставить все как есть, не мучить умирающего...

– Горячую воду давай, – сказал он Фамке, уставившейся на него своими черными глазами, – и сама руки вымой. Будешь помогать.

Фамка моментально подчинилась. Варка был серый от усталости и встрепанный, как дра-
ный портовый кот. Глаза у него горели, как у того же кота, и подбородок торчал решительно.
Он явно знал, что делает.

– Режь бинты, доставай из торбы корпию. Щас будем накладывать пластыри и перевя-
зывать.

- А с пулей как? – тихонько спросила Фамка.
- Потом, – отрезал Варка, – сначала то, что я наверняка умею.

* * *

Возились они долго. Мелкие порезы, сильно кровоточившая рваная рана у основания шеи над ключицей, широкая сквозная рана на бедре... Варка был уверен, что задета кость, но сделать с этим ничего не мог.

Ланка им не помогала. Она уговаривала и успокаивала Илку, который молча, но настойчиво порывался куда-то идти.

– Так, – сказал наконец Варка, сгибом локтя стирая пот со лба, – с этим все. Жданка, дышит он?

- Дышит.
- Тогда займемся рукой.
- А как же...
- Потом.

Варка покосился на труды своих рук – вкривь и вкось наложенные повязки, шмыгнул носом и поглядел на Фамку:

- Вывихи вправляла когда-нибудь?
- Вправляла, – успокаивающе кивнула Фамка, – не такие страшные, но вправлять умею.
- А я не вправлял. Только смотрел, как отец вправляет. Тут вот какое дело. Надо медленно повернуть, найти нужное положение, а потом нажать, осторожно, но сильно. Отец – мужик здоровый, он это играючи делает. А нам с тобой придется вместе. Ты берись ниже локтя, а я за предплечье.

Фамка снова кивнула. На язык просились слова: «Кончай над ним измываться... Лучше дай чего-нибудь, чтоб помер поскорее и без мучений». Но она сдержалась. Крыса без сознания, все равно ничего не чувствует, а Варка сейчас похож на летящее к цели копые. Становиться между ним и целью явно не следовало. Она покорно взялась за холодную, совершенно безжизненную руку. Скрюченная кисть с начинающими синеть ногтями безвольно откинулась в сторону.

– Давай! – скомандовал Варка, цепенея от страха. Правильно ли они делают, он понятия не имел.

Раздался резкий щелчок. Жданка вздрогнула.

- Получилось? – спросила Фамка.
- К-кажется, получилось. – Варка сел на пятки, закрыл глаза, помотал головой, так что волосы упали ему на лицо.

Жданка, едва прикасаясь, погладила распухшее плечо, принявшее наконец нормальное положение, бережно уложила руку вдоль тела.

- Закрепить надо, – пробормотал Варка и потянулся за бинтом.

Он откладывал мучительный момент, когда придется заняться той раной. Фамка убрала временный пластырь, наложенный слева, под выступающими ребрами. Варка тупо уставился на сгустки крови, окруженные развороченной плотью. Почему несчастный Крыса до сих пор жив? Как и чем он живет? Дыра ничуть не меньше, чем те, в простреленном королевском знамени. Пулю не достать. Защитить все это он не сумеет, да и нечем. Выходит, придется оставить все как есть, только перевязать. Заражение неизбежно. Да и жить с пулей в кишках весьма затруднительно. Вряд ли даже крайны такое могут.

- Плохо, – сказали у него за спиной. – Но бывает и похуже.

Варка резко обернулся и оказался нос к носу с Ланкой.

– А ты-то откуда знаешь? – пренебрежительно обронила Фамка.

– Мы с матерью, – надменно объяснила полковничья дочь, – состоим в дамском обществе «Белая роза».

– Ну и чё? – немедленно оцетинилась Фамка.

– Это общество покровительства королевскому госпиталю, – снисходительно улыбаясь, пояснила Ланка. «Тебя, убогую, туда и на порог не пустили бы, – злорадно подумала она. – И не лезь к Варке. Тоже, помощница нашлась». Честно говоря, эту самую «Розу» Илана терпеть не могла. Заседания – невыносимая скучища, единственное развлечение: разглядывать чужие наряды.

Посещения госпиталя – и того хуже. Отвратительный запах, бинты в желтых пятнах гноя и ржавых – крови. Вонючие, косматые, страховидные раненые, сквернословящие даже в присутствии благородных дам. Да и жалко их, раненых-то. Так что попыткам матери таскать ее туда раз в неделю Ланка сопротивлялась как могла. Никак не думала, что такое может пригодиться в ее чистенькой, хорошо устроенной жизни.

– Куда уж хуже, – пробормотал Варка.

– Вот если бы оттуда сочилась черная жижа и запах был бы дурной, тогда – все. А тут только кровь.

– Только кровь, – тупо повторил Варка.

– Может, ничего такого не задето? Может, пуля снизу вверх прошла?

– Ну да, ну да, – забубнил Варка, – конечно, снизу вверх, он же взлететь пытался, и если проследить по направлению разрывов... – Очень осторожно он развел края раны. Вдруг перед глазами мелькнула маленькая замурзанная ручонка. Худые цепкие пальцы нырнули в мешанину из сгустков крови. Сдавленно охнув, Варка схватил невесть откуда взявшуюся руку и отдернул ее.

Тут ахнула не только Ланка, но и суровая Фамка. В окровавленных пальцах Жданки был зажат бесформенный кусочек свинца.

– Ты чё, убогая, – зарычал Варка, – совсем умом тронулась?! Ты чего творишь?!

– Я пулю достала, – сияя, сообщила Жданка, – ведь это же пуля, правда?

– Пуля! – простонал Варка. В голове вихрем пронеслось: грязь, заражение, антонов огонь. У отца один больной умер от антонова огня. Варка видел, во что он превратился и как мучился перед смертью.

Тут прямо перед ним возникла скляница с очищенной виноградной водкой. Скляницу держала Ланка. Варка вцепился в прозрачный пузырек как в якорь спасения, щедро плеснул и на рану, и вокруг нее. Делать этого было нельзя. Человек в полном сознании на стену полез бы от боли, но Крыса даже не вздрогнул. Впрочем, он, кажется, уже и не дышал. В безумной спешке Варка скрутил огромный бесформенный пластырь, пропитав его всем, что только пришло в голову и казалось подходящим к этому случаю, наложил на рану, перевязал. Зашивать он не умел, да и не знал, честно говоря, что к чему там надо пришивать. Все... Варкины знания и умения давно закончились. Крыса, весь в бинтах, походил на длинную гусеницу в белом коконе.

– Дышит?!

– Дышит, – тонким голосом ответила Жданка.

– Укройте его. Где-то тут было одеяло.

Варка попытался встать. Ничего не вышло. Оказывается, от долгого стояния на коленях ноги затекли так, что он их почти не чувствовал. Куртка была мокрой от пота. Ледяные ручейки стекали по ноющей спине. Камин, о котором все забыли, потух, и в темной кухне вновь стало холодно.

Фамка подхватила Варку под мышки, помогла подняться и оттащила поближе к камину. У камина обнаружился Илка. Он сидел на табурете, смиренно положив руки на колени, и мерно раскачивался из стороны в сторону. Из уголка приоткрытого рта змеилась влажная дорожка слюны.

Подошла Фамка, сунула Варке в левую руку кусок лепешки, в правую – сомнительной чистоты глиняную кружку. Варка жадно хлебнул и закашлялся.

– Ты чего туда намешала?!

– Водку твою развела, – спокойно объяснила Фамка, – правильно развела, ты пей, не сомневайся. Тебе сейчас надо, а то свихнешься еще. Хватит с нас одного Илки.

Варка прислушался. Все было тихо. Собачий вой отдалился, доносясь откуда-то снизу, со стороны Слободки. Варка поморщился, залпом осушил кружку и тут же заснул с куском лепешки в руке.

* * *

Его трясли за плечи. Трясли изо всех сил, так что голова моталась из стороны в сторону. В уши ввинтился какой-то ужасный звук. Варка замычал. Глаза никак не открывались. Тогда его сильно ударили по щеке. Варка выбросил вперед кулак, стараясь отмахаться, и попал в мягкое.

– Дурак! – пискнуло мягкое. – Проснись! Да проснись же ты, наконец, урод несчастный.

Варка слегка обиделся. Уродом его еще никогда не обзывали.

– Зачем? – спросил он, не открывая глаз. Больше всего на свете ему хотелось, чтобы отвязалась приставучая Ланка и прекратился этот невыносимый звук.

– Вставай! – в самое ухо рявкнула Фамка. – Они нас нашли!

Варка вскочил как встрепанный. Слова «они» и «нашли» тут же связались в его голове со сверлящим уши звуком. Звук был надсадным собачьим воем.

– Где они?

Прямо за дверью послышались возня и царапанье. Точно, нашли по Илкиным следам. Кто его знает, сколько и где он гулял по городу, а семечко действует всего полчаса.

Варка прыгнул к двери, проверил прочность засова. Должно быть, мантикоры учуяли его, вой взвился вверх, достигнув самой высокой ноты.

– Бегите! – заорал он, оглядываясь в поисках какого-нибудь оружия. Ведро не годится, табуретка слишком тяжелая... о, кочерга. Кочерга – это то, что надо.

– Догонят, – не двигаясь с места, отозвалась Фамка.

Ланка кинулась к Илке и попыталась стащить его с табуретки. Илка сидел как мешок и явно не понимал, чего от него хотят.

– В твоих лекарствах вроде маковое молочко было? – спросила Фамка. – Складницу на пятерых разделить – за глаза хватит. Чтобы сразу... чтобы они не могли...

В дверь врезалось тяжелое тело. Засов громко лязгнул, но скобы выдержали.

– Тише, – вдруг сказала Жданка, по-прежнему сидевшая возле крайна, – он говорит.

– Чего? – Варка, не сводя глаз с двери, покосился на крайна. – Не может он говорить. Он без сознания. А был бы в сознании – не говорил бы, а орал от боли.

– Но я же слышу... – растерянно возразила Жданка.

Мощный удар в окно. Зазвенело разбитое стекло, лязгнула оконная решетка.

Варка пригляделся. Бледные губы крайна не шевелились.

– Дура! Беги! Не может он говорить!

– Должно быть, это у меня в голове...

– Труха у тебя в голове!

– Он говорит: «Они здесь. Мне их не сдержать. Сестренка, беги!»

– Правильно! Беги, дура несчастная!

– А куда бежать-то, не говорит? – злобно поинтересовалась Фамка.

– Говорит... Только как-то непонятно. Двор... колодец во дворе... перо – ключ колодца.

– Крайны умеют строить колодцы, – дрожащим голосом произнесла Ланка.

– Ага, – сказал Варка, – колодцы... Это они умеют... – Легенды Пригорья были ему знакомы с раннего детства.

В дверь ударили так, что скобы зашатались в своих гнездах и засов едва не вылетел.

– Ага. Стало быть, двор, а во дворе у нас, конечно же, колодец. Где ж ему еще быть...

Варка подхватил с пола перо, сунул Илке за пазуху, еще одно перо вручил Ланке.

– Бери нашего умника. Он тебя вроде слушается. Во дворе колодец. Его спихнешь, потом сама прыгнешь. Перо из рук не выпускай.

– С ума сошел, мы же потонем!

Ставни с треском распахнулись. За погнувшейся решеткой возникла оскаленная морда, вцепилась зубами в погнутые прутья.

– Лучше в воду, чем мантикоры, – сказала Фамка.

Ланка охнула и, шепча что-то успокоительное, потянула Илку к выходу во внутренний дворик.

Варка кинулся к крайну и попытался приподнять его за плечи. Тощий на вид Крыса показался ему каменно тяжелым. На помощь подоспела Жданка, но толку от нее было мало.

– Бери перо и давай за ними, – заорал Варка, но она только упрямо замотала головой.

– Надо на одеяло его перекатить и тащить на одеяле, – перекрывая собачий вой, крикнула Фамка, – только как же с крыльями? Они же в дверь не пролезут.

– Пролезут как-нибудь, – сквозь зубы процедил Варка.

Под скрежет, грохот и вой, доносившиеся снаружи, они кое-как отвели в сторону упругие шелковистые перья, расстелили одеяло и осторожно, в четыре руки, повернули Крысу на бок. Жданка вскрикнула так отчаянно, что Варка решил – не выдержала дверь. Но дело было не в двери.

Левое крыло легко отделилось от тела крайна и осталось на полу, истерзанное, искореженное, мертвое. Правое медленно потянулось за Крысой, раскрылось, и они увидели оставленные свинцом рваные дыры. Крыло было сломано и держалось на нелепо торчащих тонких косточках и окровавленных лоскутах кожи. Варка в ужасе уставился на эти разрушения.

Дверь содрогнулась, скобы засова вылетели с визгливым скрежетом.

– Нож! – чужим хриплым голосом крикнул Варка. Жданка сунула ему заточку, и он, зажмурившись, с размаху полоснул по тому, что еще связывало крыло с бесчувственным телом.

Дверь распахнулась настежь. Варка схватил стоявшую на полу лампу и швырнул в самую середину груды перьев. Масло расплескалось. Облитые им мертвые крылья вспыхнули почти мгновенно. Между Варкой и визжащими от нетерпения мантикорами встала стена огня.

Варка стукнул по затылку ошалевшую Жданку, пихнул в бок Фамку, и они наконец выволокли тяжеленного крайна во внутренний двор, к колодцу. Варка ногой захлопнул маленькую дверь, хотя понимал – надолго ее не хватит. У низкого, в два кирпича, бортика колодца, скорчившись, тихо подвывала Ланка. Рядом, слегка покачиваясь в ритме ходьбы, стоял Илка. Стоял он удобно, и Варка, не задумываясь, с разбегу толкнул его в спину. Илка свалился как подкошенный. Разглядывать, что там с ним случилось, было некогда. Отправить в колодец Ланку оказалось гораздо труднее. Она визжала и отбивалась. Варка и не думал, что она такая сильная. Но опыт драк у Варки был гораздо больше, дело решила вовремя подставленная подножка. С Фамкой и Жданкой драться не пришлось. Они молча взяли по перу, крепко обнялись и вместе шагнули в темноту.

В слуховом окне покинутого дома показался зловещий оранжевый отблеск. Дверь во дворик вылетела, и сквозь ярко освещенный огнем проем к Варке рванулись безобразные черные

тени. Варка завопил дурным голосом и, вцепившись в Крысу, вместе с ним перевалился через бортик в сырую холодную пустоту.

Глава 8

Варка набрал побольше воздуха, зажмурился, приготовившись к удару о ледяную воду, и с размаху ткнулся лицом в жесткое и колючее. Глаза открылись сами собой. Перед лицом маячили какие-то черточки... Сухие травинки. На травинках росли хрупкие белые кристаллы. Травинки дрожали, и кристаллы сыпались с них, исчезали, таяли от тепла дыхания.

«Иней», – сообразил Варка, сразу же покрылся гусиной кожей и сел. Руки впились в промерзшую землю. Перед ним простирался длинный голый склон, плавно опускавшийся в туманную даль, окутанную сумерками хмурого утра. Из склона торчали пучки мертвой травы, густо опушенные инеем. Над травой медленно влачили сизые валы низких снеговых туч.

Варка посмотрел направо, посмотрел налево. Ничего, кроме туч, убитой морозом травы и тумана. Холодом веяло от них, холодом, отчаянием, смертью...

Подумав о смерти, Варка торопливо обернулся. Погони не было. Ни темных теней, ни жуткого воя, ни горячего звериного дыхания.

Сзади оказалось дерево. Страшное, безнадежно мертвое. Серебристо-серый ствол, лишенный коры и тонких верхних веток. При жизни дереву тоже, должно быть, пришлось несладко. Под напором вечных ветров ствол изогнулся причудливой спиралью. Корявые сучья тянулись к небу, безответно моля о помощи.

Под деревом, прислонившись к стволу, в обнимку сидели Илка и Ланка. Оба дрожали так, что зуб на зуб не попадал. Варка усмехнулся. Еще месяц назад Илка был бы на седьмом небе от счастья, если бы прекрасная Илана снизошла до того, чтобы обнять его за шею да еще и погладить по голове... Теперь же на его широком, посиневшем от холода лице отражалось только тупое равнодушие.

У ног парочки лицом вниз лежал крайн. Лежал смиренно, никому не мешал, стонать и разговаривать не пытался. Кто-то заботливо завернул его в одеяло.

– Куда мы провалились? – дрожащими губами спросила Ланка.

Варка дотянулся до дерева, оперся на него и встал. Ноги тряслись, но слушались.

– Не знаю. Наверняка мы где-то за городом.

– Ужас какой!

– Ужас был да весь вышел. Живые, не утонули, от погони оторвались – чего тебе еще надо?

– Холодно.

– А ты не знала, что скоро зима? Сейчас чернотроп идет. На что ты вообще надеялась?

– Я думала, здесь будет настоящий дом крайна. Этот... небесный замок. А тут... – Ланка растерянно огляделась.

– А что тут?

– А тут мы замерзнем.

Варке пришлось признать, что она права. Сидеть здесь – неминуемо замерзнуть.

– Не бойсь, – сказал он бодро, – щас пойдем, деревню какую-нибудь отыщем. Это же спуск к Либаве, правильно? Значит, рядом либо Большие Котлы, либо Мотыли, либо Коровье. Главное – договориться, что им врать.

– Что ты, Варочка, – жалобно протянула Ланка, – какие Мотыли... Ты во-он туда посмотри.

Варка посмотрел. Поросший бурой травой склон упирался в серую городскую стену. Но он тут же понял, что ошибся. Никакая это была не стена. Почти по отвесу вверх до самых медленно текущих туч поднимались скалы. Серые, неровные, со вспухшими белыми жилами другой породы, прорезанные наискось идущими разломами. У подножья скал громоздились кучами или торчали поодиночке громадные камни. Будто сорвались сверху в незапамятные

времена, да так и остались, разбитые, обглоданные ветром и временем. Из трещин между камнями торчала трава и низкие кусты, колючие даже с виду.

– Горы какие-то, – пробормотал Варка, – откуда у нас на Либаве горы?

Интересно, какой глубины бывают колодцы? Кто их знает, чего они умеют, эти крайны. Куда их забросил господин Лунь по прозвищу Крыса?

Крыса лежал тихо, дышал слабо и часто, и никакого внятного ответа дать, конечно, не мог. Варка растерянно озирался, медленно коченея в тонкой куртке на голое тело. Между камнями мелькнуло что-то живое и яркое. Он прищурился. Из-за камней выскочила Жданка, заплясала босыми ногами по холодной земле.

– Давайте сюда! Мы дом нашли!

* * *

Жданкины понятия о том, что такое дом, сильно отличались от Варкиных. Чудом втиснувшись между грудями камней, к скальной стене прилепилось убогое сооружение: крылечко в две доски, слепое окошко, больше похожее на квадратную дырку, дерновая крыша, просевшая посередине. Если бы не скала, угрюмо подпиравшая его сзади и, как видно, служившая четвертой стеной, домишко бы совсем завалился. Он был явно брошен, и брошен давно. У крыльца густо росла трава. Ни тропинки, ни торной дороги. Но над трубой вился робкий дымок, и это сулило надежду на тепло.

Внутри и вправду оказалось куда теплее, чем снаружи. Вместо обычного для Липовца открытого очага здесь половину хижины занимала печечка с широкой лежанкой. У печки возилась Фамка, сердито поджав губы, крушила Жданкиным ножом какую-то деревянную рухлядь. За приоткрытой заслонкой плясало рыжее пламя. Варка осмотрелся. От двери до лежанки пять шагов, пол земляной, потолка нет, только старые доски крыши, на которые положен дерн. Вплотную к окошку придвинут колченогий стол, на столе красуется битком набитая Варкина торба.

– Фамочка, – умилился Варка, – когда ж ты успела?

– Я еще раньше ее собрала. Пока ты спал, – спокойно объяснила Фамка. – Ясно же было, что оттуда все равно придется удирать.

– Фамочка, милая... Ну хочешь, я тебя поцелую?!

– Совсем сбрендил! Отвали, придурок! – сказала Фамка грубым голосом и поспешно отвернулась к печке. Щеки горели, а в душе шевелилось сожаление. Мог ведь и вправду поцеловать...

Крайна устроили на лежанке. Илку затолкали подальше в угол, чтобы не дергался и не пытался уйти неизвестно куда.

Варка собственноручно закрыл дверь, пристроил в перекошенные пазы тяжелый засов.

– Завтракать будем? – спросил он, но оказалось, что курицы спят. Как сидели у печки на холодном полу, так и заснули, сбившись для тепла в кучу. – Во дают! – пробормотал Варка, широко зевнул, втиснулся между Ланкой и теплым печным боком и закрыл глаза.

* * *

– Вот, – сказала Фамка, – больше ничего нет.

На шатком столе у окна были разложены все их припасы. Полфунта Варкиных сухарей. Полфунта крупы-черняшки, краюха хлеба, три вяленых леща, фунтик соли и головка чеснока, добытые на кухне Крысы. Начатый пакетик тянучек, обнаруженный Жданкой в его же кармане.

У стола стояли четверо. Табуретка в хижине нашлась только одна, и на ней, прислонившись к печке, сидел Илка.

– На сколько нам этого хватит? – спросил Варка. На него глядели три пары глаз: чернющие Фамкины, ярко-голубые, как у фарфоровой куклы, Ланкины, зеленые с веселыми рыжими крапинками Жданкины. Глядели они напрасно. Варка не умел ни рассчитывать, ни экономить.

– Если тратить как у нас в Норах, то надолго, – проворчала Фамка.

– А как у вас в Норах? – Варка искренне надеялся узнать способ растянуть полфунта крупы на три недели.

– Ну как-как, – усмехнулась Жданка, – сначала не едят, потом погодят, а потом опять не едят.

Варка тяжело вздохнул, горько сожалея о том, что половину запаса сухарей они сжевали вчера.

Вчера вечером они проснулись от жуткого воя. Варка бросился к слепому окну. За окном в темноте что-то смутно белело. Вой перешел в веселый разбойничий свист. Озадаченный, он рискнул слегка приоткрыть дверь и получил в лицо порцию мокрого снега. Выла метель. Выла, свистела, редела, штурмуя неприступные скалы. Варке стало легко, уютно и радостно. В такую погоду их наверняка никто не найдет.

Снег оказался кстати. Вместе с кресалом Фамка отыскала на печке кружку, ложку и маленький котелок с крышкой. Они топили снег в котелке и пили по очереди, заедая теплую воду белыми домашними сухарями. Попутно выяснилось, что Илка не может есть. Приходилось размачивать сухарь в воде и кормить его с ложечки. Попытались дать воды крайну, но удалось лишь смочить ему губы. Он по-прежнему был без сознания и к тому же весь горел. Как Варка и опасался, открылась жестокая лихорадка.

Из мебели, кроме стола и табуретки, в хижине нашлась широченная деревянная лавка, насквозь проеденная древоточцем. Ее хватило как раз на три топки. Варка понимал, что за топливом придется идти прямо сейчас. С едой дела обстояли немного лучше. Так сколько можно протянуть на трех рыбках и горстке крупы?

Курицы ждали. Уж лучше пусть Фамка делит. Но тогда в нее непременно вцепится Ланка, начнется глупый бесконечный спор, который наверняка кончится слезами... Хоть из дому беги... А бежать, между прочим, некуда.

– Три дня, – решительно сказал он, разгребая крупу на три равные кучки, на каждую положил по рыбке и ломтю хлеба, отсчитал десяток сухарей.

– А потом? Что изменится за три дня? – уныло спросила Ланка.

– Ты думать не пробовала? – поинтересовалась Фамка. – Попробуй. Это совсем не больно.

– Тут кто-то жил, – принялся объяснять Варка в надежде погасить ссору, – и, небось, не голодал. Ел что-нибудь. Вокруг никаких полей и огородов. На этих камнях расти ничего не будет. Стало быть, еду он приносил с собой. Пусть пастух или охотник, но кашу он из чего-то варил. Значит, люди должны быть не очень далеко. А где люди, там и еда.

– И эту еду у них можно выпросить, – радостно подхватила Жданка.

– Или украсть, – буркнула Фамка.

– Купить, – наставительно заметила Ланка, – ну и нравы у вас в Норах.

– Чтобы покупать, надо сначала заработать, – сказал Варка, – когда прояснится, залезу повыше, посмотрю, как там и что.

– А если там ничего нет? – вдруг брякнула Ланка. – Что, если мы в Ином мире?

– В каком таком ином мире? – безмерно удивился Варка.

– В мире Мертвых. Или в каком-нибудь еще. Вокруг только снег и туман, а за туманом ничего нет. Кто знает, что могут крайны...

Целую минуту Варка обдумывал Ланкины слова. Вчера она оказалась права. Что, если она права и на этот раз?

– А погода такая же паршивая, как у нас зимой, – заметила Фамка, – и есть точно так же хочется. Как там в мире Мертвых насчет еды?

Варка потряс головой.

– Когда конфетки делить будем? – деловито поинтересовалась Жданка.

– Надо же, – Ланка кончиком пальца коснулась помятого бумажного фунтика, – Крыса любит тянучки. С ума сойти.

– А чего вы его крысой зовете? – спросила Жданка.

– Похож, – вяло отозвался Варка. Он пытался разглядеть сквозь оплывшее запотевшее стеклышко, что там, на улице, снег или уже дождь. – С крыши капает. Пойду, котелок подставлю.

– Чем это он похож? – не унималась Жданка.

– Хвостом, – объяснила Ланка и тут же осеклась. Пресловутый хвост, слипшийся в сплошной колтун из крови, волос и мелких перьев, она собственноручно отрезала почти под корень и отправила в печку вместе с так раздражавшим ее шнурком от ботинка.

– Он красивый, – сказала Жданка, пристраиваясь возле лежанки и уже привычно поглаживая неподвижную руку, – и добрый. А вы все – крыса, крыса...

– Ну ты и ляпнула, – восхитилась Фамка, возившаяся у печки, – добренький-красивенький!

– А как, по-твоему, его называть? – поинтересовался Варка. – Господин учитель, как в классе?

– У него же имя есть. Рарог Лунь.

– Есть-то оно есть, – раздумчиво протянул Варка, размышляя, чем все-таки топить печку вечером. Так, кажется, были какие-то кусты... Если нарезать очень много...

– Нет, вы просто уроды какие-то! – со слезами на глазах вскрикнула Жданка. – Он дважды спас нам жизнь, а вы, вы...

Она вскочила, сжала кулачки, пегие волосы смешно встопорщились, вздернутый носик покраснел от возмущения.

– Тихо, – сказала Ланка, – ти-хо. Ты сядь, успокойся.

Она неловко приобняла Жданку за плечи, усадила на прежнее место у лежанки.

– Не будем его так называть. Только не реви...

– Конечно, не будем, – согласился Варка. Обижать Жданку ему не хотелось. – Рарог Лунь Ар-Морран из серых крайнов Пригорья – немножко длинно, но красиво.

Глава 9

Два дня лило не переставая. Мокрый снег сменялся дождем. В глубине души Варка был этому рад. С чистой совестью можно было ничего не делать, никуда не бежать и ни о чем не беспокоиться. К утру второго дня крайн начал стонать, метаться, бормотать неразборчиво. Варка даже думать не хотел о том, насколько ему больно. Стиснув зубы, он влил в обметанный черными корками рот убойную смесь из настойки водяного перца, сушеного тысячелистника, отвара корней кровохлебки и стеблей пастушьей сумки (хоть что-нибудь да поможет), а потом заставил проглотить ложку раствора макового молочка. Молочко, во всяком случае, помогло. Стоны прекратились, но вытянувшееся в неподвижности тело продолжал сжигать безнадежный сухой жар. Сбить его не удавалось. Напрасно Жданка хлопотала с холодными примочками на лоб и руки. Вечером действие обезболивающего кончилось, и Варка повторил всю процедуру снова, только на этот раз крайн пытался увернуться от кружки с микстурой, невнятно ругался и отплевывался. Курицы решили, что ему полегчало, но Варка-то знал: эта микстура – такая мерзость, что даже мертвый плевать начнет.

Дозу микстуры получил и Илка. «Помогает при душевных потрясениях», – объяснил Варка преданно глядящим курицам.

– А почему он такой? – жалобно спросила Ланка.

– Видел что-то страшное.

– Ну и что? – удивилась Жданка. – Мы тоже много чего страшного видели.

– Что-то очень страшное. Что-то, чего не смог вынести.

– Говорили ему – не ходи домой, – пробормотала Фамка, – но он же у нас самый умный...

«Был умный», – подумал Варка, но вслух ничего не сказал.

Лекарство помогло лишь отчасти. Илка вспомнил, как надо держать ложку, и смог самостоятельно сходить по нужде, но по-прежнему никого, кроме Ланки, не узнавал и молчал как каменный.

Все остальное, свободное от лекарственных обязанностей, время Варка тихо отдыхал у печки. Фамка, напротив, усиленно занялась хозяйством. На ее взгляд, лачуга была куда лучше, чем прежнее жилье в родимых Норах. Печка не дымит и хорошо держит тепло, в стенах никаких щелей, по полу не дует, крыша не течет.

За печкой обнаружилась узкая, плотно пригнанная дверь. Оказалось, что между задней стенкой дома и скальной стеной устроен чуланчик. В чуланчике нашлась на две трети полная корзина с углем и куча обломков какой-то древней мебели, явно годящейся только на дрова... Этому известию несказанно обрадовался Варка, которому до смерти не хотелось идти искать топливо под проливным дождем. Кроме того, среди хлама валялись большой грязный котел и старинный медный чайник без ручки. Тут возликовала Фамка. Готовить на всех в крохотном котелке было очень неудобно. То, что готовить придется ей, было ясно с самого начала.

Под трухлявыми досками оказался здоровенный сундук. Как он сюда попал, такой большой и добротный? Сундук был прочный, красивый, наверняка городской работы. Фамка поднатужилась, приподняла массивную крышку, подперла подходящей палкой. В лицо пахло прелой овчиной и слежавшейся кожей. Фамка храбро нырнула внутрь и вытащила огромную охапку тряпья.

Добычу рассматривали все вместе в слабом свете, едва проникавшем сквозь окошко. Во-первых, разлезшийся по всем швам овчинный кожух. Высокому мужчине, на которого был пошит, он, верно, доходил бы до колен. Но даже длинный Варка шагу не мог ступить, чтобы не споткнуться о волочащиеся полы. Поэтому овчину решили постелить перед печкой. Спать на голом полу было не слишком приятно. Во-вторых, две мохнатые шапки. Козий мех лез из них

ключьями, велики они были решительно всем, но, как ни крути, тоже теплая одежда. Венцом всего оказались здоровенные рукавицы и толстая овчинная безрукавка.

В безрукавке, которая была его по коленям, в то и дело сползавшей на глаза шапке Варка и отправился на поиски людей. На причитания Ланки и мрачную просьбу Фамки не заходить слишком далеко он не обратил ни малейшего внимания.

* * *

Прежде всего следовало найти не людей, а воду. Снег растаял, дождь кончился, а вода, ясное дело, нужна каждый день. Впрочем, из-за этого Варка не очень беспокоился. Какой дурак станет строить жилье далеко от воды? Источник, речушка, колодец – что-нибудь да найдется.

И вправду, нашлось. Варка, не особо чувствительный к красотам природы, остановился, раскрыв рот, начисто позабыв, зачем пришел. В десяти шагах от лачуги скалы расступились, и открылся вид на черную от влаги горную стену. Со стены, пенясь, пузырясь, журча, сплетаясь и расплетаясь, падало не меньше сотни мелких ручейков, крохотных водопадов, широких белопенных струй. Потоки пели, каждый тянул две-три звонких журчащих ноты. Ущелье переполняла живая музыка. Внизу ручьи собирались в мелкое озерцо и исчезали под камнями. Солнца не было, но и без солнца зрелище завораживало настолько, что Варка вспомнил Ланкины рассуждения о другом мире. Права она была, ох права.

Собрав волю в кулак, он вернулся в хижину и скоро доставил на это место Фамку и Ланку со всей наличной посудой.

– О, – замерла в восхищении Ланка, – какой чудесный вид.

– Угу, – сказала Фамка и, скользя по мокрым камням, полезла набирать воду.

С человеческим жильем дело обстояло намного хуже. Варка взбирался на самые высокие груды валунов, карабкался на скалы, прошел вдоль стены не меньше версты в обе стороны, до боли в глазах всматривался в даль, но не увидел ничего, кроме бурого склона, покрытого травяными кочками. Ни домов, ни дорог. Вдали неотчетливо синела какая-то размытая полоса. Варка не сразу сообразил, что это лес. Лес тянулся вдоль всего окоема. С горя Варка принялся размышлять о том, что в лесу водятся звери, звери – это дичь, а дичь – это, как известно, еда...

Совершенно измученный, он вернулся в хижину уже в сумерках. После его рассказа Ланка затосковала и даже слегка всплакнула. Фамка пробурчала нечто в том смысле, что, мол, она так и думала.

– Завтра найдешь, – сияя зелеными глазами, улыбнулась Жданка, – сегодня туман.

Варка вздохнул и принялся готовить лекарство для Крысы, который был все так же плох.

* * *

Еда кончилась, как и рассчитывали, на четвертый день. Впрочем, кончилась она по мнению жителей Гнезд. Хитрая Фамка хорошенько прополоскала в котле мешок из-под сухарей. Из сухарных крошек и мелких обломков получилась жидковатая, но вкусная каша. Поев, но не наевшись, Варка нашел в себе силы возобновить поиски. На этот раз он решил немного спуститься по склону. День неожиданно выдался ясный, солнце пригревало словно весной, хотя под ногами поскрипывали льдинки. Варка шел и радовался, что на нем удобные башмаки на толстой подошве, а не изящные туфли с пряжками, как у Илки. Пройдя с полверсты, он набрел на тележную колею. Колея была старая, заросшая, полускрытая пожухшей травой, но, конечно, ее могли проложить только люди. Варка пошел по колее, спускавшейся к синей полоске леса. Солнце грело так, что он снял дурацкую шапку, и ровный прохладный ветер тут же подхватил его светлые волосы. Сухая трава пружинила под ногами, воздух был легким и чистым, голод пока особенно не мучил. Синяя полоса постепенно приближалась, сделалась зубчатой, мно-

гослойной, неровной, но никаких признаков жилья по-прежнему видно не было. Варка шел, пока его тень не стала такой длинной, что, казалось, почти дотянулась до леса. Уши начали мерзнуть. Он нахлобучил шапку и понял, что едва успеет вернуться до темноты. С надеждой раздобыть что-то съестное сегодня придется распрощаться.

Варка повернулся спиной к лесу и ахнул. То, что вблизи выглядело скальной стеной, на самом деле оказалось несколькими рядами утесов, вздымавшихся друг над другом все выше и выше, точно могучие укрепления гигантского замка. Они тонули в сиреновой тени, а над ними в чистом холоде нетронутого пространства реяли снежные вершины, сияющие бледным закатным золотом.

Варка забыл, что голоден, что устал, что в конце пути его ждут умирающий край и голодные курицы... То, что он видел, было как песня, и он запел в полный голос, как не пел уже очень давно.

Небеса дрогнули, и дрогнули горы, отзываясь стройно и радостно. Варка задохнулся, пытаясь найти голос и слова для ответа... Не было у него такого голоса... и крыльев не было...

Он отвернулся от сияющих вершин и вдруг краем глаза заметил нечто, заставившее его замереть с приоткрытым ртом. На востоке, совсем не в той стороне, куда вела заброшенная дорога, на фоне бледного вечернего неба отчетливо виднелась струйка дыма.

Варка хотел было броситься туда со всех ног, но вовремя сообразил, что до темноты осталось всего ничего. Тогда он тщательно заметил направление и поспешил домой. Голодные, но веселые курицы намного лучше, чем курицы голодные и печальные.

* * *

Под сухим деревом торчала Жданка.

– Дура, – на ходу гаркнул Варка, – чего босая скачешь? Здесь зима уже! – без церемоний посадил на спину и потащил к дому.

– Вар, – шепнула ему в ухо Жданка, – я тебя жду-жду... Он сегодня два раза глаза открывал. Откроет и смотрит, будто что сказать хочет...

– А жар спал?

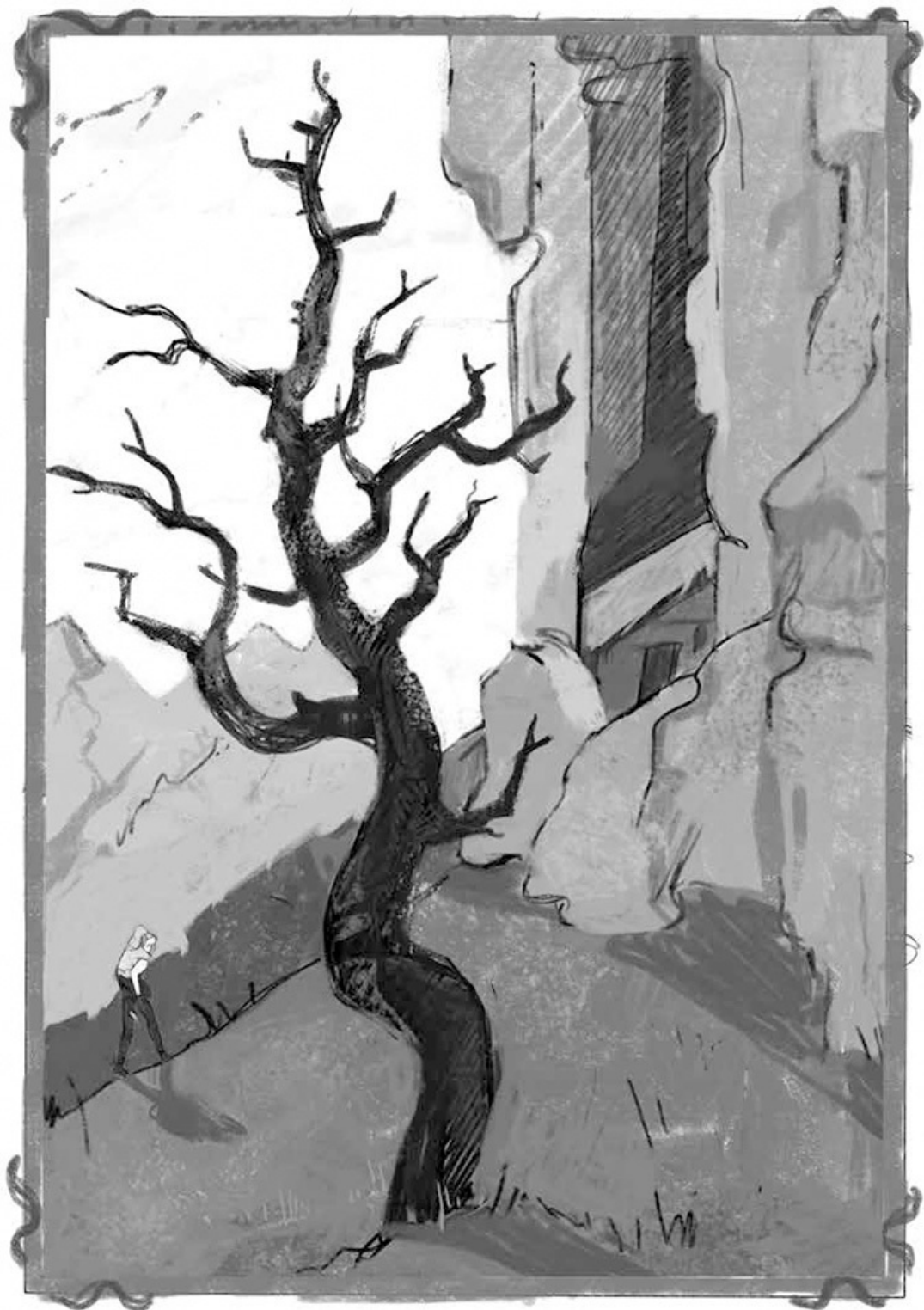
– Не... горячий, как печка...

– Тогда плохо. Бывает, к смерти сознание проясняется.

– Вар, ты же его вылечишь, правда?

– Ждан, ну что я тебе, колдун? Или крайн какой-нибудь? Отец мой сколько лет учился, а у него и то, бывает, умирают. Я же не умею ничего...

Не отдыхая, наскоро сполоснув руки, Варка пристроился у открытой печной дверцы, чтобы при свете огня приготовить микстуру.

– Где я? – хрипло раздалось за его спиной.
Каким-то чудом Варке удалось поставить все на стол и даже ничего не разбить.
– Не знаем, – рассудительно ответила Фамка, – мы думали, вы нам скажете.
Все сгрудились вокруг лежанки. Слепо сощуренные глаза крайна уставились куда-то в пространство над Фамкиной головой...
– Вы... прошли... через...

– Мы прошли через колодец, – внятно, как ребенку, объяснила Фамка, – и попали куда-то в горы. Куда мы попали?

На лице крайна сквозь боль и лихорадку проступило невыразимое облегчение, но вопрос остался без ответа.

– Что... со... мной?

Варка встал так, чтобы крайн мог его видеть, и четко, чувствуя себя как на уроке, перечислил что. Правда, о крыльях он предпочел не упоминать. За глаза хватало и человеческих ран.

– Кто... лечит?

– Я, – тяжело вздохнув, признался Варка.

– Как?

Варка набрал побольше воздуха и разъяснил как. Разъяснил и сжался, ожидая привычного разноса. Доброго слова от Крысы ему не удалось добиться ни разу.

– Годится, – неожиданно произнес Крыса, – но... молочко... не семнадцать... семнадцать – мало.

– Семнадцать капель – обычная доза, – уперся Варка. – Больше нельзя. Помрете.

– Дубина... Дозу... считают... от веса... больного... семнадцать – это для дамочки с мигренью...

– А вы чего, в травах понимаете? – изумился Варка.

Губы крайна скривились в обычной презрительной усмешке.

– Тридцать... Сейчас.

– Очень больно, да? – Голубые глаза Ланки расширились от сочувствия.

Этот вопрос тоже остался без ответа.

Варка бросился к столу, торопливо отсчитал капли.

– Потерпите, – жалобно попросила Жданка, – Варка щас все сделает.

– Ты кто?

– Жданка.

– Ты крайна?

– Чего?! Жданка я. Жданка с Болота. Меня весь город знает.

– А где крайна? Ушла?

– Не было тут никого, – перепугалась Ланка. Незримое присутствие между ними какой-то крайны повергло всех, кроме Варки, в некоторое смятение.

Варка думал о другом. Упоминание о городе привело к тому, что он застыл с кружкой в руках.

– Я сейчас дам вам лекарство, – сказал он, – тридцать капель, как вы просили. Только, пожалуйста, скажите, почему нам нельзя домой?

Крайн глянул на него из-под распухших век и медленно отвел взгляд.

– Пожалуйста, – взмолился Варка, – я не хочу вас мучить. Но это... Мы должны знать... Почему нам нельзя домой? Именно нам?

– Хорошо... рано или поздно... – прошептал крайн, – поднимите меня...

Варка скользнул к изголовью, подsunул руку под горячую костлявую спину. На плечо легла тяжелая голова крайна.

– Ты... – прозрачные глаза уставились на Фамку, – жила в Норах...

Фамка кивнула.

– Жгли и грабили порт... огонь перекинулся в Норы... теперь там только угли... Мало кто спасся...

– А моя мать? Марта Фам?

– Не... знаю... мертвой не видел... живой тоже...

Фамка снова кивнула и закрыла глаза.

– Госпожа Град с младшим сыном, – взгляд крайна скользнул к Ланке, – бежала из города... через Заречье... Возможно, жива...

– А отец? – с трудом выговорила Ланка.

– Полковник Град... убит на стене... в начале штурма...

Ланка поднесла руку к горлу и тихо осела на пол.

– Где Илия Илм? Я... не вижу... Погиб?

– Тут он, тут, – сообщила Жданка, – только он не в себе. Вы сказали – остаться, а он домой пошел и с тех пор ничего не соображает.

– Городской старшина Илм... повешен... на воротах... своего дома... Семья и слуги... убиты мантикорами... трупы оставлены на месте... для устрашения горожан...

– Ой, – пискнула Жданка, – за что?

– Ни... за... что, – терпеливо повторил крайн, – акция устрашения...

Слово «акция» Жданка не поняла, но про устрашение уразумела и в ужасе уставилась на сидевшего в углу Илку.

– Ты все еще... хочешь знать? – Горячее дыхание крайна жгло Варкино ухо.

– Да, – прошептал Варка.

– Во время штурма... твой отец... был на стенах.

– Так я и думал. И мать тоже?

– Да... потом... защитники... укрылись в башне... что зовется... забыл... а... Толстая Берта... они... чтобы спастись от мантикор... они взорвали порох...

– Я же... я видел это... Кто-нибудь выжил?

– Нет... Теперь... дай...

Трясущейся рукой Варка поднес кружку к губам крайна. На минуту в глазах потемнело, но он справился. Осторожно поставил кружку на стол. Вытряхнул в котелок остатки водки, долил воды, почти насильно заставил выпить Ланку, остальное честно разделил с Фамкой. Заснул как убитый и видел во сне сверкающие поющие горы.

Глава 10

Варка проснулся поздно. Видеть никого не хотелось. Говорить – тем более. К счастью, все еще спали. Но Фамки не было.

Скверно. Скрытная Фамка вчера ни слезинки не проронила, а ночью могла над собой что-нибудь сделать. Варка забеспокоился, но как-то вяло, словно его накрыли пуховой периной. События внешнего мира доносились сквозь мягкий пух глухо, теряли по дороге всякий смысл и значение. Все же Варка напрягся, выполз за дверь и нос к носу столкнулся с Фамкой. Одета она была в доходящую почти до пят безрукавку, а в руках держала котелок, полный сморщенных оранжевых ягод.

– Не знаешь, чего это? – обычным тихим голосом спросила она, упорно глядя в землю.

– Шиповник.

– Есть можно?

– Да. Но противно. Обычно это при простуде дают.

– Варить надо?

– Заваривать. Но можно и сварить.

– Угу, – сказала Фамка, – дай мне войти.

Варка поглядел на небо, на горы, на унылый склон.

Что-то надо было сделать. Что-то важное.

– А я вчера дым видел. Во-он там.

Фамка молча смотрела на него.

– Так что я, наверно, пойду...

Фамка кивнула и, выпутавшись из безрукавки, накинула ее на Варкины плечи.

– Микстуру я с вечера смешал. Там осталось, в котелке... Дашь Крысе, если очнется. И из белой скляницы тридцать капель в воду... И вот еще что. Ложку меда смешай с отваром шиповника. Пусть выпьет. Он уже пятый день без пищи. Это его подкрепит. И жар снимет хоть ненадолго.

– Не зови его Крысой, – сказала Фамка.

– Что? А... больше не буду.

* * *

Денек выдался серенький, но теплый. Небо затянуло, солнце проглядывало сквозь мутную пелену бледным пятном. Пройдя вниз по склону примерно с версту в нужном направлении, Варка увидел дом. Крохотная светлая крыша четко выделялась на фоне леса. Со скал ее не было видно только потому, что Варка смотрел сверху, и крыша цвета бурой травы совсем сливалась со склоном. Он мог неделями ползать по скалам и ничего не заметить.

До дома, на взгляд Варки, было версты три-четыре. Он поплотнее завернулся в безрукавку и пошел, внимательно глядя под ноги, изо всех сил стараясь ни о чем не думать. К счастью, идти было трудно из-за кочек и невидимых в траве камней. Длинные сухие стебли скользили под башмаками и путались в ногах. Игрушечный домик постепенно увеличивался, пока не превратился в обширное приземистое строение, крытое пучками жухлой осоки. Необрезанные стебли свисали с крыши почти до земли. Потянуло дымом и перепрелым навозом. Где-то истошно завопил петух.

Строение окружал забор из неочищенных жердей, привязанных к хлипким столбам. Со стороны леса к дому лепилось крыльцо под дощатым навесом на толстых кривых опорах. Перед крыльцом обнаружили ворота из тех же жердей, вместо замка связанные веревочкой. За воротами начиналась и уходила к лесу хорошая, наезженная колея.

Какое-то время Варка, навалившись грудью на забор, разглядывал пустые гряды большого огорода и короткую стерню давно сжатого поля. До слуха доносился редкий равномерный стук. Варка закрыл глаза. За домом, у сараюшки отец колот дрова. В Липовце топили углем, но некоторые лекарства полагалось готовить на дровах, да не каких попало, а нужного размера, да еще деревья требовались разных редких пород. Отец работал голым по пояс. Мерно ходили лопатки на широкой спине. Мотались собранные в толстый тугой хвост светлые волосы. Солнце лежало на утоптанной земле, остро сверкало на лезвии топорика. Пахло свежим древесным соком, влажными розами Садов и отцовским потом.

– Пошел прочь, пяндрыга!

Рядом грохнуло что-то тяжелое. Варка вынырнул из глубин солнечного полдня. В плечо больно ударило суковатое полено.

– Прочь!

На задах дома громоздилась куча березовых чурбаков и маленькая горка расколотых поленьев. Между ними, опираясь на топор, стоял мужик в безрукавке вроде Варкиной и теплых стеганых штанах. Был он низкорослый, худосочный, искореженный временем и вечной работой. Лицо напоминало кочковатый склон, по которому только что спустился Варка. Пустое, равнодушное, до глаз заросшее пучками бурой шерсти. Волосы тоже бурые, прямые, слипшиеся в редкие пряди.

– Я ничего у вас не просил, – громко сказал Варка и изобразил одну из своих самых обаятельных улыбок. Это было верное средство. Пожилые матроны в ответ нежно улыбались, взрослые мужчины покровительственно трепали по плечу, а девчонки делались просто шелковыми.

То ли улыбка не удалась, то ли мужик с топором вообще не отличался чувствительностью.

– Тогда чего тебе надо? – рявкнул он. – Ходят тут всякие! – и, перехватив топор поудобней, с угрожающим видом направился к Варке. Шел он почему-то боком, так до конца и не разогнувшись.

Вымученная улыбка погасла сама собой.

– Я только хотел спросить, куда ведет эта дорога?

– Куда надо, туда и ведет.

Мужик подошел вплотную и с облегчением ухватился за забор.

– Откуда ты взялся?

– Была метель, – выдал Варка давно заготовленную ложь, – мы заблудились.

– Мы – это кто? – подозрительно спросил мужик.

– Мы с ребятами, – туманно объяснил Варка, – шли из города и заблудились. Потом повезло. Нашли какую-то хижину.

– Где нашли?

– Там, – Варка неопределенно махнул рукой в сторону гор.

Хозяин топора хмыкнул.

– Нечисто там, – вдруг заявил он.

– Да, – вежливо кивнул Варка, – довольно грязно. Но жить можно.

– Нельзя там жить, дурень.

– Почему?

– Проклято все.

«Тронутый, – подумал Варка, – тронутый с топором. И рядом никого. Лучше бы я сюда не приходил».

– Мы бы ушли, – поспешно согласился он, – да товарищ мой поморозился сильно, заболел. Идти не может. Того гляди помрет. Если поправится – мы сразу уйдем. Так куда дорога-то ведет?

– В Починок-Нижний, – поколебавшись, сообщил мужик, – это вот Починок-Верхний, а под лесом Нижний будет.

– А дальше?

– Дальше-то? Дальше – Дымницы.

– Деревня?

– Деревня... Три дома с половиной. Потом Язвицы. Потом Стрелицы, там торг бывает. А дальше уж город.

– Какой? – жадно спросил Варка. Все эти Язвицы и Дымницы ничего ему не говорили.

– Какой-какой... Город – он город и есть. Ты ж оттуда шел.

– Не знаю, – признался Варка, – может, и не оттуда. Название у этого города имеется?

– Прозвание имеется, как не быть... Трубеж его прозвание...

– Ага... Трубеж, значит. – Трубеж мог находиться хоть в далеком Загорье, хоть в мире Мертвых. Ни о чем таком Варка сроду не слышал. – Не, мы не оттуда. Мы с Белой Криницы.

Белая Криница была сожжена и разрушена до основания еще полгода назад, так что Варка ничем не рисковал.

– Не слышал, – крикнул мужик. – Как же вас сюда занесло?

– Сами не знаем, – правдиво ответил Варка, – война... – и замер, ожидая дальнейших расспросов. Но мужик только скривился и ничего спрашивать не стал. Про Белую Криницу, знаменитую на всю страну, он не слышал. Зато про войну слышал наверняка.

– Проваливай давай. В свою Криницу или куда хочешь. – Мужик, покряхтывая, отклеился от забора и, сгорбившись, направился к дровам.

– У вас прострел, – сказал Варка.

– Без тебя догадался.

– Как вы работаете? Вам же больно. – Болезнь Варка определил почти сразу. Таких страдалцев он перевидал великое множество.

– Проваливай, некогда мне с тобой, – мужик мотнул головой в сторону дров, – ты, что ли, за меня колоть будешь?

– Могу, – сказал Варка.

* * *

Целый день он колол дрова. Топор оказался тяжеленным колуном, да и сучковатые корявые чурбаки сильно отличались от тщательно отобранных по весу и размеру поленьев, но он колол и колол, пока вконец не обессилел... Усталость и боль в мышцах не позволяли думать ни о чем, кроме усталости и боли.

В хижину он вернулся затемно, прижимая к груди шапку, полную черных бобов, вручил ее Фамке и как подкошенный повалился на вонючую овчину... Через час его разбудили, сунули в руки ложку и котелок. Он поел, тут же заснул снова, и снова его разбудили. Нужно было готовить лекарство. Фамка нащипала лучины. При свете открытого огня ее простенькое востроносое личико почему-то казалось значительным и красивым. Варка сделал, что требовалось, и канул в сон, как камень в болото.

Ночью – никаких кошмаров, сумрачным утром – ни одной лишней мысли. Все силы ушли на борьбу с сопротивляющимися закаменевшими мышцами.

Ругаясь сквозь зубы, Варка встал, проглотил остатки холодных бобов, заботливо сбереженные для него Фамкой, и опять отправился в Починок-Верхний. В разгар ожесточенной работы его прервали. Оказалось, рядом стоит хозяин. Стоит, по-видимому, уже давно и глядит крайне неодобрительно.

– Кто складывать будет? – пробурчал он.

Варка огляделся. Поленья валялись со всех сторон, громоздились беспорядочной кучей, как трупы на поле сражения.

– Потом сложу.

Сменить работу он не мог. Остановиться тоже. Ему казалось, что тогда мысли и воспоминания подступят к горлу, и он больше не сможет дышать. Хозяин хмыкнул и исчез в доме. На этот раз кроме бобов в шапку положили еще тоненький ломтик сала. Сало имело зеленоватый оттенок и пахло как-то подозрительно, но в хижине его появление вызвало тихий восторг.

Варка никаких восторгов разделить не мог. Пришел и сразу свалился, выронив драгоценную шапку.

– Так дальше нельзя, – сказала Фамка, разбудившая его, чтобы накормить кашей с салом, – завтра я с тобой пойду.

– Завтра никто никуда не пойдет, – пробормотал Варка с набитым ртом, – крайну пора перевязку делать. Это долго, и нужен дневной свет.

Фамка кивнула.

– Кстати, я узнал, где мы.

– Ну и где?

– Какая разница, – тонким голосом пробормотала Ланка, – все равно нам некуда идти...

– Дымницы, Язвицы, Стрелицы, Трубеж. Слыхала?

– Трубеж, Пучеж и Сенеж – самые крупные города северного Пригорья, – механически ответила Фамка.

– Откуда знаешь?

– Землеведение не надо было прогуливать. Вот видишь, Ланочка, все как ты хотела. Ты в Пригорье, в гостях у крайна, в его поднебесном дворце.

– Дура! – крикнула Ланка и отправилась плакать за печку.

– Зачем ты ее доводишь? – возмутилась Жданка.

– А зачем она такая тупая, – огрызнулась Фамка.

Варка тяжело вздохнул, по кусочку отскреб себя от пола и, к великому огорчению Фамки, полез за печку, утешать.

* * *

На следующее утро Варка чувствовал себя так, будто кроме прострела подхватил еще грызь, ломоту, трясовицу и семнадцать осенних лихоманок. Скрюченные пальцы отказывались разгибаться. Дневной свет, на который он так рассчитывал, оказался до крайности тусклым. В общем, все было плохо. Крайна по-прежнему трепала лихорадка. Он лежал тихо, не то спал, не то пребывал в колеблющемся состоянии полубреда, оглушенный утренней дозой обезболивающего. Надо было спешить, пока действие лекарства не ослабело.

Коря себя за трусость, Варка и в этот раз занялся сначала легкими ранами. Они выглядели не так уж скверно. Мелкие порезы поджили, сквозные раны понемногу начали рубцеваться. Ни гноя, ни воспаления. Варка отмачивал теплой водой присохшие бинты, готовил новые пластыри, накладывал мазь, перевязывал.

Провозился он по неопытности слишком долго, крайн начал приходить в себя, и в себе ему явно не понравилось. Слабые стоны, срывавшиеся с потрескавшихся губ, постепенно превратились в отчетливые ругательства. Утонченный Мастер версификации, как выяснилось, знал такие выражения, которые вогнали в краску не только нежную Илану, но и многоопытных жительниц трущоб.

Ругань Варке не мешала, но крайн вздумал отбиваться, да так ловко, что Варка совсем было решил – дело пошло на поправку.

– Руки ему держите, – приказал он. Фамка ухватила правую руку, Ланка вцепилась в левую. Жданка уговаривала потерпеть, гладила по голове. Непокорная голова уворачивалась от Жданкиных грязных лапок, сивые патлы беспорядочно металась по доскам лежанки.

Собравшись с духом, Варка приступил к самому скверному. И тут сбывлись наихудшие ожидания. Вот откуда этот жестокий сухой жар. Рана под ребрами выглядела ужасно. Гной, черные сгустки сукровицы, невыносимый запах. Варка швырнул на пол испачканные тряпки и беспомощно опустил руки.

Фамка судорожно сглотнула и отвернулась, стараясь дышать ртом.

– Ой, – сказала Ланка, – тут травник нужен.

– Ду-ура, – простонал Варка. – Ну почему ты такая дура?

– Сам дурак. Раз тут есть люди, значит, и травник где-нибудь есть.

– Где? В Починке, под кроватью у хозяина? Или, может, в этих Язвицах-Дымницах, где три дома с половиной, не считая овинов?

– В Трубеже наверняка есть, – примирительно улыбнулась Жданка.

– От гор до того Трубежа, если я правильно помню карту, тридцать верст по прямой, – вздохнула Фамка. – Этого травника сюда еще привезти надо.

– И заплатить, – поморщился Варка. – Чем мы ему заплатим? Здесь не просто травник, здесь хороший травник нужен, вроде... – Он хотел сказать «вроде моего отца», но тут все, что он пытался убить непосильной работой, сдавило горло так, что пришлось остановиться и пару раз глубоко вздохнуть. Душно тут. Душно и тесно... Вся страна вдруг показалась ему огромным кладбищем. Ряды могил тянулись от моря до самого Пригорья. Еще одна ничего не меняла. Чем копать могилу в этой каменистой, насквозь промерзшей земле? Ножом? Руками?

Сын великого травника попытался вспомнить все, чему учили, и рассуждать здраво.

– Толченый чеснок смешать с древесным углем... Рану очистить от гноя и засыпать полужидкой смесью. Древесный уголь у меня был. Чеснок, кажется, тоже...

Он знал, это не поможет. Тут ничто не могло помочь, разве что чудо.

– Паутиной можно обложить, – посоветовала Жданка, – наскрести с потолка. Ее здесь полно.

– Еще одна дура, – припечатал Варка, – уши свои паутиной обложи. Суеверие все это.

– Нет... – с усилием выговорил крайн, – не паутина... плесень.

Варка уставился на него, силясь понять, то ли бредит человек, то ли и вправду пора ползать по сырým углам в поисках плесени.

– Над окном... сверху на балке...

Эти слова как будто имели смысл. Жданка белкой взлетела на шаткий стол, пошарила в дребнях паутины над балкой и ликующе вскрикнула. В руках у нее оказался ларчик. Небольшой, примерно с ладонь, тщательно отполированный. Вещь была очень старой, работы хорошего мастера и наверняка безумно дорогая. Ни ручки, ни замочной скважины. Значит, вещь с секретом.

Жданка вложила ларчик в приподнятую горячую руку. Щелчок, и тот раскрылся деревянным цветком. Крышка распалась на девять тонких до прозрачности треугольных пластинок. Под крышкой плотно лежали аккуратные мешочки из ярко блестящего разноцветного шелка.

«Женская штучка, – сразу же определила Ланка, – ни одному мужчине такое бы в голову не пришло».

Варка обхватил своей рукой дрожащую руку крайна и помог ему поставить ларчик на грудь. Длинные худые пальцы любовно поглаживали, перебирали яркие лоскутки, шелк шуршал, тихонько поскрипывал, обметанные черными струпами губы слабо улыбались.

– Красный... красные кристаллы... наружное... обработать рану. Через пять дней – повторить. Белый, шитый золотом... белый порошок... давать с водой по ползолотника трижды в день, пока не прекратится лихорадка.

– А если не прекратится? – спросил Варка.

– Тогда... придется прибегнуть к паутине... – На измученное лицо, состоявшее, казалось, из одних костей и тонкой, покрытой лихорадочным румянцем кожи, вползла до боли знакомая улыбка объевшегося дракона.

– А при чем тут плесень? – сунулась к крайну любопытная Жданка.

– При том, – туманно объяснил крайн. – Из нее делается.

Получив такие ясные, четкие указания, секунд пять Варка был вполне счастлив. Наконец-то ничего не надо выдумывать, копаясь в дурной голове в поисках знаний, которых там отродясь не было. Вот лекарство, вот способ применения. Выполняй и жди результата...

Потом его накрыл гнев.

– Что ж вы сразу не сказали! – заорал он, начисто позабыв, что на больного орать нельзя. – Я бы все сделал еще три дня назад. А теперь, может, уже поздно! – Тут он осекся, сообразив, что такое говорить умирающим не полагается.

– Я... приходил в себя? – тихо изумился крайн.

– Да.

– Я... говорил что-нибудь?

– Угу, – угрюмо кивнула Фамка, – много чего. Нам хватило.

Ланка опустила на колени у лежанки, вцепилась в руку раненого, заглянула в глаза:

– Вы бредили. Все это неправда... Вам привиделось, да? Такой страшный сон.

Прозрачные глаза медленно закрылись. Раненый отгородился от них, будто ставни захлопнул. Ланка вскрикнула и зарыдала, уткнувшись лицом в раскрытую ладонь крайна.

Варка беспомощно оглянулся. Тратить на Ланку маковое молочко он не мог. С другой стороны, умирающим женские слезы наверняка не на пользу.

Фамка знала средство попроще. Обхватив Ланку за плечи, она отшвырнула ее от лежанки и одним махом окатила ледяной водой из котла. Ланка завизжала, попыталась вцепиться Фамке в волосы, но рыдать перестала.

Варка отодрал ее от Фамки и пихнул к печке.

– Иди, обсохни, а то простудишься.

– Ну вот, теперь опять за водой тащиться, – вздохнула Фамка.

– Я схожу, – примирительно сказал Варка, – перевязку закончу и схожу...

* * *

Остаток дня прошел мирно. Стемнело очень рано. По крыше лупил дождь, высоко в горах что-то ворчал и грохотало. Казалось, хижина плывет глубоко под водой, надежно отрезанная от всего мира.

Ланка дулась в углу, распустив промокшие золотые волосы. Правда, теперь они казались такими же пегими, как у Жданки. Разговаривала она только с Илкой, нашептывала ему что-то ласковое. Илка глядел на нее почти осмысленно, но ничего не отвечал. Крайн спал на боку, по-детски пристроив под щеку руку со своим драгоценным ларчиком. Варка сидел на полу у печки и вяло пререкался с Фамкой.

– Так не пойдет, – твердила Фамка, – едоков пять, а работник один. Завтра я с тобой пойду.

– А готовить кто будет?

– Чего готовить-то? У нас нет ничего.

– Фамочка, да ты же топор не подынешь.

– Буду дрова складывать.

Варка окинул Фамку оценивающим взглядом. Без лицейской куртки, в одной заплата-ной кофточке, она здорово смахивала на плохо скрепленный скелет. Ножки-палочки, ручки-веточки, шея – несколько жил, прилепившихся к позвоночнику.

– Лучше я сам, – сказал он.

– Надорвешься. А мы без тебя пропадем.

Варка вздохнул. Умная Фамка была права.

– Я тоже могу работать, – влезла в разговор Жданка.

– Ага, – сказал Варка, – щас.

Ни Жданка, ни Ланка, конечно, не работники. Вот если бы Илка... На вид он еще крепкий. Похудел, конечно, но крепкий. Да только как ему объяснить... Объяснить ему что-то может только Ланка. Выходит, он и вправду был того... по самые уши... Если бы Варка знал, что Илка так влип, может, и отступился бы...

Вопреки ожиданиям, Ланка не стала капризничать:

– Пойдем втроем. Еще один день в этих стенах – и я рехнусь. Вот только...

Она вытянула изящную ножку. На ножке красовался модный ботиночек на высоком каблуке.

– Меняемся, – сказала Фамка, выставив вперед ногу в разношенном материнском ботинке. Толстая подошва, низкий каблук, грубая кожа. – Портянки для тепла наматываешь, и в самый раз будет.

– Портя-янки... – недоуменно протянула Ланка.

– Сама тебе наматываю, если не умеешь, – великодушно предложила Фамка.

– Да еще сверху что-то надо, – сообразил Варка. – В одной куртке холодно будет.

– От тулупа полу отрежем, посредине дырку сделаем, получится душегрейка.

Фамка, как всегда, была очень практична.

На лежанке слабо завоились.

– Нельзя, – раздалось оттуда.

– Чего нельзя? – испуганно обернулся Варка.

– Девке нельзя... Парень... – Сквозь свисавшие в беспорядке сивые пряди на Ланку глядели зеленоватые глаза.

– Я не парень! – Ланка выпрямилась, приглашая полюбоваться всеми изгибами своей великолепной фигуры. – Чего это он такое бормочет.

– Он все правильно бормочет, – догадался Варка.

– Точно, – поддержала Фамка, – переодеть тебя надо. В мужское.

– Зачем переодеть-то? Почему в мужское?

– Зачем, зачем... – пробурчал Варка. – Затем! Совсем дура, что ли?

– А-а... Так я же не одна буду. С тобой.

– Кто я, по-твоему? Богатырь Бова? Отряд королевской гвардии? Против взрослого мужчины, да еще с оружием, я ничего не сделаю.

Он оглянулся на крайна, крайн тихонько кивнул.

– В сундуке возьмите. И запомните... женщин здесь нет.

На дне сундука среди бесполезного прелого тряпья нашлись стеганые штаны такого размера, что Ланка могла бы завернуться в них до самых ушей. Для полноты костюма недоставало мужской рубахи. Жданка поскребла в затылке и через голову стянула свою.

– Грязная, – поморщилась прекрасная Илана.

– Сама больно чистая, – обиделась Жданка.

Да уж... Чистой себя Ланка считать никак не могла. Не мылись они почти три недели. Натянув Жданкину рубаху поверх штанов, которые пришлось подвязать под мышками, она плавно прошла перед Варкой, повернулась, приглашая полюбоваться новым нарядом.

– Как я выгляжу?

– Изумительно, – чистосердечно восхитился Варка, – то, что надо!

Перед ним топталось бесформенное существо неопределенного пола и возраста. Грубая рубаха топорщилась во все стороны, драные штаны с торчащей из всех швов овечьей шерстью нелепо волочились по полу.

Ланка окинула себя взглядом и вдруг хихикнула, взглянула на Жданку и захохотала в голос. Варка решил было, что это снова истерика, но Ланка смеялась совершенно искренне. На Жданке под рубахой был надет корсаж от бального платья с огромным вырезом, украшенным линиями атласными розами. Над розами торчали ключицы и костлявые плечики.

Подскочив к Ланке, Жданка присела в неуклюжем реверансе, Ланка сдержанно поклонилась, умело подражая манерам светского щеголя, и они запрыгали на пяточке между дверью и печкой, пытаясь изобразить модную в этом сезоне аллеманду. Ланка умела танцевать очень хорошо, Жданка не умела вовсе, но вертелась и кривлялась от души. Блестящий кавалер в стеганых штанах и изящная дама, похожая на потрепанный веник, ни с того ни с сего украшенный розочками.

Неожиданно для себя Варка согнулся в приступе дурацкого смеха. Дама, приподняв драгую юбку, кокетливо перебирала босыми испаряющимися ногами. Кавалер, свободно вращавшийся внутри своей одежды, обращался с дамой учтиво, но холодно. Варка попытался напеть им мелодию, но не смог. Петь и смеяться одновременно не получалось. Сзади, с лежанки, тоже донесся короткий сухой смешок. Варка подозрительно покосился в ту сторону, но крайн не шевелился.

Неприбранные волосы полностью скрывали его лицо. Кто его знает, может, это в печке треснуло.

Фамка, открыв дверцу, мешала горячие угли. По лицу ее текли слезы. Она сама не знала, о чем плачет: о глупых детях, которые вопреки всему смеются и надеются на чудо, о своем сиротстве, о том, что чуда не будет, или о том, что кругом дождь, что весь мир ополчился против них и никто на свете им не поможет.

Глава 11

Она была права. Никаких чудес не произошло. Никто не явился, чтобы спасти их от нужды и голода, и крайн не воскрес после первой же дозы волшебного порошка. Он хворал долго и трудно. Лихорадка то отступала, то принималась терзать его с новой силой. Он таял, слабел, рана очистилась, но заживала медленно. Маковое молочко помогало плохо, и боль постоянно мучила его, лишая сна. Фамка понимала: будь у них для больного хоть что-нибудь получше, чем жидкая болтушка из той же каши, которую варили для всех, дело пошло бы на поправку.

Но все-таки он не умер, чаще открывал глаза, а изредка даже ронял два-три слова. Его вечной неутомимой собеседницей была Жданка. Усевшись у изголовья, она болтала обо всем на свете, рассказывала какие-то истории, обычно начинавшиеся словами «У нас под мостом был один такой...», или тихонько пела. Крайн против ее присутствия не возражал. Во всяком случае, в минуты просветления не гнал от себя и ни разу не обругал. Из хижины Жданка почти не выходила. Гулять босиком в открытом бальном платье по северному Пригорью в середине месяца чернотропа не смогла даже привычная ко всему нищенка с Болота.

На Фамкины плечи легло нехитрое хозяйство. Вода в поющих ручьях. Печка, давно поглотившая весь уголь и теперь жадно пожиравшая деревянный хлам из быстро пустеющего чулана. Постирать бинты, сменить под раненым травяную подстилку, сготовить жалкий обед, который никого не насыщал, но позволял не умереть с голоду.

Еду и немного дров добывали Варка, Ланка и Илка. Небольшие поленья и щепки таскали у дядьки Антона – так звали хозяина Починка-Верхнего, а хлеб насущный зарабатывали честным трудом. В первый же день дядька Антон, хмуро оглядев представшую перед ним оборванную троицу, заявил, что платит только за работу, а сколько народу ее будет делать, ему плевать. Варка не спорил. Это показалось ему справедливым. Выяснилось, что работать так отчаянно и самозабвенно, как в первые дни, когда он пытался усталостью прогнать черное горе, уже невозможно. Боль ушла внутрь и больше не душила его каждую минуту.

Он колол, Илка с Ланкой складывали, но к полудню колун сам вывалился из рук. Хорошо, по ноге не попал. Варка отполз в сторону и привалился спиной к поленице. Илка остановился, выронил полено и некоторое время глазел на тяжело дышащего Варку, а потом шагнул вперед, медленно нагнулся и поднял валявшийся у чурбака колун. Варка зажмурился, ожидая, что тот засадит себе по ноге, но обошлось. Илка тюкнул по чурбаку и тюкал до тех пор, пока чурбак не раскололся. Колол он медленнее Варки, но все же работа шла. Теперь они могли меняться. Варка подумал, что Илке полегчало, но тот по-прежнему молчал и делал только то, к чему его принуждала Ланка.

На этот раз хозяин насыпал в Варкину шапку крупы-черняшки, в которой почему-то попадались красивые желтенькие камешки, прикрыл все это не очень толстым ломтем хлеба и сказал:

– Девку-то здесь оставьте. Чего ей туда-сюда мотаться.

Крайн как в воду глядел. Похоже, пригорские нравы были ему хорошо известны. Ланка съезжилась.

– Какую девку? – переспросил Варка, озираясь. Честнейшие синие глаза выражали неподдельное изумление.

– Вот эту. – Корявый палец уперся в Ланку.

– Сам ты девка, – хриплым дискантом заявила Ланка. – Разуй глаза, дядя, парень я.

– Не груби старшим, – Варка осторожно треснул Ланку по затылку, – простите, хозяин. Это мой младший брат. Илларионом зовут.

– Ларка я. – Ланка шмыгнула носом, старательно вытерла его рукавом.

Хозяин Антон глядел с сомнением. Одинаково, по-мужски завязанные хвосты неопределенного белесого цвета, одинаково светлые глаза, одинаковый слой грязи на тощих голодных лицах, только один высокий, а другой едва ему по плечо.

– Нежный больно брат-то твой. Ручки беленькие.

– Так ведь младшенький, – ласково сказал Варка, – баловали его.

– Чего он привязался, – пробубнила под нос Ланка, ссутулившись и ковыряя землю тупым носком тяжелого ботинка, – пошли домой, жрать охота.

И они пошли, причем Ланка старательно горбилась и загребала ногами.

– Тебе бы в театре играть, – восхитился Варка, когда дядька Антон остался далеко позади.

– А я и играла, – гордо сообщила Ланка, – на балу у господина наместника в живых картинах.

– Кого?

– Белую лилию, символ невинности и красоты.

– Ха, – хмыкнул Варка, – оно и видно. А в рукав сморкаться где научилась?

– На тебя насмотрелась, – ответствовала прекрасная Илана, – давай хлеб сейчас съедим, а то я до дома не дойду.

* * *

Через несколько дней, когда куча чурбаков уменьшилась наполовину, на руках у всех троих красовались кровавые мозоли, а Ланка то и дело хваталась за спину, хозяин для обычного расчета не вышел. Вместо него на крыльцо выкатился круглый тючок, туго-натуго перевязанный серым пуховым платком. Снизу из-под платка виднелись валяные сапожки, сверху – носик пуговкой и красные щеки.

– Деда совсем скрутило, – пропищал тючок, – лежит – не встает. Мамка говорит – идите на кухню.

На кухне Варке сразу понравилось. Во-первых, тут было очень тепло. Во-вторых, на добела выскобленном столе стояла большая миска пышной рассыпчатой каши. Из каши торчали три деревянные ложки.

– Мир этому дому, – сказал Варка, стягивая шапку.

Рядом слабо ахнули. Варка с трудом оторвал взгляд от каши. Перед ним стояла маленькая иссохшая женщина, похожая на полевой цветок, сто лет пролежавший в каком-то забытом гербарии. Волосы, глаза, одежда – все казалось серым, плоским, покрытым беловатой плесенью.

– Вы... Вы вернулись? – спросила она, слегка задыхаясь.

– Чего? – растерялся Варка. – Нездешние мы... первый раз тут.

Женщина подобралась поближе, не сводя глаз с его лица.

– Но ты крайн?

Варка почувствовал, что никак не может закрыть рот.

– Я кто? – глупо переспросил он.

Женщина смотрела на него с отчаянием и надеждой.

– Не... какой еще крайн... Варка я... А это мой брат Ларка. Из Белой Криницы мы... – «Тоже сумасшедшая, – вдруг понял он, – совсем безумна. И помешалась очень давно».

– Крайнов не бывает, – шмыгнув носом, сообщила Ланка.

– Тогда почему ты такой... – с глубокой тоской спросила женщина.

– Какой?

Но женщина уже опустила голову, отступила в тень.

– Ешьте.

– Мы не можем, – сказал Варка, глотая голодную слюну, – мы плату с собой берем... у нас дома товарищ больной.

Ланка отчаянно пихала его локтем в бок, и он слегка отстранился, чтоб ей было трудней толкаться.

Женщина молча потянула шапку из стиснутых Варкиных пальцев, бесшумно ушла куда-то и вернулась с неслыханно щедрой платой. Шапка была полна чистой белой фасолью. А Варка-то думал, что они тут по бедности едят только порченные червями бобы. Сверху лежала половина свежего пахучего каравая.

– Садитесь и ешьте.

Тут уж Варка не выдержал. Зажав драгоценную шапку между колен, он хищно набросился на кашу. Ланка не кушала, а лопала, забыв про хорошее воспитание, и даже Илке не пришлось объяснять, что надо делать.

На другой день повторилось то же самое. Тихая женщина, похожая на пыльную моль, сытный обед, шапка, полная фасоли, только на этот раз сверху лежал кусок козьего сыру.

На третий день такой райской жизни Варка решился.

– Не найдется ли у вас немного мяса? – попросил он, снова пустив в ход свою знаменитую улыбку. – Маленький кусочек, не больше ладони. Наш товарищ болен и очень истощен. Уже много дней между жизнью и смертью. Кружка бульона, и он, может быть, встанет на ноги.

– Твой товарищ – крайн?

Варка едва не упал с табурета. Ланка вытаращила глаза и уже собиралась кивнуть. Пришлось незаметно наступить ей на ногу.

– Нет. Но он весь изранен, и ему надо...

– Если он не крайн, почему вы до сих пор живы? Там нельзя жить. Крайны все прокляли.

– Да ничего, – осторожно начал Варка, – живем пока... Нам деваться некуда...

– Здесь правда живут крайны? – спросила Ланка, сделав большие глаза.

– Жили, – вздохнула хозяйка.

– Настоящие крайны? С крыльями? Прекрасные и мудрые?

Ничего не ответив, женщина снова исчезла в глубине дома. Вернулась она с маленьким котелком в руках. Варка приподнял крышку. Упоительный запах заставил его зажмуриться. В котелке под желтой коркой застывшего жира плескался густой куриный бульон, приправленный травами и кореньями.

– Спасибо. Такое и мертвого подымет. – Варка чувствовал, что сейчас встанет на колени и начнет целовать руки этой серой замученной женщины.

– Как только ему полегчает – уходите, – прошелестела женщина, – крайны отвернулись от людей. Людям здесь не место.

* * *

Сытным обедам быстро пришел конец. К полудню следующего дня самые корявые чурбаки были расколоты, дрова сложены под навесом. Правда, поленница получилась малость кривобокая. На стук из дома вышел хозяин Антон, долго хмыкал, кряхтел и гмыкал. Трое подростков молча ждали. Они уже притерпелись и не обращали внимания на погоду. Пятый день с грязно-серого неба сыпалась влажная пыль, которая то замерзала и покрывала все белым налетом, как снег, то просачивалась везде и всюду, как мерзкий осенний дождь.

Хозяин хмыкнул в последний раз, насыпал ровно полшапки траченной долгоносиком крупы-черняшки, тяжело вздохнул и, глядя в землю, пробормотал что-то насчет навоза, который хошь не хошь, а чистить надо.

– Ладно, – сказал Варка, – завтра.

– Плата прежняя, – прищурился хозяин. Варка кивнул. Начнешь спорить – вообще без работы останешься.

– Одного не пойму, – взгляд хозяина был серым и пустым, как небо, – почему у вас до сих пор души не выпили.

– Кто? – перепугалась Ланка.

– Крайны. Говорил я тебе, девка, иди ко мне жить.

– Не девка я!

– Он парень, – упрямо соврал Варка.

По дороге Ланка пожелала узнать, что означает выражение «чистить навоз». Узнав, позеленела и стала дышать ртом, как рыба на песке. Варка сразу понял, что навоз придется чистить ему одному. В лучшем случае вместе с Илкой, если, конечно, удастся растолковать ему, как держать навозные вилы.

* * *

Полдня Варка предавался блаженному безделью. Лежал на животе с закрытыми глазами и слушал, как Фамка грызется с Ланкой, как трещит печка, как Жданка уговаривает раненого выпить разбавленный бульон. Варка был совершенно уверен, что крайн слишком истощен и просто не в силах переломить болезнь.

Он оказался прав. Следующим утром, мужественно назначенным для чистки навоза, с лежанки донеслись скрип и возня, взбудоражившие всех обитателей хижины. Злобно шипя сквозь зубы, раненый пытался сесть. Длинные пальцы с обломанными ногтями цеплялись за шершавую стену печки, но все время соскальзывали.

Жданка поспешила на помощь, подставила костлявое плечико. Ухватившись за нее, крайн уселся на лежанке и даже спустил ноги. Варка кинулся к нему, готовый выполнить любую просьбу, и замер. Оказалось, что на него в упор смотрят ясные, широко распахнутые глаза. Сияющие очи цвета прозрачных сумерек, цвета ветра, вольно летящего под зеленоватым вечерним небом. Они все время менялись, точно вода, несущая быстрые тени облаков. Варка потряс головой, старательно отгоняя наваждение.

Ланкины губы сами собой приоткрылись, руки прижались к груди. Где были ее собственные глаза? Как же она раньше не замечала? Кавалер с таким взглядом может позволить себе и дурацкую прическу, и одежду от городского мусорщика.

– Пожрать бы чего, – хрипло сказал обладатель прекрасных глаз.

Фамка встрепенулась, торопливо поднесла к его губам котелок с разбавленными теплой водой остатками бульона. Крайн жадно выпил и устался на нее выжидающе. Фамка метнулась к печке, вытащила котел с вчерашней кашей, которую Варка рассчитывал получить на завтрак перед трудным подвигом чистки Антонова хлеба.

Крайн сумел удержать в руках ложку, утвердил котел на коленях и по-птичьи, одним глазом заглянул внутрь.

«Ну все, – обреченно подумал Варка, – сейчас скажет, что не может есть такую дрянь. Или что крайны этого вообще не едят. Чем тогда мы его кормить будем?»

Но крайн хмыкнул и споро принялся за еду, выскреб котел дочиста, старательно облизал ложку.

– Как поживает дядька Антон? – спросил он, со стуком бросив ложку в пустой котел.

– Хорошо, – пробормотал Варка, – только мается. Прострел у него.

Крайн кивнул. На худом, пуще прежнего обтянутом кожей лице ясно читалось: «Так ему, подлецу, и надо».

– А почему он все время твердит, что это место проклято? – нежным голосом поинтересовалась Ланка.

– Потому что оно проклято.

– Крайнами?

«Щас обидится», – подумал Варка.

– Не пори чужь, – строго прикрикнул он, стараясь замаять неловкость, – крайны не умеют проклинать.

– Я умею, – сказал крайн, сопроводив свои слова одной из душевных улыбок Крысы.

«Ой!» – подумал Варка.

– И что, – попыталась внести ясность предусмотрительная Фамка, – теперь придут крайны и выпьют наши души?

– Нет, – отрезал крайн, – не придут. – И улыбка сбежала с его лица.

– Как это – выпьют души? – забеспокоилась Жданка.

– Показать?

Фамка уронила котел. Ланка взвизгнула и метнулась в угол. Варке пришло в голову, что они своими руками заботливо выходили большое опасное лихо.

– Вам надо принять лекарство, – осторожно вмешался он, – вот это из белого мешочка. Тут еще осталось на два приема. А это я смешал.

Крайн посмотрел так, что Варке захотелось немедленно все бросить и извиниться за свое непристойное предложение.

– Гадость же, – сказал он, скривившись. – Ты сам-то хоть раз попробуй.

– Пробовал, – согласился Варка, – ужасная гадость. Но вроде бы помогает.

– Вроде бы, – издевательски передразнил крайн, – ну давай, давай сюда свою отраву.

Гадость была выпита залпом, кружка брезгливо отброшена, а Варка утвердился в мысли, что в бессознательном состоянии крайн ему нравился гораздо больше.

– Дайте одеться, – непререкаемым тоном приказал крайн.

– О, – протянула Ланка, – видите ли, господин Лунь... ваша одежда...

– Она все равно уже никуда не годилась, – бодро вмешалась Жданка. – Совсем никуда.

Так что мы ее выбросили.

– Прелестно. А в чем теперь я буду ходить? В одеяле?

– Ходить вам пока нельзя, – собравшись с духом, со всей возможной твердостью заявил Варка.

– Ого! Почему это ты здесь распоряжаешься?

– Потому что я – ваш травник, – шалея от собственной наглости, заявил Варка, – ну, так уж получилось... и ходить вы не можете.

– А вот одежда, – Фамка потихоньку вытащила из-под стола торбу, пошарив на дне, извлекла небольшой сверток, – это ваша. Я захватила на всякий случай.

Варка покосился на нее с подозрением. В Норах были свои твердые понятия о достойных похоронах. Если нет денег на гроб, то хоть одежда должна быть приличной.

– Штаны не отдавай, – прошептал он, – а то еще начнет тут бегать, рана откроется...

Крайн хорохорился, ворчал, но был так слаб, что рубашку надевали на него в четыре руки Ланка с Фамкой.

– Ложитесь, – посоветовал Варка.

– Посижу, – заупрямился крайн, – належался уже.

Его рука потянулась ко лбу, отвела с глаз мешавшую сивую прядь, оцупала затылок.

– Про одежду я понял. А где волосы?

– Волосы пришлось отрезать, – вздохнула Ланка, – видите ли, они были все в крови и...

– Тоже никуда не годились?

– Надеюсь, в них не было никакой магической силы? – осторожно поинтересовался Варка.

– Ни малейшей.

Руки пробежались по шее, оценивая ущерб, причиненный прическе, и вдруг замерли.

– А про спину ты ничего не говорил. Что там? Мешает что-то...

Варка побледнел и подался назад. Он прекрасно знал, что там. Справа, от плеча до ягодиц – длинный бугристый шрам. Слева над лопаткой торчат и упираются в поясницу тонкие кривые кости, обтянутые гусиной кожей.

Крайн мгновенно нащупал их.

– Что это?

Потемневшие глаза впились в Варку, вытягивая ответ. Варка, опустив голову, смотрел в пол. Провалиться бы сквозь этот пол, и чем скорее, тем лучше. Спасая жизнь крайна, он совсем забыл об утраченных крыльях.

– Ну, – прошипел крайн, – говорите!

Ланка тоже устала в пол, завесив лицо волосами. Умная Фамка юркнула за печку и забилась там в самый дальний угол. Жданка не удержалась и всхлипнула.

Прозрачно-зеленые глаза затопил дикий смертный ужас. Крайн грубо оттолкнул Жданку, выпрямился без посторонней помощи. Слева рубаха вздыбилась неуклюжим кривым горбом.

– Нет... неправда... я чувствую их...

Варка сжал кулаки. Один из отцовских пациентов постоянно жаловался на боль в отрубленной руке.

Лицо крайна успокоилось, подбородок взлетел вверх. Варка втянул голову в плечи. Сейчас в хижину ворвутся живые огромные крылья, пробьют крышу, по досточкам разнесут закопченные стены...

Крайн без сил прислонился к печному боку, затылком прижался к теплым кирпичам. Глаза на пол-лица, переполненные недоумением и острой детской обидой.

– Не может быть... – прошептал он, – я не отрекался... не предавал... не отказывался... крылья служат мне, пока я им верен...

Варка протянул руки, пытаясь удержать, но опоздал. Раненый сорвался с лежанки, одним длинным движением преодолел пять шагов до порога, ударом плеча распахнул дверь и, раскинув руки, прыгнул вперед и вверх, так привычно, легко и уверенно, что Варке опять показалось: он взлетит, крылья развернутся, и воздух станет надежной опорой.

Толкаясь, все бросились наружу. Кое-как обрезанные сизые космы разметались по промерзшей земле. Крайн лежал ничком на припорошенных снегом камнях, и снег под ним уже покраснел от крови. Общими усилиями возвращенный на лежанку, он сразу же отвернулся лицом к стене. Он плакал, костлявые плечи тряслись от рыданий.

Варка робко заикнулся, мол, надо бы сделать перевязку, но не получил никакого ответа. Просто стоять и смотреть на эти дрожащие плечи, на руку в свежих ссадинах, впившуюся в край лежанки, на нелепый горб, вздымавшийся под тонкой рубашкой, было выше его сил.

– Ну, я пошел, – бросил он Фамке, кое-как нахлобучил шапку и выскочил наружу. Через пять минут его догнала Ланка, тащившая за собой Илку.

– Уж лучше навоз, – несчастным голосом сказала она.

Глава 12

Ночь выдалась ясная и холодная. Чахлый костерок, сложенный меж камней под сухим деревом, почти не грел, только освещал протянутые к нему руки. Усталые лица, склоненные над огнем, тонули в тени, видно было лишь шевелящиеся губы.

– Не ест, – говорила Фамка, – не пьет, не разговаривает и, по-моему, даже не спит. Третий день уж так.

– Тоской от него тянет, – вздохнула Жданка, с головы до ног закутанная в Варкину безрукавку, – такой черной кручиной, будто покойник в доме. Не, хуже. Будто все мы уже умерли...

– Ты опять его мысли слышишь?

– Не, не мысли. Я же говорю, тоской тянет.

Беседа происходила под деревом, во-первых, потому, что от Варкиной и Ланкиной одежды нестерпимо несло навозом. Хлев у дядьки Антона оказался обширным и очень грязным. Во-вторых, в доме некуда было деться от горестно неподвижной фигуры крайна.

– Я бы на его месте тоже затосковал, – пробормотал Варка, – лучше помереть, чем лишиться такого...

– Зря ты это, – заспорила Ланка, – он радоваться должен, что в живых остался.

– А если ему без этого не жизнь? – Варка съежился над костром, запустил руки в волосы. На плечи навалилась вина, огромная и черная, как ночь над горами, неподъемная, как горы.

– Он умрет без питья... или от раны... или от истощения. Говорила я тебе – отпусти его, не мучай напрасно. – Хладнокровная Фамка вдруг отодвинулась в тень, подальше от костра.

– Умная ты у нас, – сказал Варка, – а я – дурак, ничего в жизни не понимаю, – встал и направился к хижине.

Войдя, он ощупью зажег лучину и долго возился у стола, косясь на крайна, позванивал склянками, шуршал мешочками, вслух отсчитывал капли. Наконец, держа в руках кружку, присел на край лежанки и будничным тоном поинтересовался:

– Яду не хотите?

Спина крайна, лежавшего лицом к стене, с головой укрытого одеялом, слегка вздрогнула. Варка решил, что это хороший признак. По крайней мере, его услышали.

– У меня тут отвар коры волчьего лыка, настой листьев черного паслена, сок ягод болиголова. Хорошо получилось. Быка свалит. Разом бьет в голову, в сердце и в печень. Очень быстро. Ничего почувствовать не успеете. От раны или от жажды – это еще сколько мучиться. А тут сразу...

Одеяло на лежанке медленно, толчками собралось в бесформенный ком, похожий на мохнатого паука. Из складок вынырнула рука и неуверенно потянулась к кружке. Варка осторожно вложил кружку в руку, прижал к ней дрожащие холодные пальцы.

– Зачем ты это делаешь? – прошелестело из темноты.

– Из жалости. Но если вам нравится просто умирать от жажды – я спорить не буду. Тогда мы еще успеем к дядьке Антону сбежать.

– Зачем?

– За лопатой. Могилу копать.

– Камнями завалите, – отрезал крайн и поднес кружку к губам.

В следующий миг отравы полетела Варке в лицо. Кружка ударилась в переносицу, а содержимое залило глаза, нос и рот.

– Ты кого обмануть вздумал? – яростно прошипел крайн. – Ты, лживый ублюдок! Издеваешься?!

– Я не издевался. – Варка протер глаза, не без удовольствия облизал губы.

– Да?! Маковое молочко, мед, анисовое семя, фиалковый корень... Успокаивающее, обезболивающее, дарующее радостные сны... Черный паслен с анисом перепутал? Болиголов с фиалкой? Знахарь-недоучка!

– Откуда вы знаете? – искренне удивился Варка. – Вы же ни глотка не выпили.

– Пить не обязательно. Достаточно понюхать. В конце концов, кто здесь травник, ты или я?

– Вообще-то я, – уперся Варка. Он поднял голову, стараясь в темноте поймать взгляд крайна. – Да если бы у меня был яд, – запинаясь от ненависти к себе, выговорил он, – я бы, наверное, сам его выпил. Это моя вина. Все из-за меня. А я даже прощения просить не буду, потому что такое простить нельзя. Я же понимаю, что вы потеряли.

– Ты понимаешь?! – Крайн вынырнул из тени, как клещами впился в Варкино плечо. – Ты, человек!

Последнее слово прозвучало как непристойное ругательство.

– Но я... – робко начал Варка, – тот миг, пока мы летели... я никогда не забуду...

– Я тоже, – с невероятной язвительностью прошипел крайн.

Тугая дверь распахнулась, и внутрь ввалились курицы. Как выяснилось, они подслушивали и то ли решили, что Варку пора спасти от разъяренного крайна, то ли просто не удержались на ногах, толкаясь у дверной щели.

– Не бросайте нас! – Жданка подбежала, припала к лежанке, умоляюще заглянула снизу вверх в страшное лицо, исковерканное чистым, обнаженным гневом. – Мы без вас пропадем. Не умирайте, ладно?

– Откуда ты взялась, рыжая?

– Да Жданка я, Жданка с Болота. Не умирайте... Вы же крайн, вы все можете.

– Крайн без крыльев – мертвый крайн. Я уже умер. – Слова обрушились на нечесаную Жданкину голову парой тяжелых могильных плит.

Жданка смотрела непонимающе:

– Но ведь вам же больно. Вам больно и страшно, значит, вы живой.

Некоторое время крайн молча разглядывал ее, глаза его как будто прояснились, ярость ушла из них, осталась одна тоска.

– Не надо так убиваться, – ласково, как маленькому, сказала Ланка, – все как-нибудь уладится. Обычным людям тоже живется неплохо.

– Лю-ю-юдям, – издевательски протянул крайн, – людям! Да лучше быть чумной крысой, чем человеком!

– П-почему? – перепугалась Ланка.

Варка тяжело вздохнул. Цели он достиг, вывел несчастного из апатии, но вовсе не хотел будить такие страсти.

– И кто же это у меня спрашивает? – Яд сочился из крайна, как вода из мокрой губки. – Может, это крысы травили вас собаками? Навозные черви жгли и грабили беззащитный город? Вонючие хорьки убивали на улицах? Крысы, когда жрут своих детенышей, по крайней мере, не ведают, что творят! Ненавижу.

Негромкий голос шелестел змеей в сухой осоке, но ненависть была такой силы, что он резал уши как крик.

– Но не все же люди такие, – жалобно сказала Жданка.

– Какие?

– Злые.

– Ха! Если бы они были злы! Не-ет! Никто из отправивших вас в пасть к мантикорам не желал вам зла. Одни хотели выбиться из нищеты, другие спасали свою шкуру, третьим не хватало на девок и выпивку, а четвертым... четвертым просто на все плевать. Самые обычные, можно сказать, милейшие люди. Обожают своих жен, детей и собак.

– А Стефан? – спросил Варка.

– Стефан, добрая душа, хочет спасти погрязший во зле мир. Восстановить справедливость и каждому воздать по заслугам. Для такой благородной цели, конечно, все средства хороши. Ненавижу людей. Жадные, лживые, трусливые твари. Похотливые и прожорливые.

– Но тогда, – тихо спросил Варка, – почему вы спасли нас? Мы же люди, – заразившись от крайна, слово «люди» он выговорил с усилием, точно ругательство. – Вы же могли улететь прямо из Белой башни. Я видел, вы хотели улететь.

Крайна перекосило, как от Варкиной микстуры.

– Такой вопрос мог задать только человек! Дайте воды и оставьте меня в покое! – После этих слов он снова сделал попытку натянуть на голову одеяло и отвернуться.

– Не-а, – сказал Варка, – вы забыли, что мы, люди, обожаем мучить слабых и беззащитных. Поэтому я сейчас осмотрю рану, а потом будем делать перевязку. Но, так как благородный крайн в своей великой мудрости изволил выплеснуть остатки обезболивающего мне в рожу, ему будет больно. Заранее прошу за это прощения. Девчонки, держите его! Жданка, свет!

Зажги сразу две, а то не видно ничего! А уж потом и водички дадим, неотравленной. Яд денег стоит, а водички нам не жалко. Она тут бесплатная. Можем даже накормить. С ложечки. Уж такие мы изверги, всегда рады унижить ближнего.

– Делайте что хотите, – прошептал крайн, – глаза бы мои на вас не глядели.

Глава 13

– Что делать будем? – спросил Варка, глядя в темноту раннего зимнего утра. Спросил тихо, чтоб не потревожить спящего крайна. – Навоз у дядьки Антона кончился.

– Зато вонь осталась, – поморщилась Ланка, понюхав рукав рубашки.

– Просто так он нас кормить не станет, а работы у него больше нет.

– Я запасла кое-что, – подала голос Фамка, – но надолго не хватит.

– Побираться пойдем, – радостно предложила Жданка, – куда легче, чем работать, и доходу больше.

– Фи, – донеслось из Ланкиного угла, – в нашем роду никогда...

– А в нашем – сколько угодно, – сообщила Фамка, – только не подадут тут нам ничего. У вашего Антона снега зимой не выпросишь. Во всех этих Язвицах-Дымницах тоже, небось, бедствуют.

– Смотря кто пойдет. Вот если мы с Варкой...

– Ага. Вам подадут. Под зад коленом. А потом догонят и еще дадут.

– Это если мы будем просто кланчить.

– А что вы будете делать?

– Петь, – по голосу было слышно, что Жданка улыбается.

– Правильно, – восхитился Варка, – как я сразу-то не подумал?

– Да, – сказала Ланка, – если Ивар будет петь, тогда конечно...

– Ну и где же вы будете петь? Под окном у дядьки Антона? – не унималась Фамка.

– Вниз пойдем, в деревни спустимся. Сейчас везде посиделки, солнцеворот скоро. Жданка, колядки знаешь?

– Еще бы.

– Тебя, Ивар, причесать надо, – деловито сказала Ланка, – умыть, одежду почистить.

– И тогда они ему сами все принесут. Даже петь не придется, – пробормотала Фамка.

Когда рассвело, насильно причесанный и кое-как умытый Варка влез в безразмерные стеганные штаны. Свои лицейские панталоны он отдал Жданке. Совет крайна насчет девок был усвоен твердо. Дранные лохматые шапки, овчинные безрукавки поверх заношенных рубах – все выглядело достаточно жалко.

Увлечшись сборами, они не сразу заметили, что за их суетой исподтишка наблюдает крайн. Наблюдает с глубочайшим неодобрением, хуже того, с отвращением. Поймав Варкин взгляд, он закрыл глаза.

– Ну, мы пошли, – бодро сказал Варка, – сегодня особенно не ждите, может, там заночевать придется.

– Эй, – остановил его на пороге скрипучий голос, – в Дымницы не спускайтесь. На дорогах опасно.

Идите в Починок-Нижний, найдите там тетку Таисью. Скажете ей – младший Лунь вернулся.

– Она вам поможет? – обрадовалась Жданка.

– Она поможет вам. Расскажите ей всю правду. Сделаете, как она велит.

– А она кто? – забеспокоился Варка, который страсть как не любил делать что велят. – Крайна?

– Она – тетка Таисья, – соизволил объяснить крайн и отвернулся к стене.

* * *

Жданка резвилась, как щенок, спущенный с привязи. Пусть день холодный и пасмурный, пусть Фамкины башмаки велики и виснут на ногах как колодки, пусть штаны норвят свалиться и путаются в ногах. Зато все бело от первого легкого снега, дышится свободно, не то что в душной прокопченной лачуге, а рядом Варка, и пробудет рядом с ней целый день, а то и больше, никуда не денется.

С холма они слетели парой вспугнутых серых воробьев, шустро проскочили мимо дома дядьки Антона. На крыльцо выполз сам хозяин и долго смотрел им вслед. Взгляд у него был тяжелый, как колун, но Жданкиного настроения это не испортило. Свобода! Целый день можно бродить где угодно и не видеть перед собой черные постылые стены.

Посвистывать, подпрыгивать и напевать Жданка перестала, только когда они вошли в лес. В лесу она отродясь не бывала. Даже в Садах наместника ей побывать не пришлось. Ее миром были улицы, дома, мостовые, замусоренные площади базаров, грязные портовые тупики и переулки, никогда не утихающий шум и безумная пестрота красок.

В лесу царили два цвета: черный и белый. Черные скелеты обнаженных деревьев и белый снег под ними. На снегу черные точки упавших шишек и черточки сломанных веток. Да еще колея, две черные линии на белой дороге.

Починок-Верхний исчез за спиной, дорога поворачивала, черные стволы смыкались плотней и плотней. Тишина стояла такая, что закладывало уши. Вокруг их одинокой хижины никогда не было так тихо. Там, на вершине холма, никогда не умолкал ветер. И краски там были поярче: бурая трава, серые скалы, густо-синяя тень на снегу, кусты, усыпанные оранжевыми ягодами...

– Вар, – шепнула Жданка, – чего это они страшные такие?

– Кто?

– Деревья.

– Почему страшные? – Варка бодро шагал рядом, прямой, спокойный, прекрасный, как принц, даже в мерзкой лохматой шапке.

– Черные. Вроде елки, а иголок нету. Одни шишки на ветках торчат. Может, тут пожар был?

– Ну, курица, ты даешь. Лиственницы это. Зима же идет.

– А-а, – сказала Жданка. Про лиственницы под мостом никто ничего не рассказывал, но раз Варка считает, что все в порядке, значит, так оно и есть.

Колея круто пошла вниз. Лес густел, темнел, под деревьями появились низкие ползучие кустики с ярко зеленевшими на снегу круглыми листочками, потом голые кусты повыше и погуще. Наконец показались и обычные лохматые елки.

Дорога крутила, ныряла в распадки, потом снова начинала карабкаться вверх, виляла, огибая особенно толстый ствол, крутосклонный овражек или болотину с темными озерами замерзшей воды. Жданке стало ясно, что они заблудились и вообще никогда никуда не придут. Колючие ветви сошлись над головой. Здесь снега почти не было. Под ногами непривычно пружинила опавшая хвоя. Жданке вспомнился неприятный взгляд дядьки Антона. Теперь ей казалось, что эти пустые глаза глядят в незащитную спину из-за каждого ствола.

– Вар, а звери здесь есть?

– Есть, наверное.

«Звери – это дичь, – пронеслось у него в голове, – а дичь – это мясо». С некоторых пор Варку не покидало ощущение, что сейчас дичью является он сам.

– Вар, а можно я тебя за руку возьму?

– Можно, но лучше не надо.

– Почему?

– Идти неудобно будет.

Ельник оборвался, потянулись густые путаные кусты, колея испортилась, начались глубокие колдобины, покрытые льдом. Лед оказался тонким, трещал под ногами, и Варка велел пробираться с краю. Не хватало еще промочить и без того холодную обувь.

Так они карабкались, скользя и цепляясь за тонкие ветки, и вдруг кусты кончились. Открывшийся вид был огромным, как новый, неведомый мир. Сбоку и слева сквозь туман смутно просвечивали горные вершины.

Жданке казалось, они спускались так долго, что ниже уже некуда. Но просторная долина между двумя расходящимися грядами лесистых холмов лежала далеко внизу. Белые пятна полей, черные или синеватые – леса. Далекий изгиб реки, четко очерченный темной полосой кустов. Кое-где странные коричневатые кучки, над которыми курился прозрачный дымок. «Дома, – сообразил Варка, – деревни».

Впрочем, один дом обнаружился неподалеку. Дорожная колея, миновав его, бодро бежала дальше.

– Ага, – сказал Варка, – это, наверное, и есть Починок-Нижний. Как там эту тетку зовут? Анфиса?

– Таисья.

– Пошли, обрадуем ее. Скажем, господин Лунь вернулся.

– Думаешь, не обрадуется?

– Кто ее знает. Я бы не обрадовался.

Дом, такой же приземистый и широкий, как у дядьки Антона, под такой же травяной крышей, точно так же был огорожен нестругаными жердями. Имелись и ворота, старательно завязанные веревочкой. На задах, со стороны леса, припорошенный снежком огород, десяток высоких пеньков неизвестного назначения и дальше, до самой опушки ряды приземистых корявых деревьев.

– Яблони, что ли? – неуверенно предположила Жданка.

– Яблони, вишни, сливы, – просветил ее Варка, – хороший садик у тетки Таисьи. Варенье, небось, варит... или пастилу делает...

– Может, расщедрится, – размечталась Жданка, – хоть лизнуть даст.

Осторожно оглядевшись и убедившись в том, что никто не собирается метать в него поле-нья, Варка нырнул под нижнюю жердь. Еще летом он перемахнул бы через эту хлипкую ограду одним прыжком, но сейчас старательно оберегал свое изломанное, изголодавшееся тело от лишней работы.

Оставляя на запорошенной тропинке две цепочки черных следов, они приблизились к трухлявому, покосившемуся крылечку. Варка заранее снял шапку и постучал. Никакого ответа.

Он постучал сильнее, от леса долетело смутное эхо, но в доме по-прежнему было тихо. Только тут Варка заметил, что дверь наискось заложена толстыми навозными вилами.

– Нету здесь никакой тетки, – с тоской протянула Жданка. Как видно, мечты о варенье пробрали ее до глубины души.

– Точно, нет, – вздохнул Варка.

– Может, ушла куда. Подождем – придет.

– Не... Тут давно уже никого нет. Дымом не пахнет, скотиной не пахнет, тропинка к крыльцу не протоптана...

Варка неторопливо обошел дом.

– Ну вот, и дров нет. Значит, зимовать тут никто не собирается.

Надвинув шапку на глаза, он плюхнулся на крыльцо. Жданка пристроилась рядом, прислонилась к его плечу. Они глядели вниз, на долину с рекой, полями, деревнями и, возможно, славным пригорским городом Трубежем.

– Надо идти вниз, – неуверенно пробормотал Варка.

– А крайн сказал – вниз не ходить, опасно.

– Не пойдем – ничего не добудем.

– Сходил уже один такой.

Варка помолчал. Довод был сильный, убедительный.

– Вернемся пустые – твой крайн первым с голоду сохнет. Ему хорошую пищу надо.

– Он не мой, он наш, общий, – сказала Жданка и для тепла покрепче прижалась к Варкиному боку.

Посидели, повздыхали, глядя на темную колею. Жданка совсем затосковала и от тоски тихонечко затыкнула «Позабыт, позаброшен, с молодых юных лет я остался сиротой, счастья-доли мне нет».

– Вот умру я, умру я, – подхватил Варка, – похоронят меня...

«Нет, не похоронят, – уныло размышлял он, выводя жалостные высокие ноты, – не добудем еды – и хоронить-то нас будет некому».

Слезная песня кончилась. Надо было на что-то решаться.

– Хм, – сказали рядом густым нутряным басом.

Варка сам не понял, как это у него получилось, но в следующий миг он уже оказался на ногах, поставил позади себя, спиной к запертой двери ошеломленную Жданку и попытался незаметно отнять у нее любимую заточку. Жданка, дура такая, сопротивлялась и нож не отдавала.

Над ними, заслонив весь белый свет, навис мужик самого зверского вида. Между лохматым отворотом шапки и лохматой, торчащей во все стороны бородищей виднелся только могучий грушеобразный нос. Глаза, брови и прочие мелкие подробности отсутствовали. Шапка была черной, борода – черной, огромный, колом стоящий тулуп – тоже черным.

Варка сжал кулаки. Вроде пора драться, а куда бить – непонятно. Разве что в нос.

– Эй, – сказал мужик из глубины пышной бороды, – а веселые знаете?

– Чего веселые? – прохрипел Варка.

– Знаем! – пискнула Жданка.

– А ну-ка, спойте, я послушаю.

Варка еще только пытался разжать кулаки и восстановить дыхание, а Жданка уже завела:

*Хороша наша деревня,
Только улица грязна,
Хороши наши ребята,
Только славушка худа.*

* * *

Под лесом у дядьки Валха оказался лохматый вороной жеребец, легко тянувший под гору здровенную связку жердей. Жданку усадили на жерди. Варка пошел рядом с конем.

– Супрядки сегодня у нас, – доносилось из недр бороды, – девки обрадуются. Поете больно хорошо. Накормят, напоят и спать положат, не сомневайтесь.

– Мы плату с собой берем, – затыкнул старую песню Варка, – у нас товарищ больной, помороженный, сами мы из Белой Криницы, была метель, заблудились, прибились к дядьке Антону, а дядька Антон, сами знаете, даром кормить не станет.

Дядька Валх согласно побряхтывал. Очевидно, уже имел дело с хозяином Починка-Верхнего. Жеребец уверенно влек свою ношу. Опасные Дымницы неуклонно приближались, открылась река, темная полоса, извивающаяся меж белых холмов. Колея потянулась вдоль реки в поисках моста. От быстрой ходьбы Варка стало жарко, он снял шапку, затолкал за пояс.

Мерное движение резко оборвалось. Варка, державшийся за сбрую, споткнулся на полном ходу и обнаружил, что дядька Валх пялится на него поверх лошадиного крупа. Шапка черным лохматым зверем сама собой сползла с его головы, спина согнулась в поклоне.

– Прощенья просим, высокий господин, люди мы простые, не ученые. Где уж нам тебя признать. Отчего сразу не сказал, что ты крайн?

– Чего? – ахнул Варка. Все повторилось, как в дурном сне. Что они тут, всем Пригорьем свихнулись?

– Если господину крайну угодно остаться неузнанным, ему стоит только приказать.

С досады Варка вцепился в собственный хвост и как следует дернул. Неужто он так похож на Крысу? Вот ужас-то. Или здешние крайны были похожи на Варку, а Крыса от тяжелой жизни и дурного нрава вообще ни на что не похож? Запутавшись в том, кто на кого похож, Варка уныло вздохнул.

– Честное слово, я не крайн, – тупо пробубнил он, – и ваше, не здешние мы...

– Крайнов не бывает, – громко сказала Жданка. При одной мысли, что этот страшный дядя доберется до бедного беспомощного крайна, ей стало нехорошо.

– Это у вас, внизу, ничё не бывает, – прогудел дядька Валх, – а у нас, в Пригорье, дело иное. Так не крайн, говоришь?

– Не-а, – Варка для убедительности так замотал головой, что хвост хлестнул его по носу.

– А похож, – хмыкнул мужик и нахлобучил шапку.

– На кого? – слабым голосом пробормотал Варка. – Не бывает их...

Дядька Валх снова хмыкнул и ткнул лошадь кнутовищем, понуждая ее двигаться дальше. Стучали копыта, концы жердей противно скребли по мерзлой земле.

– Вот ты говоришь – не бывает, – добавил он после продолжительного молчания, – а у меня в дружках крайн ходил.

– Э... – сказал Варка, не зная, относиться ли к этому как к откровенному вранью или все же стоит поверить.

– Вроде тебя был, – невозмутимо продолжал мужик, – и голос, и волосы белые, и лицо такое... девкам очень нравился. Разве что глаза... Взгляд у тебя другой.

«Надеюсь, другой», – подумал Варка, зябко передернув плечами.

– Мы тогда совсем щенята были, вон как брат твой.

– А как его звали? – внезапно заинтересовалась Жданка.

– Кого?

– Дружка вашего.

– Да кто ж его знает. Как он по-ихнему прозывался – никто у нас выговорить не мог. Сказывал он мне свое прозвание, да позабыл я. Долгое больно. А в деревне его Седым звали.

– Почему? Он седой был?

– Не... я ж говорю, волос белый.

– А крылья у него были?

– Были, как не быть. У крайнов зарок такой – людям крылья не показывать. Примета вроде: крылья показать – крыльев лишиться. А какая жизнь крайну без крыльев... Ложись да помирай. Но все ж таки я видел.

– Где?

– Во-он там, – узловатое кнутовище ткнуло куда-то под обрыв, в самую середину реки. – Мы с ним как-то по весне поленились через Жажлев мост идти. Спешили, вишь, тоже на супрядки. Ну, затрещало под нами. Он сразу взлетел, а я ухнул в чем был, в тулупе и котях.

А там стремнина. Он меня уж из-подо льда выдернул. Ухватил за что успел, за шиворот да за волосы. Я ему потом под горячую руку накостылять хотел. «Больно же, – ору, – ты, такой-сякой, мне всю прическу нарушил». А он смеется. Не понимаешь ты, говорит, своего счастья. Да ты гордиться должен, что благородный крайн собственноручно изволил тебя за волосы отгаскать. Теперь у тебя такие кудри вырастут, девки с ума сойдут. И точно, выросли. Хоть каждый год, как овцу, стриги... Дружка уже нет, а память осталась. При крайнах-то нам полегче жилось. Захворает кто – люди ли, скотина ли – все к ним, – дядька Валх кивнул в сторону еле видимых в тумане гор, – и потише было. А теперь шляются всякие.

– А куда они делись? – не отставала Жданка.

– Кто?

– Крайны.

– Ушли, – буркнул мужик и снова спрятался внутрь бороды, да так надежно, что до самых Дымниц не проронил ни одного слова.

* * *

Дымницы, десяток домов, разбросанных как попало над медленной Тихвицей вместе с баньками, клунями и сараюшками, вопреки предостережениям крайна не таили в себе ничего опасного, кроме собак, сбежавшихся со всех дворов, чтобы не пропустить редкостное зрелище: целых два чужака в непонятно пахнущей одежде.

Дядька Валх небрежно разогнал их кнутом и отвел песельников к тетке Ружене, у которой и намечались супрядки. До вечера Варка успел передохнуть, наестся пареного гороху и забился в самый темный угол, за печку. Так что, когда заявились девки и бабы со своей работой, никто не приставал с глупыми расспросами и не обзывал его крайном. Хватило и того, что хозяйка весь день косилась на него как на заморское чудо. Девки в Дымницах оказались какие-то странные. Либо совсем молодые девчонки чуть ли не Жданкиного возраста, либо замученные пожилые тетки. Варка удивился, но не слишком. После сытной пищи клонило в сон. Жданке то и дело приходилось пихать его в бок или пинать костлявой пяткой. Они спели про то, как снега белые, пушистые покрывали все поля, и про княгиню и змея, и про несчастных Софьюшку и Василия. Под конец Варка проснулся, распелся и в одиночку, без Жданки выдал свою любимую балладу о верной Эдите, Белой Лебедушке. Это была ошибка. Девки заинтересовались и попытались выманить его из угла. Но тут в дом вломилась парни, всего-то человек пять, но шумели и орали они за десятерых. Про Варку сейчас же забыли.

Расплатились с ними, по мнению Жданки, очень щедро, остатками принесенного на супрядки угощения. В торбу попали и пирог с луком, и черные, но пухлые оладьи, и даже пяток печеных яиц. Сверх того тетка Ружена насыпала им бобов, но не порченных, как у дядьки Антона, а хороших, чистых. Заодно Варка выяснил, что в округе, кроме Язвиц, имеются еще Быстрицы, Кременец, Столбцы и Добрицы.

– Пойдем дальше? – предложила впервые за полгода досыта поевшая Жданка.

– Не, – решил Варка, – домой. Мы-то наелись, а они-то нет.

До леса их довез вчерашний дядька Валх, которому снова надо было за жердями. В лесу тоже не встретилось ничего ужасного. Самым страшным приключением на обратном пути оказалась встреча с дядькой Антоном, который снова стоял на крыльце и провожал их тяжелым взглядом.

Дома все обстояло благополучно. Ланка поругалась с Фамкой всего раз пять, не больше, косы у них были целы и лица не расцарапаны. Илка, похоже, понемногу приходил в себя. Сидел у стола и совершенно самостоятельно играл в щепочки. Ему даже удалось сложить кособокий домик. Ланка похвалила его, погладила по голове, и, чудо из чудес, Илка неуверенно улыбнулся.

Крайн пребывал в прежнем положении, на лежанке, лицом к стене. Глядя в неподвижную скрюченную спину, Варка доложил о том, что в Починке-Нижнем никакой тетки Таисьи не оказалось. С тем же успехом можно было беседовать с печкой...

Варка вопросительно уставился на Фамку, дрожавшими руками разбиравшую еду. Фамка шмыгнула носом и за рукав потянула его в холодный чулан.

– Вроде обошелся, – прошептала она. – Лекарство выпил. Поел немножко. Разговаривал даже.

– О чем?

– Спросил, какая погода, нет ли метели. По-моему, он за вас боялся.

– Шас... Нужны мы ему как прошлогодний снег. Тяжко тебе с ними... Двое больных... и Ланка, небось, скандалит.

– Была бы еда...

– Еда будет. Завтра мы со Жданкой опять пойдем. До весны как-нибудь протянем, а весной подадимся отсюда куда-нибудь.

– Куда подадимся-то, Вар? Здесь хоть войны нету...

* * *

Чернотроп кончился. Начался ледяной ветрозвон, месяц северных ветров и холодных туманов. Варка все время мерз. Обувка была плохая, не зимняя, побитая о мерзлую грязь на пригорских дорогах. Язвицы, Дымницы, Быстрицы, Добрицы слились у него в голове в одно неприятное бестолково построенное селение, то лепившееся у подножья уходящего вверх лесистого холма, то вытянувшееся вдоль свинцово-серой Тихвицы, по которой медленно плыла ледяная шуга, то разбросанное на горках и пригорках у бурного, несмотря на крепнущую зиму, белопенного Трубежа.

Дороги тоже слились в одну, покрытую закаменевшими комьями глины, теряющуюся под легким сухим снегом, раскисшую под дождем в пору поздней глухой оттепели. Холод, ломота в застывших руках, боль в сбитых ногах и вечный червячок голода.

Были ли дороги опасны? Наверное, были. Впервые услышав тоскливый, как сама зима, вынимающий душу вой, Варка перепугался до обморочной тошной дрожи. «Это волки, – растолковали ему, – волки сбиваются в стаи», и он успокоился. На волков он был согласен. Что такое волки по сравнению с мантикорами? Милые добродушные зверюшки.

Несколько раз мимо проносились, гремя оружием и дорогой сбруей, конные отряды. Однажды прошла нестройная толпа новобранцев под конвоем вербовщиков князя Филиппа, владения которого, княжество Сенежское, лежали на юго-западе. Князь владел всем Пригорьем, включая долину Трубежа. Во всяком случае, он так думал. Адальберт, седьмой барон Косинский, обитавший за перевалом на востоке, думал иначе. Местные же твердили, что долина Трубежа спокон веков ходила под крайнами и потому ни князь, ни барон им не указ. При крайнах подать никому не платили и теперь не станем. Ни деньгами, ни зерном, ни скотиной. При крайнах воинских наборов не было, и теперь нечего здесь вербовщикам шлаться. Кто там с кем воюет – не наше дело. Про то пусть князь думает, а мы и без его войск проживем. Ни лошадей, ни людей, ни кормов не дадим, пусть убираются в свой Сенеж...

Таких речей, обычно не очень трезвых, Варка наслушался достаточно. Ему самому было уж точно все равно: князь, барон или крайны, которых нету. Единственный известный ему крайн на власть никак не посягал и, похоже, пуше всего боялся, как бы его не нашли.

Конные или пешие солдаты не интересовались двумя нищими, уныло бредущими по краю дороги. Зато их дважды останавливали какие-то вовсе непонятные люди, в первый раз – бородатые и оборванные, во второй – тоже бородатые, но одетые щеголевато, в тулупчиках на одно плечо, крепких сапогах и чистых рубахах.

Первые отобрали все съестное и, слегка наkostenя по шее, приказали убираться. Отобрали бы и одежду, да она была слишком плоха.

Вторые тоже перетряхнули всю торбу, но, не найдя денег, махнули рукой и собрались было отпустить с миром. Однако их конный предводитель небрежно поинтересовался, не те ли они песельники, что живут у дядьки Антона, и, получив утвердительный ответ, потребовал песен. Варка хотел было начать что-нибудь бодрое, но Жданка, хорошо знавшая вкусы либавских воров и разбойников, завела:

*Родила меня мать в гололедицу,
Померла от лихого житья...*

Песня это длинная, жалостная. Варка стоял на дороге, глядел на тонкие голые ветки, на зимнее небо над ними и, забыв обо всем, пел так, будто никакого предводителя рядом не было. Жданка искоса поглядывала на него, прямого и ясного, как солнечный луч, случайно заблудившийся в этом сером лесу, и думала, что ей никогда так не спеть, не стоит и стараться.

В конце концов предводитель отер скупую мужскую слезу и, уезжая, от широты души швырнул Варке под ноги два гроша. Неслыханная щедрость. Денег им еще никогда не давали. С деньгами в Пригорье было туго, почти никто их не имел, а те, кто имел, расставались с ними крайне неохотно.

* * *

Посиделки в Язвцах, супрядки в Кременце, вечерки в Быстрицах...

Настало время, когда он с удивлением понял, что больше не любит петь. Никакой радости не доставляла эта нудная работа в душных чадных горницах, частенько на голодный желудок, через тяжелую угарную полусонь и вечную неизбежную усталость.

Обычно он старательно прятал лицо, отсиживался по темным углам и шапку снимал только в самом крайнем случае. Впрочем, про крайнов его больше никто не спрашивал. Правда, случалось, что девки рано или поздно обращали внимание на красавчика-певца, вытаскивали к общему столу и донимали угощением и разговорами.

Частенько после этого за околицей Варку со Жданкой поджидали местные парни, одержимые дружным стремлением поучить жизни смазливому бродягу. Некоторых удавалось отпугнуть выражениями из тех, что были в ходу на Болоте, и Жданкиной заточкой. От других – убежать. Бегать Варка со Жданкой умели, да и одеты были полегче. Раза три-четыре пришлось все-таки подрасться.

– Только малого не троньте, – обычно просил Варка. Парни не возражали. К рыжему «малому», хилому, бледному, да еще и конопатому, у них никаких вопросов не было.

Дрался Варка люто, по-уличному, не брезговал никакими грязными приемами. Число и возраст нападавших переставали его волновать, как только всерьез начиналась драка. Простодушных пригорских парней, умевших только ухать и широко, от души замахиваться, эта лютость обычно пугала.

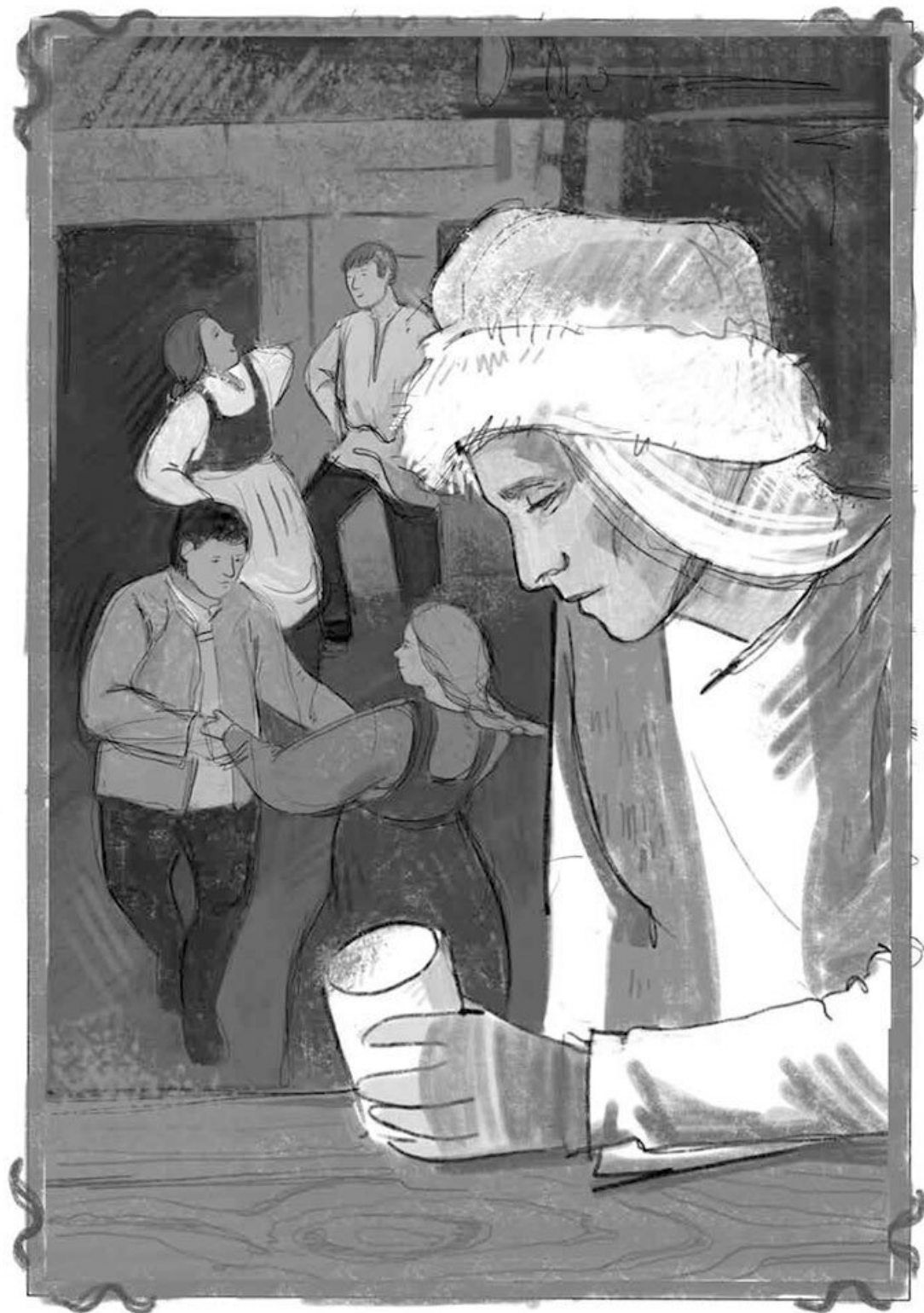
Однажды его все-таки порядочно побили. Очнувшись, он обнаружил, что валяется на неудобной, жесткой, холодной дороге и Жданка, всхлипывая, трет ему виски грязным снегом. Кто-то добросовестно попытался сломать Варкин точеный нос. Варка тихо надеялся, что попорченное лицо положит конец вечным неприятностям из-за разнообразных куриц, но не повезло. Крови натекло много, однако нос только слегка распух, да вокруг глаз долго держались страшные черные синяки.

Как-то раз на супрядках в Светлице парни, развеселившись, заставили его выпить стопку сивухи. Варка выпил, чтоб отвязались, и, отказавшись от закуски, лихо занюхал рукавом. Как

ни странно, стало полегче. Ломота в ногах прошла, есть почти расхотелось, и вдруг растворилась холодная тоска, глодавшая его изнутри. Он даже смог улыбнуться по-настоящему, чего с ним давно уже не случалось. С тех пор он никогда не отказывался, если наливали, а наливали частенько.

Они со Жданкой стали чем-то вроде местных знаменитостей. Слава о голосистых огольцах, которые поют не хуже крайнов, а может, даже крайнам сродни, дошла едва ли не до самого Трубежа. Как-то раз они больше недели не могли вернуться домой. Уже на дороге в Дымницы их догнала разукрашенная тройка и умчала на свадьбу аж в подгорные Столбцы.

Свадьба была бедная, но шумная, людная. Угощение небогатое, но домодельной сивухи целое море. Должно быть, полгода всей деревней копили.

Варка пел и пил и снова пел, пока мог. Из душного тумана, дрожащего от выкриков и топота лихой пляски, вдруг вынырнула Жданка, больно ударила по рукам и попыталась, дура этакая, отнять кружку. Варка кружку, ясное дело, не отдал, а Жданке врезал как следует между глаз, чтоб не лезла не в свое дело. Впрочем, кажется, попал не совсем по Жданке.

Утром он проснулся под лавкой со смутным ощущением, что смертельно болен и уже никогда не оправится. В головах нашлась битком набитая торба, а в ногах – чем-то расстро-

енная Жданка. Рыжие волосы перьями торчат вокруг синюшно-бледного лица, левое ухо распухло и красно как кумач, на лице брезгливое недоумение. Варка слегка опешил. Обычно на этом лице было написано безоговорочное восхищение его особой и полное согласие со всеми его поступками.

– Пей, – велела она, протягивая расписную миску с чем-то на редкость вонючим. От удивления он подчинился. В миске оказался крутой огуречный рассол. Малость полегчало. Похоже, болезнь была не такой уж смертельной.

– А теперь пошли отсюда.

Варка снова подчинился и полез к двери, переступая через какие-то неподвижные тела.

Снаружи была оттепель. Дороги раскисли. Выбоины наполнились стывшей водой. Ноги сразу промокли. Варка шел согнувшись, опустив тупо нывшую голову. Впереди неутомимо прыгал Жданкин рыжий хвостик, а под ногами чавкала липкая глина. Идти им было верст двадцать, не меньше.

* * *

Ланке все время хотелось плакать. Есть тоже хотелось, но не так сильно. В торбе, которую Варка приносил из своих походов, иногда попадалось даже сало, козий сыр, вагрушки или печеные яйца. Чаще, правда, Фамка извлекала оттуда помятые черные пироги с луком, краюшки хлеба, оранжевые ломти вяленой тыквы, бобы, горох, крепенькие желтые репки.

Сам же Варка стал какой-то чудной. Как будто и не Варка вовсе. Угрюмый, молчаливый, растерявший стремительность и легкость движений. Дома он оставался не больше одного-двух дней, и то все лежал на спине, пристроив к теплой печке красные помороженные ноги. Говорил только с Фамкой и только о чем-то ужасно скучном: где взять дров, да на сколько хватит еды, да как бы раздобыть для всех зимнюю обувь, хотя бы и поношенную. Ланку же, как она ни старалась, почти не замечал, жалобы выслушивал вполуха, на слезы не обращал внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.